

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2021 Том 21 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.**
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2021 Volume 21 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 05.09.2021. Выход в свет 15.09.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,2. Тираж 500 экз. Заказ № 622. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

© Российский университет дружбы народов, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Гориков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Кравченко С.А.** Новый трансмиссионный механизм для устойчивого и гуманистического формирования человеческого капитала: востребованность «поворота ригидности» (на англ. яз.) 433
- Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г.** Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению 444
- Сорокин П.С., Попова Т.А.** Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации 457

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Данилов А.Н., Ротман Д.Г.** Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии 469
- Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Вартанова М.Л., Черникова А.А.** Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции 482
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.** Типологии аномалий в высшем образовании 497
- Мосакова Е.А., Кизилова К.** Рынок труда в Великобритании в цифровую эпоху: гендерное измерение (на англ. яз.) 512
- Савенкова А.С.** Представления о рынке труда молодежи России, Китая и Германии: сопоставительный анализ 520
- Музыкант В.Л., Мукситх М.А.** Региональные выборы 2020 года во время пандемии covid-19 в Индонезии и их социальные последствия (на англ. яз.)..... 536
- Валитова З.Х., Есимова А.Б.** Территориальные образы Казахстана в восприятии студенческой молодежи 543

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Шарков Ф.И., Силкин В.В.** Генезис социологии медиапространства 557
- Голодова Ж.Г., Смирнов П.А.** Малое предпринимательство: роль в социально-экономической системе 567

Карташкин В.А., Быков Е.П. Права человека и информационный экстремизм	580
Рындина А.С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития	590
РЕЦЕНЗИИ	
Троцук И.В. Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости	610
Субботина М.В. Негероические герои: два подхода к анализу медийных образов	623
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Рязанцев И.А., Плюснин Р.М., Каргин Е.А. VII международная научная конференция «Цифровизация общества и будущее христианства. К вопросу о трансформации ценностно-нормативной системы общества»	634
НАШИ АВТОРЫ	641

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kravchenko S.A.** New transmission mechanism for the sustainable and humanistic development of human capital: Demand for the ‘rigidity turn’ 433
- Puzanova Zh.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G.** Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement 444
- Sorokin P.S., Popova T.A.** Classical and contemporary approaches to the study of solidarity: Challenges and perspectives under destructuretion 457

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Danilov A.N., Rotman D.G.** The youth of contemporary Belarus: Basic values, life plans and behavioral strategies..... 469
- Osadchaya G.I., Kireev E.Yu., Vartanova M.L., Chernikova A.A.** Formation of the youth’s social memory in the Eurasian integration states-participants 482
- Zborovsky G.E., Ambarova P.A.** Typologies of anomalies in higher education 497
- Mosakova E.A., Kizilova K.** Labour market in the UK in digital era: The gender dimension 512
- Savenkova A.S.** The youth’s perceptions of the labor market in Russia, China and Germany: A comparative analysis 520
- Muzykant V.L., Muqsith M.A.** Social consequences of the 2020 regional elections in Indonesia under the covid-19 pandemic 536
- Valitova Z.Kh., Yessimova A.B.** Territorial images of Kazakhstan in the perception of the student youth 543

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Sharkov F.I., Silkin V.V.** Genesis of sociology of media space 557
- Golodova Zh.G., Smirnov P.A.** Small entrepreneurship: The role in the social-economic system 567
- Kartashkin V.A., Bykov E.P.** Human rights and information extremism 580

Ryndina A.S. The origins of the theory of values in sociology and directions of its development	590
--	-----

REVIEWS

Trotsuk I.V. How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice	610
---	-----

Subbotina M.V. Non-heroic heroes: Two approaches to the analysis of media images	623
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Ryazantsev I.P., Plyusnin R.M., Kargin E.A. VII international scientific conference “Digitalization of society and the future of Christianity. On the transformation of the value-regulatory system of society”	634
--	-----

AUTHORS	641
----------------------	-----

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-433-443

New transmission mechanism for the sustainable and humanistic development of human capital: Demand for the ‘rigidity turn’*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The author considers the becoming complex reality as developing nonlinearly and demanding new transmission mechanisms for the formation of human capital and also factors that contribute to changes in these realities: self-reflection of both nature and society; social gaps and traumas as becoming a ‘norm’; backward and forward trends; the increasing number of bifurcation points; ambivalences; side effects of digital innovations; consequences of global pandemics, etc. — all of them facilitate changes in the mechanism for the development of human capital. In the 1960s, G. Becker and T. Schultz introduced the term ‘human capital’ to start the studies of factors that make mechanisms of its formation more complex. Since then, many theories have been introduced to explain challenges to human capital, because various transmission mechanisms of influencing human capital have been formed as culturally and politically determined. Today, there are two challenges affecting the nature of human capital: digitalization and the global covid-19 pandemic create new requirements for human capital and change the transmission mechanism of its formation. However, the dominant pragmatic and formal-rational approaches to human capital distort its humanistic and sustainable components. The author insists on the need to create a new transmission mechanism for the sustainable and humanistic human capital development, which would include social-cultural and value elements, humanized digital technologies, bioethics and social epidemiology — in order to help social actors to function more effectively under the global complexity and nonlinear development. The author outlines the theory of the ‘rigidity turn’ as a social discourse, which aims at studying long-lived phenomena of social order and developing intellectual and practical foundations of the sustainable and humanistic formation of the human capital.

Key words: global complexity; nonlinearity; human capital; transmission mechanism; digitalization; sustainable development; humanism; ‘rigidity turn’

* © S.A. Kravchenko, 2021

The article was submitted on 19.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

All the matter, including inorganic, organic and social worlds, possesses self-reflexivity and develops with the *increasing dynamic complexity* under the effect of ‘the arrow of time’ introduced by the Nobel Prize winner I. Prigogine [26]. Today, this effect is increasingly evident in the nonlinear complex reality, which leads to the epochal changes in the man’s nature and in the transmission mechanisms for the formation of human capital.

As Beck argues, the younger generations “incarnate the digital *a priori* — yet not at the end but at the beginning of their socialization”. They “were already born as ‘digital beings’. What has been packed into the magic word ‘digital’ has become part of their ‘genetic output’... One can see the empowerment of the younger generation and the disempowerment of the older generation: it is a subtle and surreptitious process... the relationship between the teacher and the student is dissolved, even reversed” [4. P. 188, 189, 191]. Therefore, the ‘pure’ human capital and the ‘authentic’ transmission mechanism for its development cease to exist. Younger people begin their social life with ‘googling’, thus, constructing their *second digital body* and becoming *social-digital hybrids*. To explain these ‘complex hybrid formations’, Urry proposed such theoretical terms as the ‘complexity turn’ [33; 34], ‘mobility turn’ [35], and ‘resource turn’ [36]. All these approaches aim at examining the effects of ‘the arrow of time’ and the factors of the nonlinear development for the contemporary world consists of complex physical, social, economic, technological and bio hybrids which cannot be reduced to one of these elements as being ‘*social-material*’. Within them “change is non-linear; there is no proportionality between ‘causes’ and ‘effects’; the individual and statistical levels of analysis are not equivalent; the system effects do not result from adding together individual components” [37. P. 60].

Younger generations turn into hybrid social-material systems, i.e., the complex and nonlinear formation of human capital is determined by both human and nonhuman actants functioning on the basis of digital technologies and artificial intelligence. Challenges to human capital become more evident in their *dehumanization* consequences. People cannot stop the influence of ‘the arrow of time’ but can create a new transmission mechanism for the sustainable and humanistic development of human capital. There are factors that can both minimize these challenges and open perspectives for the *humanistic core* of human capital in order to allow a successful adaptation to the global complexity, nonlinearity, digital innovations, and new pandemics. Among the most significant of these factors, there are humanistic knowledge and practices, traditions, customs, habits, archetypes, and *social routines* (Giddens) [13]. These and other factors of social stability constitute the basis of the ‘*rigidity turn*’ as a social discourse which aims at studying long living phenomena of social order and at providing intellectual and practical foundations for the new transmission mechanism for the sustainable and humanistic formation of human capital. Humanistic components in human capital depend on the functionality of institutions, values and norms of the sustainable development, and on the knowledge that ‘preserve’ spiritual and humanistic features of the man.

‘The rigidity turn’ does not oppose ‘the complexity turn’ and other approaches to the study of ‘the arrow of time’ — on the contrary, it emphasizes challenges of the global complexity and nonlinear development, the significance of long living and humanistic components for the sustainable development in general and for human capital in particular. The synergy of all ‘turns’ provides better knowledge (achievements of science and theology, sociology and psychology, thermodynamics and biology, anthropology and social epidemiology, information theory and cybernetics, semiotics, etc.) and opportunities for the new transmission mechanism for the sustainable and humanistic formation of the human capital.

The more complex trends of social acceleration, the greater demand for the ‘rigidity turn’

Today, the social change acquires different and more complex trends. The terms ‘evolution’ and ‘revolution’, used for the linear interpretations of historical processes, were features of Newton’s picture of the world. They presupposed the ‘progressive’, ascending development from the ‘lowest’ to the ‘highest’, which allowed to justify the ‘objective laws’ of the social change for the interpretation of human nature and the future of society. The majority of these visions did not come true for the world began developing in a different — *nonlinear* — way. Einstein’s nonlinear picture of the world was confirmed, which makes the following factors the essence of change: self-reflection of nature and society; social and cultural traumas; backward and forward trends; the increasing number of bifurcation points; ambivalences (according to Merton, social forms can simultaneously perform functions, non-functions and dysfunctions [24]); technological innovations and their side effects; global mobilities and pandemics. All these factors contribute to radical changes in the nature of human capital.

The scientific knowledge, also affected by ‘the arrow of time’, produced theories explaining new various forms of nonlinear change. Thus, Sorokin’s theory of social and cultural dynamics considers social development in terms of *fluctuations* — a dispersion of the sensate culture, the emergence of a new sociocultural order, and the birth of the man as an ‘integral being’ [32]. The theory of the *rhizome development* was proposed by Deleuze and Guattari: “The world has lost its pivot; the subject can no longer even dichotomize, but accedes to a higher unity, of ambivalence or overdetermination, in an always supplementary dimension to that of its object. The world has become chaos... A system of this kind could be called a rhizome. A rhizome as subterranean stem is absolutely different from roots and radicles” [11. P. 6]. Beck suggested another way of nonlinear development — *metamorphization*: “metamorphosis is not social change, not transformation, not evolution, not revolution and not crisis. It is a mode of changing the nature of human existence. It signifies the age of side effects. It challenges our way of being in the world, thinking about the world, and imagining and doing politics” [4. P. 20]. All these theories argue that the nonlinear development transforms both the nature of society and of human capital.

When rather simple, linear trends of development dominated, social theorists tried to find the main cause of social changes: *social-historical determinism* — social phenomena are determined by social-historical contexts and explained with ‘historical’ and ‘social’ materialism, according to which the decisive role belongs to the level of the development of productive forces and the nature of production relations [23]; *cultural determinism* — culture becomes the basic element of all other systems [3]; *economic determinism* — the economic factor is decisive (the only one) in changes of social realities [27]; *technical/technological determinism* — technology plays the key role in social development [1; 7], etc. All determinisms consider only *external* factors. Thus, a relatively simple social system is presented, which, according to Durkheim, “is external to the individual” and can be treated “as a thing”: it functions under the external coercive influence; its structure is reduced to the constituent parts; the causality is based on stable correlations between social facts [12]. Today, such simple systems and linear correlations can be found only in relatively local and ‘closed’ communities. However, the world, having crossed a threshold of the dynamic complexity, functions on both external and internal causes that produce multiple social, technological, physical, biological, psychological and other consequences and make human capital move towards entropy.

The speed of social changes is an attribute of modern development. Hartmut proposed the theory of high-speed society: in an increasingly complex reality, the share of short living societies increases and the share of long living ones decreases, which affects values, norms, authority, ideas about work, love, good and evil, etc. [15]. Social acceleration, imposing the ‘old’ social selves on new digital ones, is not a trauma in the traditional sense (limited in time and space) — it is *a norm, an attribute* of the complex, nonlinear development as determined by the effect of ‘normal trauma’ [19]. Social acceleration is determined by *complex causality*, which manifests itself in a fundamentally new functional quality — the ability of self-determination and self-reflexivity, due to which global complexity and nonlinearity ‘normally traumatize’ the social order. Complex realities led to *social disorganization* in the traditional sense of order and chaos, which facilitates the transition from nationally organized societies to ‘global disorganization’ [22] and puts an end to the organized human capital formation.

However, a new type of organization based on the *hybrid of innovative and ‘old’ principles* develops. Lash and Urry note that complex realities not only imply chaos but are organized in a different way due to new signs and communication regulators [21], and to global networks that master ‘mass self-communications’ and create a “new communication realm, and, ultimately a new medium, whose backbone is made of computer networks, whose language is digital, and whose senders are globally distributed and globally interactive” [9. P. XXX]. Therefore, special attention is given to the *sustainable development* as the core of the contemporary social organization [28] and to the search of ideas and principles of the new social order based on global complexity and social acceleration. According to Giddens, *routinization* determines the establishment and reproduction of social

systems: “institutionalized routines” help us to understand the ambiguous world by providing *ontological security* — a “fundamental sense of safety” necessary “to maintain a sense of psychological well-being and avoid existential anxiety” [14. P. 37, 61]. Bourdieu proposed an *integral approach* to human capital by taking into account the increasing demands of social actors for both *improvisations* and *traditional* economic, cultural, social and symbolic capitals. For the actor living in the reflexive modernity, human capital should include *a number of capitals* functioning as ‘domination structures’ and allowing individuals through self-reflections, horizontal and vertical social mobility to realize their life strategies [8]. Habermas calls for a ‘normal communication’ based on *ethical discourse* and communicative actions that create the potential possibility for rationality as playing a significant role in people’s life [15]. Beck insists on ‘the planetary ethic of responsibility’ and ‘the planetary sense of pain’ [5. P. 15, 69]. The restoration of the role of routine, substantive rationality and ethical discourse contributes to the development of the generally accepted knowledge and practices of humanism, which prove the significance of conservative, long living phenomena in the becoming global social order.

Under global complexity and nonlinear development, there is a demand for the ‘rigidity turn’ in order to create a new transmission mechanism for the sustainable and humanistic formation of human capital. In addition to the above-mentioned, the ‘rigidity turn’ has three other components. First, *traditions, customs, rituals, and rites* which historically contributed to the social integration of the normative order, reproduce narratives and basic senses of selves, make people socially responsible and loyal to national ideals. Second, *archetypes and myths* which manifest collectively-inherited ideas, patterns of thought and behavior, and serve as a source of universal symbolism [17]. For Russians, the most significant archetypes are the hero, the sage, the saint, and the penitent. Myth presents the essence of social realities as based on fantasies about the creative role of the man. Barthes argues that the major function of myth is to form a belief with the power of impressions [2], i.e., myth becomes a defense mechanism based on the presumption of truth of certain social realities. Myths construct collective perceptions and traditional social practices, which contribute to the social control and order. Third, *theological knowledge, religious believes and ethics*. Coleman argues that the formation of human capital needs religious ties for adaptive chances [10. P. 95–120]. Theology stands for moral and spiritual values which help to develop human spirit in the human capital formation. An example of the dialogue between the scholar and the theologian is provided by Bauman and ex-priest, an academic theologian and cultural historian Obirek — they took the path “from the blind arrogance of the possessor of a single truth to the restraint of a witness to multiple human truths”: they recognize differences between scientific and religious approaches to the interpretation of realities, but oppose ‘uncritical quasi-religious believers’, who claim a monopoly in understanding good and evil, virtue and vice, truth and falsehood [3. P. 2–3]. Thus, the challenges to human capital require broad integral approaches taking into account achievements of both scientists and theologians.

Challenges to human capital through the prism of the ‘rigidity turn’

Schultz, who together with Becker introduced the term ‘human capital’ [6; 29], argues that under the relative stability, differences in the quality of human capital do not have a significant impact on the income. However, in times of disasters, the qualities of human capital (especially education) allow actors to better express their individuality and creative thinking, which becomes a decisive factor in social adaptation to uncertainties [31]. Therefore, Schultz calls to ‘*systematic investing in people*’ [30], which presupposes the sustainable formation of human capital and is even more relevant under *digitalization and global pandemics* — they question what should be invested and with what transmission mechanisms.

Digitalization has become an ambivalent factor for global complexity and in turning symbolic humans into digital ones. According to Urry, “the digital self would transform the nature of each person” [36. P. 46]. The digital self emerged not only under new social facts but also due to the *radical techno-digital innovations* which changed seemingly ‘universal’ qualities of human capital. The digital becomes a factor of huge changes in man and human capital, which “are characterized by a lack of proportionality, or ‘non-linearity’, between apparent ‘causes’ and ‘effects’. There can be changes that do bring about big, non-linear system shifts, as well as converse” [36. P. 41–42]. ‘Butterfly changes’ in innovating technologies and artificial intelligence produce great challenges to human capital. Vanderburgh, the founding director of the Centre for Technology and Social Development at the University of Toronto, argues that digital technologies, focused on the pragmatic efficiency, diminish the significance of *symbolized culture* without which people are separated from their life experience. Thus, the main component of human capital is its *symbolic essence* as formed in the life worlds during socialization by learning traditions and customs, myths and narratives which reproduce archetypes, national characters, and human spirit. However, “we are becoming more like computers... we are being re-engineered in the image of technique” [38. P. 378].

As a reaction to these challenges, various types of new transmission mechanisms for the formation of human capital are developed as politically and culturally determined. The content of human capital is not universal: it varies by country and depends on traditions, archetypes, myths and beliefs, but is also influenced by the manifest and latent consequences of digitalization — all these factors require changes in the quality of human capital and the transmission mechanism of its formation. Thus, in the U.S. and Western Europe, *pragmatic-digital indicators* are considered desirable skills: teamwork competences, leadership qualities, predispositions to innovations and online communications. By contrast, in Asian countries, *collectivist skills* are preferable: discipline, learnability, academic performance, loyalty to authority and collectives. Kiril, Patriarch of Moscow and All Russia, believes that digitalization is an expression of evil for it transforms social consciousness, human soul and body: “Digital technology is capable of creating tools that ensure total control. Nothing like this could have

happened in the past. Technical civilization has reached a level of the total control over the person... The book of Apocalypse says that the coming of the Antichrist will be accompanied by total control over man. It does not use these words, but it is clear from the content that it refers to the total control over human behavior. It says that the seal of the Antichrist will be put on the forehead of man, and without this seal it will be impossible to buy or sell, or participate in social relations — men will be doomed to destruction” [18]. The integral scientific-theological approaches should be used in the study of the consequences of the ‘death of the social’ and side-effects of digitalization as causing social, spiritual and mental traumas.

Digitalization that radically changes the nature of human capital cannot and should not be stopped — its pragmatic vector needs to be changed so that the humanistic digitalization would provide a better protection for the man by promoting new approaches to education and environment, work and leisure, would contribute to the achievements in economy, management, and quality of life, and would preserve the human spirit, traditional values, and symbolized life-milieu in the form of social-digital hybrids. *Homo Digitalis* as a new social type would develop both rational-digital and substantial-humanistic components in human capital [20]. The ‘rigidity turn’ would provide people with the previously unthinkable capabilities for developing human capital as adaptable to the global complexity and nonlinearity.

Among the latest challenges to human capital, there are *pandemics*. Epidemics have always threatened human capital — physical health and mental lives. The diseases were cured not only by doctors — clergymen played significant roles in the use of traditional remedies, collectivist help, humanistic attitude and discipline restrictions. In the past, consequences of epidemics were limited in space, today we face global epidemics brining complex vulnerabilities in the form of ‘*normal accidents*’: “In 2001, the virus spread around much of England before anyone knew that it had even arrived. That we might say is fast mobility, a normal accident” [35. P. 59]. According to Perrow, ‘normal accidents’ are catastrophes caused not by gross human faults but by people’s natural interaction with complex social, technical, environmental, and biological systems, which occasionally have ‘normal’ failures even under the best management [25]. Today, the diminishing humanism, religious values and bioethics provoke ‘normal accidents’: for instance, in laboratories, risky experiments are conducted with viruses and bacteria, which change both them and us and cause new epidemics. These epidemics are not only of biological essence, but also of the cultural one (covid-19, AIDS, anorexia, gambling addiction). Moreover, new pandemics produced a dehumanized asymmetry in valuing the lives of ‘others’ — risks of the covid-19 increased the inequalities of nations in their access to treatment, medicines, and vaccines.

To counteract this evil pragmatic, innovative means and high-tech medicine are not enough — we need a broader cooperation of nations to move towards the humanistic medicine and bioethics in order to overcome the commercial egoism. Collectivist peculiarities of national characters are manifested in medical assistance

in the countries affected by the covid-19 — Russia, China and Cuba. Their population and political elites pursue humanistic collectivist values and corresponding ideas of well-being and justice. On the contrary, in the United States and Great Britain, the priority is given to the rights and freedoms of individuals. Anyway, the possibilities of cooperation, humanistic medical surveillance, religious believes, bioethics and social epidemiology are commonly used for minimizing the risks of infections.

Today, the boundaries between the social, digital and biological are blurred. If people and groups cannot cope with the global complexity and the increasing speed of changes, and do not examine the consequences of digitalization and pandemics, new challenges for human capital may arise. Thus, if we do not ‘humanize’ the existing transmission mechanisms, the risks to human capital in the form of ‘normal accidents’, social tensions, fears and anxieties will increase for the dominant pragmatic transmission mechanism distorts the humanistic component of human capital. There is a chance to develop new means for preserving humanism in human capital in terms of the effective epidemic control and medical surveillance, and reorientation of digital technologies from the pragmatic consumerism to healthy life-styles.

In the contemporary society, side-effects of digitalization and consequences of global pandemics are evident. People turn into social-digital beings with a natural affinity to all kinds of ‘smart’ machines and artificial intelligence. Many people implant chips in their body to artificially combine the real body and the digital one. On the one hand, this allows scanning data from the human body — such innovations are used for social and medical purposes to preserve and increase human capital: prosthetic limbs on the basis of digital technologies, pacemakers, artificial eyes, online medical consultations, and so on. Smartphones, cell phones and personal computers serve as second digital bodies, and people perceive them as a part of their identity. The digital provides a better protection for human capital by promoting new approaches to education and environment, work and leisure; it contributes to the development of economy, management structures, and quality of life. However, on the other hand, there are risks of total control over man’s behavior and human capital formation.

The new transmission mechanism for the sustainable and humanistic formation of human capital should be managed on the principles of the ‘rigidity turn’ — support both rational and humanistic ways of interactions in order to preserve symbolized culture, social communications and the human spirit. If previously the meanings of social happiness and justice depended on social-cultural realities, values and norms, today the visions of life success are largely determined by the individual adaptation to digitalization and epidemic environment. Thus, younger generations should become ‘virtuosos’ of digitalization and networking and also be predisposed to continuous narratives and rigid values of the humanistic kind. The

demands for the qualitative characteristics of human capital imply not so much solving pragmatic problems (they are unavoidable) as increasing humanistic components (symbolized life-milieu, cultural traditions, national archetypes, human spirit, etc.). To achieve this goal, cooperation of scientific and theological knowledge is needed to create new forms of humanism, including the humanistic orientation of scientific research as an ethical imperative, and to prevent the reorganization of network communications into computer-like (it leads to the formation of a secular ‘soul’ of the digital type). The principles of the ‘rigidity turn’ can facilitate the rebirth of the authentic humane living with the rejection of cults of pragmatic effectiveness, formal rationalism, and digitalization. To ensure the sustainable development, political leaders should move from the confrontation policy to cooperation actions, which can start nonlinearly given the fundamentally new factors affecting human capital.

References

- [1] Aron R. *The Industrial Society: Three Essays on Ideology and Development*. New York; 1968.
- [2] Barthes R. *Mythologies*. London; 1972.
- [3] Bauman Z., Donskis L. *Liquid Evil*. Cambridge; 2016.
- [4] Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press; 2016.
- [5] Beck U. *World at Risk*. Cambridge; 2010.
- [6] Becker G.S. *Human Capital*. New York; 1964.
- [7] Bell D. *The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting*. New York; 1973.
- [8] Bourdieu P. The forms of capital. J. Richardson (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York; 1986.
- [9] Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford; 2010.
- [10] Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988; 94.
- [11] Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus*. Minneapolis; 1987.
- [12] Durkheim E. The rules of sociological method. S. Lukes (Ed.). *The Rules of Sociological Method and Selected Texts on Sociology and Its Method*. London–Basingstoke; 1982.
- [13] Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge; 1984.
- [14] Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge; 1991.
- [15] Habermas J. The theory of relationship between system and communicative action. Vol. 2. *Lifeworld and System: A Critique of Functional Reason*. Boston; 1987.
- [16] Hartmut R. *High-Speed Society: Social Acceleration, Power, and Modernity*. Penn; 2010.
- [17] Jung C.G. *Collected Works of C.G. Jung*. Vol. 9: *Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton; 2014.
- [18] Kiril, Patriarch of Moscow and All Russia. Christmas interview on January 7. 2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5746352.html>. (In Russ.).
- [19] Kravchenko S.A. The birth of ‘normal trauma’: The effect of non-linear development. *Economics and Sociology*. 2020; 2.
- [20] Kravchenko S.A. From formal rationality to the digital one: Side effects, ambivalences, and vulnerabilities. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
- [21] Lash S., Urry J. *Economics of Signs and Space*. London; 1994.
- [22] Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge; 1987.

- [23] Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1: The Process of Capitalist Production. New York; 1967.
- [24] Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe; 1957.
- [25] Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick; 1999.
- [26] Prigogine I., Stengers I. *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. New York; 2018.
- [27] Rostow W.W. *Stages of Economic Growth*. Cambridge; 1969.
- [28] Sachs J.D. *The Age of Sustainable Development*. New York; 2015.
- [29] Shultz T. Human capital. *The International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York; 1968. Vol. 6.
- [30] Shultz T. *Investment in Human Capital*. New York; 1971.
- [31] Shultz T. The value of the ability to deal with disequilibria. *University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship*. November 17, 2009.
- [32] Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. London–New York; 2017.
- [33] Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
- [34] Urry J. The complexities of the global. *Theory, Culture & Society*. London; 2005.
- [35] Urry J. *Mobilities*. Cambridge; 2008.
- [36] Urry J. *Climate Change and Society*. Cambridge; 2011.
- [37] Urry J. *What is Future?* Cambridge; 2016.
- [38] Vanderburg W.H. *Our Battle for the Human Spirit. Scientific Knowing, Technical Doing, and Daily Living*. Toronto; 2016.
- [39] Weber M. *The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*. New York; 1958.

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-930).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-433-443

Новый трансмиссионный механизм для устойчивого и гуманистического формирования человеческого капитала: востребованность «поворота ригидности»*

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. В статье анализируется усложняющаяся реальность, характеризующаяся доминированием нелинейного развития, что требует новых трансмиссионных механизмов для формирования человеческого капитала. Автор рассматривает факторы, способствующие изменению современных реалий: саморефлексия природы и социума; социальные разрывы и

* © Кравченко С.А., 2021

Статья поступила 19.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

травмы, становящиеся «нормой»; тенденции обратного-поступательного развития; увеличение числа точек бифуркации; амбивалентность; побочные эффекты цифровых инноваций; последствия глобальных пандемий и др. — все они способствуют изменениям в механизме формирования человеческого капитала. В 1960-е годы Г. Беккер и Т. Шульц ввели в научный оборот термин «человеческий капитал», положив начало исследованиям факторов, которые потенциально усложняют механизмы его формирования. С тех пор было разработано множество теорий человеческого капитала, сформировались разные подходы к его формированию — культурно и политически обусловленные. В настоящее время появились два новых вызова, влияющих на характер человеческого капитала: цифровизация и глобальная пандемия covid-19 предъявляют новые требования к человеческому капиталу, внося коррективы в трансмиссионный механизм его формирования. Однако сегодня доминируют прагматические и формально-рациональные подходы к человеческому капиталу, умаляющие его гуманистическую сущность. Автор настаивает на необходимости иного трансмиссионного механизма для устойчивого и гуманистического формирования человеческого капитала, включающего в себя социокультурные элементы, ценностные ресурсы, гуманизированные цифровые технологии, биоэтику и социальную эпидемиологию, что позволит социальным акторам более эффективно функционировать в реалиях глобальной сложности и нелинейного развития. Автор намечает контуры концепции «поворота ригидности» как социального дискурса, направленной на изучение долгоживущих феноменов социального порядка, разработку интеллектуальных и практических основ устойчивого и гуманистического формирования человеческого капитала.

Ключевые слова: глобальная сложность; нелинейность; человеческий капитал; трансмиссионный механизм; цифровизация; устойчивое развитие; гуманизм; «поворот ригидности»

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456

Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению*

Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина, А.Г. Тертышникова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru, larina-ti@rudn.ru, tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Аннотация. Современность, характеризующаяся информатизацией, глобализацией и беспрецедентным ускорением всех социальных процессов, значимо отличается от той реальности, что существовала несколько десятков лет назад. Все это накладывает отпечаток на новые поколения, которые ведут принципиально отличный от их родителей образ жизни. Возрастные рамки «взросления» претерпели изменения, и общество столкнулось с проблемой инфантилизации, которая, с одной стороны, вызвана разнообразными факторами (медиа, виртуализация и т.д.), а, с другой, сама становится их катализатором. В статье рассмотрены теоретические основания понятия «социальный инфантилизм», его принципиальные отличия от психологической трактовки «инфантилизма», проявления в современном российском обществе, а также некоторые методологические подходы к его измерению. В статье представлены детали разработки и апробации социологической методики диагностики уровня социального инфантилизма. Разработка методики состояла из нескольких этапов: на первом этапе был создан инструментарий (анкета) и проведен его пилотаж на группе студентов (30 человек), затем для валидации была использована проективная методика «коллаж», в которой были задействованы две мини-группы — студенты с максимальными и минимальными показателями инфантильности. На заключительном этапе скорректированный инструментарий был апробирован на репрезентативной выборке студентов Российского университета дружбы народов (N=550). Социальный инфантилизм может быть диагностирован в одной из сфер — политической, экономической, бытовой, семейных отношениях и общих мировоззренческих установках — или быть генерализованным (присутствовать во всех сферах). Методика по форме представляет валидизированный тест и может применяться в учебных учреждениях.

Ключевые слова: социальный инфантилизм; анкетный опрос; методика «коллаж»; апробация; студенчество; молодежь

Социальный инфантилизм: теоретические предпосылки разработки методики измерения

Проблема социальной инфантильности носит междисциплинарный характер и рассматривается специалистами из разных областей. Наибольшую разработанность данной проблематики следует отметить среди психологов,

* © Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г., 2021

Статья поступила 27.01.2021 г. Статья принята к публикации 22.04.2021 г.

но не менее интересна она для социологов. Мы не рассматриваем физиологический и психический инфантилизм сами по себе — только с позиций теоретико-методологической базы для изучения социального инфантилизма. Социальный инфантилизм не рассматривается и как синоним кидалтизма, при котором сохранение юношеских увлечений во взрослом возрасте не влечет деформацию социальной ответственности.

Считается, что инфантилизм является пороком XXI века, а инфантильное поведение приобрело характер пандемии. В качестве синонимов могут использоваться такие понятия, как «социальное иждивенство», «синдром Емели», «взрослые дети, или синдром пролонгированного детства». С точки зрения З. Фрейда [14], инфантилизм — фиксация развития индивида на определенном этапе: ему привычнее и спокойнее удовлетворять свои потребности простым путем, который знаком с детства. Характерная инфантильная реакция, по Фрейду, — возвращение к более ранним этапам развития (регрессия), которому подвержены многие взрослые, когда напиваются, читают мистические истории, передают и пр. Регрессия считается примитивным способом преодоления конфликта, при этом источники тревожности сохраняются. Эти виды инфантильных реакций настолько распространены и привычны, что воспринимаются как обыденные черты поведения. Э.Х. Эриксон [16] также полагал, что инфантильные черты могут быть присущи индивидам и в старшем возрасте, он предложил психоаналитическую концепцию инфантильности и классифицировал возрасты развития, где в период до семи лет инфантильность — норма, а в дальнейшем — психологическая патология.

А.Г. Маслоу считал, что «слишком много людей не сами создают содержание своего сознания, а предоставляют это делать другим — продавцам, рекламодателям, агитаторам, телевидению и газетам. Они марионетки, а не самостоятельные, не самоопределяющиеся индивиды. Именно поэтому они столь склонны чувствовать себя слабыми и беспомощными» [9]. Неспособность к фильтрации поступающей информации и выделения для себя приоритетных областей жизнедеятельности, неспособность принятия самостоятельных решений, низкий уровень самоуправления, а также отсутствие возможности и желания расширять и наполнять свое сознание является одной из основополагающих причин инфантильности. Индивиду проще взять за основу уже придуманную и отработанную схему — это не требует усилий, не обязывает к самостоятельному поиску необходимой информации и ее критическому изучению. Перечисленные характеристики могут быть дополнены другими: ослабление мотивации индивида развиваться и подниматься вверх по социальной лестнице, эмоциональная неустойчивость, установка на максимально быстрое удовлетворение потребностей при минимальных временных, физических и прочих затратах, неспособность принимать самостоятельные решения и нести ответственность за их последствия.

Чаще всего о социальной инфантильности говорят как о комплексной проблеме индустриально-развитых стран. Сегодня нежелание внешне зрелых

людей брать на себя социокультурные функции взрослых, делать переход в статус взрослого встречается повсеместно. Возникновение такого поколения объясняется «тепличными» условиями жизни. Нынешнее поколение 20–30-летних не проходило тех потрясений, что прошли их предшественники [3. С. 145]. Подростковый возраст — благодатная почва для «болезни роста», называемой инфантилизмом. Подросток сталкивается с новыми реалиями и формами взаимодействия с миром. Выделяют ряд критериев, разделяющих детство и взрослость. Психологическим критерием является приобретение самостоятельности и независимости, объективными критериями — осуществление профессиональной деятельности, создание семьи и рождение детей. Соотнося возрастные границы и установленные критерии, можно сказать, что человек, не приобретший в 25–45 лет самостоятельности и независимости (психологической и материальной), имеет признаки инфантильной личности [12. С. 99].

Предпосылки создания методики измерения социального инфантилизма с позиции *психологического подхода* связаны с именем Г.У. Олпорта, который писал, что «не все взрослые достигают полной зрелости. Они — выросшие индивиды, чья мотивация все еще пахнет детской комнатой. Не все взрослые управляют своим поведением на основе ясных разумных принципов. Лишь в случаях серьезных нарушений мы видим взрослого, не знающего, что он делает, чье поведение теснее связано с тем, что происходило в детстве» [10. С. 71]. Основываясь на этом, при изучении инфантилизма следует обратить внимание на поведение личности в нестандартных, требующих принятия быстрых и важных решений ситуациях. С позиции *социально-психологического подхода* [4] инфантилизм связан с безынициативным, пассивным и потребительским отношением к окружающему миру, что мешает включению индивида в реальность и самореализации его творческой составляющей. Исходя из этого, в создании методики измерения социального инфантилизма необходимо обратить внимание на уровень самореализации личности. Э. Кляйненберг [6] утверждает, что желание индивида жить отдельно, обособившись от общественных и даже родственных связей, — способ ограждения от ответственности и одна из причин «инфантилизации» общества. Однако не так однозначно: одна из причин увеличения количества одиночек — удлинение процесса социализации, повышение образовательного уровня женщин, рост продолжительности жизни и пр. [8; 15]. Хотя можно встретить и другие мнения, особенно среди психологов, например, что инфантил не только не бежит от брака, а часто к нему стремится [7]. В любом случае отношение молодежи к сепарации от родителей и вступлению в брак — важный момент для диагностики инфантилизма.

С позиции *социологического подхода* Д. Рисмен [11; 21] связывает инфантилизм с понятием социального характера, под которым понимается постоянная, социально и исторически обусловленная организация стремлений индивида и его возможностей реализовать эти стремления. Первый тип

социального характера — традиционный, ориентированный на поддержание традиции, второй тип — внутренне-ориентированный, обусловленный внутренней мотивацией, третий — внешне-ориентированный. В инфантилизме, наряду с психологическим, есть и социальный компонент, который представлен следующими индикаторами: зависимость от других при принятии решений, хаотичное поведение, зависимость и тяга к гедонизму [20. С. 92]. Наиболее яркие свойства социального инфантилизма — это отсутствие стремления к самостоятельному существованию, возвращение к более ранним этапам развития в нестандартных ситуациях, отсутствие четких границ между личным «Я» и окружающими, отсутствие критического мышления, незапоминание информации, если она общедоступна и общепринята. По масштабу можно выделить две трактовки социального инфантилизма [2. С. 4–5]: полная неспособность принять ответственность за себя и свою жизнь; инфантилизм в некоторых сферах жизни («бытовой инфантилизм», «политический инфантилизм» и т.д.).

Разработка методики диагностики социального инфантилизма: первый этап

Социальный инфантилизм — сложный феномен, который складывается из отдельных проявлений в разных сферах жизни. В политической сфере: нежелание принимать участие в выборах, неспособность отвечать за свои действия перед законом и т.д., поскольку нас интересует личностный политический инфантилизм (особенности электорального поведения, ярко выраженная экстернальность по отношению к политической системе, заниженная/завышенная самооценка себя как потенциального субъекта политической жизни и др. [14. С. 4]. В экономической сфере: тяга к жизни в кредит, несмотря на возможность работать, нерациональное использование материальных благ, вовлечение себя в долговую яму, надежда на постоянную материальную помощь родственников, расчет на наследство и т.д. [13]. В быту: частое использование услуги «доставка на дом», когда нужный магазин находится не так далеко (до пандемии), незнание правил эксплуатации бытовых вещей, нежелание самостоятельно чинить бытовые поломки и т.д. В семейных отношениях: несамостоятельность в принятии важных решений, невзвешенные решения, касающиеся квартирного вопроса, перенос ответственности на родственников и т.д. В мировоззренческой сфере: непоколебимая вера в экстрасенсов, надежда на «авось» и счастливый случай, откладывание принятия важных решений на потом и т.д. «Любой человек может проявлять социальный инфантилизм в отдельных сферах жизни, но общественно значимым он становится, когда касается жизненно важных сфер (семейно-бытовая, профессиональная и пр.) либо распространяется сразу на несколько сфер деятельности человека, “парализуя их”» [2. С. 8]. Были составлены проективные вопросы (по два на каждую сферу), ответы на которые дают возможность определить наличие социального инфантилизма (СИ) (Табл. 1).

Таблица 1

Вопрос	Тип вопроса	Ответы	Интерпретация
Представьте себе, что Вы строго ограничены в средствах на месяц и не можете позволить себе непредвиденные траты. В середине месяца Вы видите в магазине вещь, которую Вам очень хочется приобрести и на которую уйдут почти все деньги. Потратите ли Вы на нее деньги или подождете до следующего месяца?	Инфантилизм в экономической сфере	1. Да, я привык получать то, что мне нравится сразу, невзирая на обстоятельства 2. Нет, это может подождать 3. Затрудняюсь ответить	1. наличие СИ 2. отсутствие СИ 3. несформированная позиция
Часто ли Вы покупаете вещи без особой на то необходимости?	Инфантилизм в экономической сфере	1. Да, бывает довольно часто 2. Бывает, но редко 3. Со мной не случается такого	1. наличие СИ 2. не указывает напрямую на СИ 3. отсутствие СИ
Насколько верно для Вас утверждение «Я практически всегда участвую в выборах федерального (президентских) и областного масштаба»	Инфантилизм в политической сфере	1. Полностью согласен, я всегда стараюсь участвовать в выборах 2. Частично согласен — иногда хожу на самые важные выборы 3. Полностью не согласен, никогда не участвую в выборах	1. отсутствие СИ 2. не указывает напрямую на СИ 3. наличие СИ
Представьте ситуацию, что у Вашего друга появились проблемы с законом. Что Вы могли бы ему посоветовать: честно предстать перед законом и отстаивать свои права или попытаться «откупиться»?	Инфантилизм в политической сфере	1. Предстать перед законом и отстаивать свои права — это честно и ответственно 2. «Откупиться» — это проще и надежнее 3. Затрудняюсь ответить	1. отсутствие СИ 2. наличие СИ 3. несформированная позиция
Могли бы Вы самостоятельно (не советуясь с родными) принять решение о переезде или учебе за границей, взяв всю ответственность за решение на себя?	Инфантилизм в семейной сфере	1. Да, смог(ла) бы 2. Нет, я бы не смог(ла) принять такое решение в одиночку 3. Другое	1. отсутствие СИ 2. наличие СИ 3. несформированная позиция
Представьте, что вы вышли замуж/женились, но собственного жилья у Вашей пары пока нет. Какой из следующих вариантов Вам ближе? Если Вы уже замужем/женаты, выберите вариант, который соответствует реальной ситуации	Инфантилизм в семейной сфере	1. Ничего страшного, проживем с родителями, а там видно будет 2. Возьмем ипотеку 3. Будем снимать жилье и копить на собственное 4. Я рассчитываю на наследство	1. наличие СИ 2. присутствие СИ 3. отсутствие СИ 4. наличие СИ

Окончание табл. 1

Вопрос	Тип вопроса	Ответы	Интерпретация
Представьте, что Ваша стиральная машинка вдруг сломалась в процессе стирки. Какие действия Вы предпримите первым делом?	Инфантилизм в бытовой сфере	1. Достану инструкцию и попытаюсь разобрататься, в чем дело 2. Немедленно обращусь за советом к родителям, друзьям 3. Вызову мастера — пусть этим займется профессионал	1. отсутствие СИ 2. наличие СИ 3. наличие СИ
Пользуетесь ли Вы услугой «доставки на дом» даже в случае, когда нужный магазин не так далеко?	Инфантилизм в бытовой сфере	1. Да, довольно часто 2. Да, время от времени 3. Не пользуюсь услугой вообще	1. наличие СИ 2. не указывает напрямую на СИ 3. отсутствие СИ
Какое из следующих утверждений лучше всего описывает Ваше отношение к экстрасенсам, ворожеям, целителям?	Инфантилизм в мировоззренческой сфере	1. Мне случалось прибегать к их услугам 2. Не обращался(лась). Они шарлатаны, обращение к ним — пустая трата времени и денег 3. Я не прибегал(а) к их услугам, но это хороший вариант в трудной ситуации, и не исключаю, что обращусь в будущем 4. Не обращался(лась). Всегда надеюсь только на себя	1. наличие СИ 2. отсутствие СИ 3. наличие СИ 4. отсутствие СИ
Как часто Вы даете сложной ситуации разрешиться самой по себе, надеясь, что в результате все сложится удачно для Вас?	Инфантилизм в мировоззренческой сфере	1. Стараюсь никогда так не делать, прикладываю все усилия для разрешения ситуации 2. Поступаю так, если объективно ничего не могу изменить 3. Довольно часто так делаю, ведь постоянно контролировать все невозможно и бесполезно	1. отсутствие СИ 2. не указывает напрямую на СИ 3. наличие СИ

На основе ответов респондентов можно типологизировать социальный инфантилизм (Табл. 2):

Таблица 2

Типы социального инфантилизма

Тип социального инфантилизма	Определение
Интегральный	Если респондент хотя бы на 1 вопрос по каждой сфере дает ответ, соответствующий проявлениям СИ (5–10 баллов)
Частично выраженный	Если респондент хотя бы на 1 вопрос по как минимум 3 сферам из 5 дает ответ, соответствующий проявлениям СИ (3–4 балла)
Отсутствие признаков СИ	Если ответы респондента на вопросы не классифицируются как относящиеся к проявлениям СИ (0 баллов)

Составленная анкета включала 10 вопросов, направленных на определение уровня социального инфантилизма, 6 вопросов — на определение факторов, которые влияют на него (в ходе первого этапа причинно-следственные связи не измерялись, так как количество опрошенных незначительно, а цель — апробация инструментария), а также вопросы социально-демографического плана.

Валидизация анкеты для измерения социального инфантилизма

1 октября 2019 года для проведения методического эксперимента «Коллаж» с элементами групповой дискуссии, на основе результатов анкетирования 30 студентов были отобраны 2 группы: 1 группа — интегральный социальный инфантилизм (10 баллов), 2 группа — отсутствие признаков социального инфантилизма (0 баллов), по 3 человека в каждой (2 мальчика и 1 девочка). Группы были гомогенны по главному показателю — степени инфантильности, что позволило задать общий стимул для создания коллажа с личной проекцией «Я в современном мире». В качестве стимульных материалов был предоставлен одинаковый пакет материалов: по два журнала/газеты, репрезентирующие каждую из сфер — «Домашний очаг», «Караван историй», газеты «РБК» и «Ведомости», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Cosmopolitan», «Hello!». В результате мы получили собирательный образ «неинфантила» и «инфантила».

Следует отметить, что разделение мира по сферам, вытекающее из структуры анкеты (экономика, политика, быт, семейно-родственные отношения), было осуществлено с целью упростить задачу для респондентов. Для группы, членов которой объединял наивысший показатель неинфантильности, такое разделение оказалось слишком узким, т.е. заданные сферы ограничивали их видение себя в современном мире, тогда как у группы с наивысшим показателем инфантильности данное разделение вызвало недоумение — с некоторыми сферами они не могли себя отождествить.

Неинфантил в быту характеризуется любовью к чистоте и порядку, но он не всегда находит время им заниматься. Готовить неинфантилы умеют, но, как правило, на это остается мало времени. Мужская половина респондентов высказалась так: *«Мы любим порядок в доме, но считаем, что этим должна заниматься женщина»*. Также для неинфантила свойственна любовь к фруктам и здоровой пище, но они не концентрируются только на ней. Гендерный традиционализм, занятость и серьезность характеризует участников на этом этапе обсуждения. Сфера семейно-родственных отношений признается очень важной, но не менее важна и сепарация. *«Нет, вы не подумайте, мы очень любим свою семью, но предпочитаем от нее дистанцироваться»*; *«хотим, чтобы наши родители прожили вместе долго и счастливо»*. О свадьбе и брачных узах респонденты не думают, объясняя это своей экономической несостоятельностью — правильнее сначала «встать на ноги». В сфере политики неинфантилы чувствуют себя достаточно комфортно, отмечая, что

политологами себя назвать не могут, но интересуются политикой. В.В. Путин признан как лидер страны, прослеживается их одобрительное отношение к его личности и действиям во внутренней и внешней политике. Москва — центр сферы экономики, «*в котором можно заработать деньги*», причем неинфантилы следят за курсом валют и котировками и акций и резко негативно воспринимают кредиты. Что касается сферы мировоззрения, то респонденты не придают значения гороскопам. Визуально коллаж вышел лаконичным, с содержательными подписями.

Инфантилы постоянно прыгали с одной сферы на другую, испытывая затруднения с тем, что и куда следует отнести. Сфера быта ассоциируется у них, в первую очередь, с вкусной домашней едой, в ее описании преобладают такие элементы, как телевизор и Интернет. Социальную сеть Instagram респонденты также относят к сфере быта — «*часть жизни, из которой можно узнать, кто что делает с друзьями*». «Все большая часть высокообразованных людей буквально “уходит” из реальности в мир виртуальности, отказываясь нести ответственность за положение дел в обществе, экономике и государстве, тем самым подрывая основы того миропорядка, который гарантирует этим людям саму возможность такого “ухода”» [5. С. 44]. В центре сферы быта инфантилы поместили фигурку прыгающего человека: «*Прыгающий человек показывает, насколько мы веселы*», а одним из критериев социальной инфантильности признается постоянная тяга к сиюминутным наслаждениям [19. С. 41; см. также: 1]. Сфера семейно-родственных отношений наиболее важна для инфантилов: «*семья — самое главное в жизни*» (без развернутого ответа). «*Политика — дело тяжелое*»: инфантилы не смогли отразить себя в этой сфере, хотя отметили, что смотрят теледебаты, где «*Жириновский орет всякие лозунги... КПРФ там...*». «*Что в экономику можно?.. Может, часы? РБК — это что вообще? Как расшифровывается?..*». «*Ну, в экономике нас интересует в основном получение денег*»; «*чтобы уровень жизни поднимался в нашей стране и чтобы все было благополучно*». Коллаж инфантилов получился менее содержательным, чем у неинфантилов, но визуально красочным, т.е. им присуще клиповое мышление.

В начале эксперимента были выдвинуты гипотезы, одну из которых можно подтвердить, если коллаж, составленный группой инфантилов, отличается от коллажа неинфантилов. На основе полученных данных гипотеза подтверждается, вследствие чего можно утверждать, что инструментарий для измерения социального инфантилизма в студенческой среде эффективен. После пилотажа и валидизации в анкете были изменены вопросы, направленные на измерение социального инфантилизма в политической сфере, потому что формулировки вызвали сложности у большинства респондентов, и была добавлена сфера права: «*Можете ли Вы сказать про себя, что Вы в курсе ключевых идей политических программ таких партий, как Единая Россия, КПРФ и ЛДПР?*», «*В стране время от времени проходят выборы разного масштаба. Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к участию в выборах? (Если Вы еще ни разу не принимали участие в выборах в силу возраста, выберите наиболее*

близкий Вам ответ)», «Представьте, что к Вам подходит охранник правопорядка (полицейский) и просит предъявить документы. Ваши действия?», «Представьте, что Вы купили батон хлеба, а дома при резке обнаружили в нем окурки. Ваши действия?».

Разработка методики диагностики социального инфантилизма: второй этап

На втором этапе (октябрь–ноябрь 2019 год) был проведен опрос на репрезентативной квотной выборке студентов РУДН (N=550): медицинское направление — медицинский институт, физико-математическое направление — факультет физико-математических наук и инженерная академия, гуманитарное направление — экономический факультет и юридический институт, социальное — факультет гуманитарных и социальных наук. Представим основные результаты этого опроса: студенты факультета гуманитарных и социальных наук показывают самый высокий уровень инфантилизма, а студенты факультета физико-математических и естественных наук — самый низкий (Рис. 1) по интегральному показателю социального инфантилизма и в каждой из выделенных сфер. Причем уровень интегрального социального инфантилизма снижается по мере взросления (Рис. 2).

Рис. 1. Уровень социального инфантилизма по факультетам/институтам

Приведем несколько гипотез, которые получили подтверждение: представители медицинского и физико-математического направления имеют меньшие показатели социального инфантилизма, чем представители гуманитарного и социального направлений; студенты младше 3 курса имеют более высокий показатель социального инфантилизма; студенты, являющиеся в подростковом возрасте представителями субкультур, имеют более высокие показатели социального инфантилизма; студенты, любящие играть в компьютерные игры, имеют больший показатель социального инфантилизма.

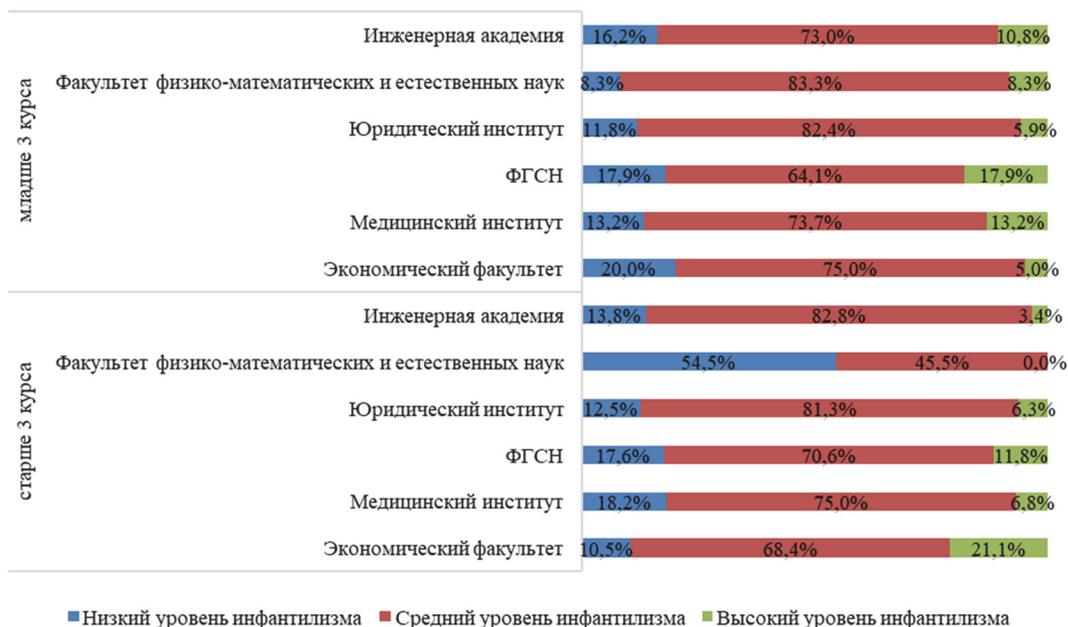

Рис. 2. Уровень социального инфантилизма по факультетам/институтам и курсам

Наша методика предназначена для диагностики уровня социального инфантилизма среди молодежи 18–25 лет и состоит из анкеты и ключа для расшифровки ответов. Методика позволяет выявить, в какой сфере у человека проявлен социальный инфантилизм, и диагностировать интегральный уровень социального инфантилизма. В вузе работа по противодействию социальной инфантилизации может выражаться в поддержке мотивации на профессиональное и личностное развитие, формировании адекватного отношения к кризисным ситуациям, преодолении учебной и социальной пассивности студентов, создании условий, поощряющих обращение инфантильных студентов за помощью в сложных учебных, практических и жизненных ситуациях [16. С. 121–123]. Разработанная методика диагностики инфантилизма может стать эффективным инструментом воспитательной работы в вузе.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках госзадания № 075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

Библиографический список

- [1] *Ардельянова Я.А., Саидов Б.Ш.* Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4.
- [2] *Ефимова Г.З.* Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества // Науковедение. 2004. № 6.
- [3] *Демиденко А.С.* Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 10.
- [4] *Жесткова Н.А.* Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. 2013. № 2.

- [5] Коноваленко О.Н. Специфика социального инфантилизма современной студенческой молодежи // Совет ректоров. 2016. № 6.
- [6] Кляйнберг Э. Жизнь соло. Новая реальность. М., 2014.
- [7] Лабковский М. Инфантил: есть ли перспективы у ваших отношений? // URL: <https://labkovskiy.ru/publikatsii/infantil-est-li-perspektivy-u-vashih-otnoshenij-mnenie-mihaila-labkovskogo>.
- [8] Мамонов М.В. Рецензия на книгу «Жизнь соло. Новая социальная реальность» Э. Кляйнберга // URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2117&uid=10287>.
- [9] Маслоу А.Г. Самоактуализация. СПб., 1999.
- [10] Олпорт Г.У. Личность в психологии. СПб., 1998.
- [11] Руткевич Е.Д. Типология социального характера Д. Рисмена // Социологические исследования. 1993. № 3.
- [12] Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. № 3.
- [13] Савицкая М.Т. Социальный инфантилизм как проблема российского общества // Вестник РФО. 2020. № 1–2.
- [14] Степанищенко О.В. Политический инфантилизм современной молодежи как фактор искажения системы ценностных ориентаций // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 110.
- [15] Троцук И. Как стать счастливым: новые смыслы одиночества в современном мире // Социология власти. 2014. № 3.
- [16] Утенков А.В. Психологические условия проявления инфантилизма студентов // Вестник ГУУ. 2011. № 16.
- [17] Фрейд З. Я и Оно. М., 2003.
- [18] Эриксон Э.Х. Детство и общество. СПб., 2000.
- [19] Bernardini J. The infantilization of the postmodern adult and the figure of kidult // Postmodern Openings. 2014. Vol. 5, No. 2–3.
- [20] Podolskaya T.A., Utenkov A.V. Detecting and overcoming infantilism in students at teachers' colleges // Psychology in Russia: State of the Art. 2018. Vol. 11. No. 1.
- [21] Riesman D., Denney R., Glazer N. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven, 1950.
- [22] Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456

Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement*

Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, A.G. Tertyshnikova

RUDN University
Mikulkho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru, larina-ti@rudn.ru, tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Abstract. Modernity, characterized by informatization, globalization and unprecedented acceleration of all social processes, significantly differs from the reality that existed several decades ago, which affects new generations whose lifestyle differs completely from their parents. The period

* © Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, A.G. Tertyshnikova, 2021

The article was submitted on 27.01.2021. The article was accepted on 22.04.2021.

of ‘growing up’ has changed, and society faces the challenges of infantilization which, on the one hand, is determined by various factors (media, virtualization, etc.) and, on the other hand, increases the impact of these factors. The article considers theoretical foundations of the concept ‘social infantilism’, its fundamental differences from the psychological interpretation of ‘infantilism’, its manifestations in the contemporary Russian society, and some methodological approaches to its measurement. The article presents the details of the development and testing of the sociological methodology for measuring the level of social infantilism. The development of this methodology consisted of several stages: at the first stage, a questionnaire was designed and tested on a group of students (30 respondents), then the projective technique ‘collage’ was used for validation on two mini-groups of students — with maximum and minimum indicators of infantilism. At the final stage, the corrected questionnaire was tested on a representative sample of the RUDN University students (N = 550). Social infantilism can be diagnosed in one of the spheres — political, economic, everyday life, family relations and ideological views — or as a generalized phenomenon (present in all spheres). The developed method was validated in the test form and can be used in educational institutions.

Key words: social infantilism; questionnaire; survey; ‘collage’ technique; testing; students; youth

Funding

The article was prepared within the state assignment No. 075-00167-20-03 “Social-humanitarian foundations for countering extremism”.

References

- [1] Ardelyanova Ya.A., Saidov B.Sh. Faktory i usloviya infantilizatsii sovremennoj molodezhi [Factors and conditions for infantilization of the contemporary youth]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2018; 4. (In Russ.).
- [2] Efimova G.Z. Socialny infantilizm studencheskoj molodezhi kak faktor protivodejstviya modernizatsii sovremennoego rossijskogo obshchestva [Social infantilism of the student youth as a factor hindering modernization of the contemporary Russian society]. *Naukovedenie*. 2004; 6. (In Russ.).
- [3] Demidenko A.S. Socialnaya infantilnost rossijskoj molodezhi: spetsifika nauchnogo diskursa [Social infantilism of the Russian youth: Features of the scientific discourse]. *Istoricheskaya i Sotsialno-Obrazovatel'naya Mysl*. 2018; 10 (3-1). (In Russ.).
- [4] Zhestkova N.A. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu sotsialnoj zrelosti i sotsialnogo infantilizma lichnosti [Methodological approaches to the study of personal social maturity and infantilism]. *Vestnik Permskogo Universiteta*. 2013; 2. (In Russ.).
- [5] Konovalenko O.N. Spetsifika sotsialnogo infantilizma sovremennoj studencheskoj molodezhi [Features of social infantilism of the contemporary student youth]. *Sovet Rektorov*. 2016; 6. (In Russ.).
- [6] Klinenberg E. *Zhizn solo. Novaya realnost* [Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [7] Labkovsky M. Infantil: est li perspektivy u vashih otnoshenij [Infantile: if there are prospects for your relationship]. URL: <https://labkovskiy.ru/publikatsii/infantil-est-li-perspektivy-u-vashih-otnoshenij-mnenie-mihaila-labkovskogo>. (In Russ.).
- [8] Mamonov M.V. Retenziya na knigu “Zhizn solo. Novaya sotsialnaya realnost. E. Klinenberga [Review of the book: Klinenberg E. *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*]. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2117&uid=10287>. (In Russ.).
- [9] Maslow A.H. *Samoaktualizatsiya* [Self-Actualization]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
- [10] Allport G.W. *Lichnost v psihologii* [Psychology of the Personality]. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
- [11] Rutkevich E.D. Tipologiya sotsialnogo kharaktera D. Riesmana [D. Riesman’s typology of the social character]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1993; 3. (In Russ.).

- [12] Sabelnikova E.V., Khmeleva N.L. Infantilizm: teoretichesky konstrukt i operatsionalizatsiya [Infantilism: theoretical construct and operationalization]. *Obrazovanie i Nauka*. 2016; 3. (In Russ.).
- [13] Savitskaya M.T. Socialny infantilizm kak problema rossijskogo obshchestva [Social infantilism as a challenge for the Russian society]. *Vestnik RFO*. 2020; 1–2. (In Russ.).
- [14] Stepanishchenko O.V. Politichesky infantilizm sovremennoj molodezhi kak faktor iskazheniya sistemy tsennostnyh orientatsij [Political infantilism of the contemporary youth as a factor distorting the system of value orientations]. *Nauchny Zhurnal KubGAU*. 2015; 110. (In Russ.).
- [15] Trotsuk I. Kak stat schastlivym: novye smysly odinochestva v sovremennom mire [How to become happy: New meanings of loneliness in the contemporary world]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2014; 3. (In Russ.).
- [16] Utenkov A.V. Psihologicheskie usloviya proyavleniya infantilizma studentov [Psychological conditions for the manifestation of students' infantilism]. *Vestnik GUU*. 2011; 16. (In Russ.).
- [17] Freud S. *Ya i Ono* [Ego and Id]. Moscow; 2003. (In Russ.).
- [18] Erikson E.H. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
- [19] Bernardini J. The infantilization of the postmodern adult and the figure of kidult. *Postmodern Openings*. 2014; 5 (2–3).
- [20] Podolskaya T.A., Utenkov A.V. Detecting and overcoming infantilism in students at teachers' colleges. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018; 11 (1).
- [21] Riesman D., Denney R., Glazer N. *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven; 1950.
- [22] Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468

Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктуризации*

П.С. Сорокин, Т.А. Попова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Потаповский пер., 16, стр. 10, Москва, 101000, Россия
(e-mail: psorokin@hse.ru; tapopova@hse.ru)

Аннотация. Начиная с XIX века, когда проходило становление общества современного типа с характерными для него системами стратификации, вопрос о факторах социальной сплоченности стал актуален для теории и практики, например, с точки зрения формирования национальных государств и гражданских идентичностей, разделения труда и развития классовых и профессиональных форм солидарности [3]. В последние десятилетия наблюдается новый виток интереса к социальной сплоченности, устойчивости и «связности» в контексте обострившихся проблем деколонизации, эмансипации и неравенства, в том числе на фоне технологических изменений [35]. В условиях пандемии вопросы солидарности стали особенно актуальными: миллионы людей оказались в вынужденной социальной изоляции, а такие ключевые социальные институты, как образование, культура и здравоохранение, стремительно перестроились, практически исключив привычные форматы межличностного взаимодействия (1). Эта ситуация заставила переосмыслить права и обязанности граждан, а также формы социального контроля и информента [47]. Особенно важной для общественного благополучия стала способность граждан к инициативному действию на микроуровне (например, волонтерство) [1]. Авторы рассматривают солидарность и связанные с ней вопросы сплоченности, социальной связности и т.п. через призму современных тенденций структурной неустойчивости, или деструктуризации. В наиболее известных и влиятельных разработках микросоциологии основным предметом внимания является не столько формирование или изменение солидарности через инициативное индивидуальное и групповое действие, сколько ее воспроизводство. Исследования, развивающие традиции структурного анализа с макросоциологических позиций, также оставляют без внимания формирование солидарности «снизу». Авторы уделяют особое внимание теориям П.А. Сорокина и М. Арчер, которые считают индивида способным к обеспечению солидарности вопреки институциональному давлению. В статье обозначены два основных подхода к изучению солидарности — рационалистический и структурный, которые по-новому интерпретируют и развивают идеи Э. Дюркгейма и Ф. Хайека, отмечены и другие разработки на стыке с философией и психологией, которые отчасти близки идеям Арчер и Сорокина. Авторы обосновывают необходимость более глубокого изучения возможностей солидарно-ориентированного индивидуального трансформирующего действия по отношению к структуре.

Ключевые слова: солидарность; социальная сплоченность; социальные институты; деструктуризация; трансформирующая агентность; структура-действие; Питирим Сорокин

* © Сорокин П.С., Попова Т.А., 2021

Статья поступила в редакцию 12.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

В социальных науках отсутствует устоявшийся подход к определению солидарности, и зачастую это понятие заменяется такими терминами, как консенсус, сплоченность, согласие, интеграция и т.д. [2]. Для социологии проблематика социальной сплоченности (и солидарности) традиционно связана с вопросом о том, как соотносятся, с одной стороны, «естественные» закономерности развития социальных структур и институтов, а, с другой стороны, сознательные целенаправленные усилия индивидов [13; 46]. Сплоченность принято рассматривать как следствие структурных условий, которые определенным образом направляют «действие» на микроуровне [24; 34; 39], поскольку в общей социологической теории структурам, как правило, уделяется больше внимания, чем действию [13; 46].

Тем не менее, в микросоциологии (символический интеракционизм, феноменологический подход, этнометодология и др.) предпринимались попытки обосновать роль процессов «снизу» в формировании социальной реальности. Так, представители символического интеракционизма показывали, как трансформация социального смысла в ходе его интерпретации на микроуровне ведет к преобразованию социальной среды [9]. Для последователей феноменологического подхода решающим понятием стали «типификации» — обобщенные представления о совершении действия в том или ином контексте: с опорой на них акторы выстраивают динамические поведенческие стратегии [19]. Этнометодологическая школа утверждает, что общественный порядок обеспечивается за счет само собой разумеющихся микроуровневых практик, характерных для того или иного контекста [19]. Для драматургического подхода взаимодействие людей базируется на принципе создания социально желательного (идеализированного) впечатления [12; 19]. Согласно теории ритуала интеракции выработанная участниками взаимодействий эмоциональная энергия провоцирует развитие социальных структур, но при этом и сама задается последними [11].

Для доминирующих разработок в микросоциологии характерно признание решающего значения структур, которые задают направление формированию личности и ее поведенческих стратегий на микроуровне [28]. Отказ от макросоциального, структурного измерения при рассмотрении микросоциологической проблематики признан нецелесообразным [22; 19]. Встречаются даже утверждения о бесполезности поисков микрооснований социальной жизни, поскольку она обусловлена макроинституциональными условиями [37].

Между тем тренды последних десятилетий свидетельствуют о росте волатильности (или, как минимум, изменчивости) структур и институтов. В частности, снижается легитимность традиционных для XX века форм социальной организации (корпораций, государства) [36], формируется «текущее общество» [18]. Пандемия covid-19 показала, что и без привычных форм социальной организации и институционального принуждения сохраняется принципиальная способность к эффективному действию на микроуровне, в

том числе направленному на коллективное благополучие (например, волонтерство). Но при этом возникают и угрозы «социальных разрывов» [23]: например, далеко не все учащиеся, переведенные на дистанционный формат обучения, смогли выстроить эффективное взаимодействие с преподавателями и другими учащимися, решать учебные задачи, многим не хватило навыков мотивации и самоорганизации [10]; аналогичные проблемы наблюдались в трудовой сфере — переход на удаленную работу породил трудности в сфере кооперации (1). Среди ключевых глобальных рисков, выделенных экспертами Всемирного экономического форума, особое место занимают риски «социетального характера», включая «эрозию социальной сплоченности» и «разочарование молодежи» (1).

В современной социологии дискурс о социальной сплоченности (и солидарности) занимает второстепенные позиции по отношению к таким доминантам, как неравенства и дискриминации [8; 29]. Ниже представлена хронология развития дискурса о солидарности в социологии (и социальных науках) с XIX века до наших дней. Мы постараемся показать, что ранние концепции солидарности, а также ряд более современных разработок могут иметь особую теоретическую и практическую значимость для понимания факторов социальной сплоченности, связанных с проактивным индивидуальным действием.

«Большие теории» солидарности: от Э. Дюркгейма до М. Арчер

Э. Дюркгейм, продолжая традицию О. Конта и К. Маркса, активно разрабатывал понятие солидарности, трактуя ее как ситуацию, когда индивиды следуют требованиям социальных структур [7]. Иной подход был предложен Ф. Хайеком, который выделяет два типа обществ [15]: «общество солидарности» — это, как правило, малая группа, где индивиды преследуют общие цели; «общество правил» — большая группа, более характерная для современности, где индивиды не имеют непосредственного контакта и зачастую преследуют разные цели. Согласно Хайеку, для эффективного развития общества, состоящего из эгоистически настроенных индивидов, необходимы правила, которые позволяют максимизировать совокупную полезность [3; 15].

Несмотря на различия в трактовке солидарности Дюркгеймом и Хайеком, их объединяет представление, что гарант социальной устойчивости в обществе модерного типа — четкая система правил, навязываемая индивидам «сверху», через систему институционализированного социального контроля. Достаточность такого подхода для реалий XXI века вызывает сомнения, особенно в ситуации неустойчивых социальных структур. Альтернативный взгляд на проблемы солидарности предложил П.А. Сорокин, работы которого в последние годы привлекли исследователей альтруизма и солидарности [3; 43]. Сорокин акцентирует практическую проблему — опасность эгоистической модели поведения и системы институциональной дифференциации, построенной на принципах конкуренции, как основ социального порядка. Для Сорокина противоположность солидарности, в отличие от Дюркгейма, не

атомизация и, в отличие от Хайека, не формальная правовая регуляция, но конфликт, разложение [42]. Если Дюркгейм и Хайек работали в монодисциплинарном поле, то Сорокин признавал за социологией интегральную функцию по отношению к другим наукам [5; 40; 45]. Он предложил учитывать не только правила, институты и структуры, но и самого человека во всем многообразии его проявлений, включая и индивидуально-психологические. Сорокин задал направление исследованиям солидарности в социальных науках — как основанным на изучении не паталогических процессов, а позитивных аспектов общественного развития, таких как альтруизм и любовь [14].

Актуальность подхода Сорокина состоит в том, что центральная роль в формировании солидарности отводится индивиду и его действию, происходящему не только благодаря, но и вопреки институциональным предписаниям [41; 44; 43]. Среди факторов этой прогрессивной динамики Сорокин особенно выделяет «интегральных лидеров» (например, М. Ганди и М.Л. Кинг), которые действуют в принципиальном противоречии с доминирующей институциональной логикой [6]. Вместо разделения людей на противоборствующие лагеря (по национальному или политическому признаку) они создают новые формы «социальной связности» и новые идентичности, основанные не на конфликте, а на единстве всех членов общества независимо от структурно-институциональной принадлежности [42; 45].

Тенденции XXI века свидетельствуют об углублении того глобального кризиса, о котором писал Сорокин в середине XX века, о приобретении им новых качеств [14; 43]. Прежде всего, это снижение темпов роста производительности при сохранении «чувственной культуры» (по Сорокину) в качестве доминирующей, что сочетается не просто со снижением доверия к существующим структурам и институтам, но с объективным снижением их регулирующего воздействия на индивида [13]. В результате механизмы солидарности, трансформирующие социальную реальность в логике «снизу-вверх», т.е. инициативными усилиями индивидов, могут оказаться особенно важными для преодоления кризиса.

Дополняет подход Сорокина концепция М. Арчер, основанная на понятии рефлексии как промежуточном звене между индивидом и обществом и главным детерминанте человеческих действий [16]. Типология из четырех видов рефлексии, разработанная Арчер, показывает, как механизмы солидарности работают на практике и каким угрозам подвергаются в современном мире [17]. Арчер выдвигает тезис о формирующемся «морфогенетическом обществе», который подчеркивает изменчивость структурных форм и расширение пространства «допустимых» вариаций индивидуального действия [17]. По мере трансформации общества в морфогенетическое происходит контекстуальный разрыв, подрывающий основы солидарности — ей на смену приходят возрастающие риски отчуждения, одиночества и неопределенности [16. С. 317].

Таким образом, подходы Сорокина и Арчер объединяет критика структурно-ориентированного подхода, игнорирующего роль индивидуального

действия в формировании солидарности и социальной сплоченности. Сорokin ставит проблему солидарности в центр своей теории, а Арчер рассматривает ее скорее косвенно, но обосновывает ее остроту становлением особого типа общества — морфогенетического, где структуры более не являются надежным ориентиром и опорой действия. В теоретических моделях Сорokinа и Арчер прослеживается идея важности индивидуальной способности к солидарному действию, не детерминированному общественными структурами в дюркгеймовском смысле.

Солидарность с позиций теории рационального действия

Как показал анализ зарубежной литературы, опубликованной с 1990 по 2020 годы в изданиях Scopus и Web of Science и отобранной по ключевым словам «social solidarity», «social cohesion» и «social integrity», сегодня сложилось два направления в изучении солидарности: структурный подход (формирование солидарности в логике «сверху-вниз» — под воздействием общепринятых норм и связанных с ними социальных структур и институтов) и рациональный подход (опирающийся на теории рационального действия и социального обмена с фокусом на микроуровне), что соответствует обозначенной выше типологии стратегий изучения солидарности [3]. Также были выделены подходы, анализирующие солидарность на микроуровне, но выходящие за пределы как теории рационального действия, так и модели структурного детерминирования.

Сторонники подхода рационального выбора используют теории социального обмена и теории игр [26; 38; 48], изображая индивида как рационального актора, ориентированного на получение выгоды, т.е. сотрудничество будет иметь место, если все стороны смогут извлечь пользу в конкретном институциональном контексте. Идеи представителей данного течения соответствуют разработкам Хайека [15] и могут рассматриваться как продолжение концепций более ранних авторов, в частности, Л. Буржуа, писавшего об ответной обязанности каждого члена сообщества в обмен на пользование социальными благами [3]. Д. Хэкторн считает, что сила групповой солидарности определяется долей социального поведения, продиктованного групповыми нормами [26]: солидарность будет достигнута при соблюдении оптимального баланса контроля в группе — это равновесие между «регуляторными интересами» (преференции социальных акторов относительно поведения других, которые поощряют создание и укрепление социальных обязательств) и «личными склонностями» (преференции социальных акторов относительно собственного поведения, при этом вероятность нарушения норм определяется альтернативными издержками) [26].

Солидарность исследовалась и с помощью экспериментов на основе теории социального обмена [38]: оказалось, что системы «генерализированного (непрямого) обмена» более долговечны и крепки, чем системы «прямого обмена», однако создать их сложнее [38], т.е., помимо рациональных

компонентов, в основе человеческого поведения лежит нечто большее, что способствует формированию солидарности.

В то же время ряд авторов проводят принципиальное различие между отношениями солидарности и социальным обменом. Они утверждают, что для применения теории социального обмена участникам взаимодействия необходима информация о том, кто именно совершает полезное действие по отношению к человеку/группе, а понятие солидарности, напротив, предполагает достижение целей группы как собственных и стремление удовлетворить потребности другого без внешнего «вознаграждения» [48]. Таким образом, социальный обмен требует наличия контроля со стороны группы, в то время как концепция солидарности этого не предполагает [48].

Часть представителей «рационалистического» подхода понимают солидарность как, по сути, форму рационального действия, связанную с осознаваемыми эгоистическими интересами. Соответственно они считают, что солидарные группы и общности порождаются индивидуальными действиями, а не структурным давлением «сверху», хотя подчеркивают важность «правил игры», соблюдение которых обеспечивается системой санкций. Например, солидарность предполагает особые обязательства членов группы — «совершать такие действия друг для друга, которые бы они не совершили для членов других групп» [24. С. 113]. Другой подход — жесткое разделение «солидарного» действия и «рационального»: первое — неэгоистическое, подвижное принадлежностью к группе (данная позиция близка «структурно-ориентированным» подходам, рассмотренным ниже). Недостаточность «рационалистического» объяснения солидарности подтверждается введением в конструкции «рационального действия» и «обмена» иных факторов, определяющих солидарно-ориентированное поведение человека, чем привычное для экономической теории эгоистическое поведение атомизированных индивидов [38].

«Структуралистские» концепции солидарности

В рамках более традиционной для социологии структуралистской интерпретации подходы к солидарности также многочисленны и многогранны. Солидарность означает прямую зависимость благосостояния одного человека или группы от благосостояния всей общности [31], т.е. в дихотомии «структура — действие» структура является доминирующей силой, образующей солидарность. Идентификация себя с другим человеком или группой становится институционально оформленной нормой, следуя которой человек принимает во внимание желания и потребности других людей при формировании своих поведенческих стратегий.

Здесь солидарность — это, прежде всего, проявление внешнего структурного давления, хотя она и требует определенных усилий на индивидуальном уровне, в частности, эмпатии [34]. Согласно З. Линденбергу будет человек действовать согласно принципам солидарности с группой или исходя из собственных «эгоистических» желаний зависит от «наблюдательной

способности», т.е. умения взглянуть на ситуацию с различных ракурсов, которые меняются в зависимости от структуры заданной группы [33]. Несмотря на, казалось бы, индивидуальную природу эмоций, они находятся в неразрывной связи со структурными элементами группы, в числе которых групповые цели и нормы [39].

Иные концепции солидарности

В условиях деструктуризации [13], усилившейся с пандемией, особое значение обретают концепции, отдающие приоритет в созидании солидарности индивиду, его инициативному действию. С одной стороны, предлагается отойти от привычного для социологии структурного подхода и перенять методики и теории из нейропсихологии и других когнитивных и поведенческих наук — для изучения солидарности и альтруизма (их ядро — микроуровневые процессы) [21; 27]. С другой стороны, представители философской науки [49] предлагают уйти от понимания солидарности как обязанности по отношению к другим и рассматривать ее с позиции универсального принятия других, т.е. как фундаментальную форму морального признания, фундированную в человеке, а не в группе [24]. Универсальность солидарности проявляется в том, что она направлена не на члена группы, а на человека в целом: солидарность — «универсальная моральная ценность, которая является основой моральной агентности» [49. С. 259].

Оригинальный подход к солидарности предложили представители нового институционализма: Н. Флигстин и Д. МакАдам разработали теорию полей стратегического действия [25], согласно которой действие на микроуровне поддерживается за счет фундаментальной потребности в принадлежности к группе, представляющей собой «экзистенциальную функцию социального» [30. С. 10]. В социальной жизни человек использует социальные навыки — когнитивные способности «читать» людей и обстановку, выстраивать стратегические линии действия и мобилизовывать других [25]. Позиция Флигстина и МакАдама отчасти схожа с концепцией Сорокина, поскольку предполагает базовую потребность человека в солидарности, но все же основной акцент они делают на действиях рационального характера в борьбе за власть. Иными словами, солидарность — это основа социального порядка, но не главное содержание социальной жизни, которая определяется в большей степени конкуренцией за властные позиции.

Таким образом, подходы рационального выбора и структурной детерминации, составляющие значимую часть современного мейнстрима в обсуждении вопросов солидарности, уделяют недостаточное внимание проактивной созидательной способности индивида — формировать и поддерживать устойчивые солидарные связи.

С учетом роста изменчивости структурного контекста современных обществ можно предположить, что рассмотренные выше два доминирующих

подхода недостаточны для объяснения механизмов солидарности в XXI веке. С одной стороны, обостряется «проблема безбилетника»: даже высокий уровень взаимозависимости не означает, что рациональные акторы будут действовать в интересах друг друга [26]. С другой стороны, в условиях волатильности структур и институтов стабильные солидарные связи (устойчивые отношения взаимопомощи или индивидуальный альтруизм) не могут сформироваться только через «структурную логику» (препятствие для теоретического обоснования механизмов солидарности последователями Дюркгейма). Опираясь на идеи Сорокина, можно дополнить подходы «рационального выбора» и «структурной детерминации» гипотезой, что солидарность проистекает из особого типа потребностей на микроуровне и из ценностной динамики на макроуровне, определяемой иными механизмами, чем структурное «принуждение» в дюркгеймовском смысле [41–44].

На этом фоне особую актуальность обретают несколько направлений, находящихся на периферии исследований солидарности: нейропсихологическое течение, использующее методы и теории когнитивных наук в поиске «объективных», физиологических микрооснований альтруизма, морали и сплоченности [27]; философское течение, рассматривающее «силу солидарности» как объективный универсальный феномен, характерный для природы человека [49]; социологический новый институционализм, утверждающий принципиальную роль агентности в формировании социальных полей и признающий «экзистенциальный» (а не только инструментальный) характер социальной сплоченности [25; 30].

Хотя современные подходы близки идеям Сорокина, можно выделить несколько их существенных ограничений. Во-первых, идея Сорокина о микроуровневых основаниях солидарности опирается на осознанные потребности человека, в то время как большинство современных авторов трактует эти основания как неосознаваемые нейрофизиологические механизмы (за исключением ряда представителей нового институционализма [21]). Во-вторых, у Сорокина развитие солидарности на макроуровне является частью широкой социально-культурной динамики, перехода между культурными суперсистемами, а описанные подходы не рассматривают феномен солидарности в такой динамичной глобальной перспективе [45].

Таким образом, солидарность (точнее «способность к солидарности») может быть рассмотрена как атрибут индивидуального действия. Фокус на индивидуальном субъекте как носителе не только интернализированных «признаков» солидарности с определенными группами, но и «способности» к ее проактивному формированию принципиально важен в условиях снижения устойчивости социальных структур и институтов [13]. В этих условиях не вполне адекватным выглядит представление, что «чем больше и сложнее общество, тем большее значение в нем имеют абстрактные, общие правила и тем меньшее — солидарность, и наоборот» [2. С. 33]. Как показывает, в частности, опыт глобальной пандемии, современное общество уже настолько большое и сложное, что регуляция его жизни лишь через внешние правила

все более затруднительна — особенности разнообразных групп требуют разных форм нормативной регламентации, что порождает постоянное напряжение и споры о легитимности [36; 37]. Кроме того, в условиях деструктуризации снижается и эффективность институционального принуждения [13]. На фоне глобальной пандемии проблемы социальной солидарности, связности, сплоченности и т.п. будут продвигаться в центр академической и практической повестки. Для ответа на этот вызов социологические концепции солидарности имеют убедительный потенциал, особенно поли- и междисциплинарные разработки, фокусирующиеся на роли проактивного индивидуального действия в формировании солидарности в логике «снизу-вверх».

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Примечание

- (1) The Global Risks Report 2021 // URL: <https://www.qbusiness.pl/uploads/Raporty/globalrisk2021.pdf>.

Библиографический список / References

- [1] *Авксентьев Н.А. и др.* Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с covid-19 в России. М., 2020 / Avksentiev N.A. *Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki borby s covid-19 v Rossii*. [Society and Pandemic: Experience and Lessons from covid-19 Fighting in Russia]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [2] *Гофман А.Б.* Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11 / Gofman A.B. *Kontseptualnye podhody k analizu sotsialnogo edinstva* [Conceptual approaches to the analysis of social unity]. *Sociological Studies*. 2015; 11. (In Russ.).
- [3] *Гофман А.Б.* Традиция, солидарность и социологическая теория. М., 2015 / Gofman A.B. *Traditsiya, solidarnost i sotsiologicheskaya teoriya* [Tradition, Solidarity and Sociological Theory]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [4] *Девиатко И.Ф.* Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного // Социологические исследования. 2016. № 12 / Deviatko I.F. *Sotsialnye normy: ot popytok opredeleniya k novym tipam teoreticheskikh voprosov i teorij normativnogo* [Social norms: From attempts of definition to new theoretical questions and theories of normativity]. *Sociological Studies*. 2016; 12. (In Russ.).
- [5] *Джеффрис В.* Интегрализм П.А. Сорокина: новая общественная наука и реконструкция человечества // Социологические исследования. 1999. № 11 / Jeffries V. *Integralizm P.A. Sorokina: novaya obshchestvennaya nauka i rekonstruktsiya chelovechestva* [P.A. Sorokin's integralism: New public science and reconstruction of humanity]. *Sociological Studies*. 1999; 11. (In Russ.).
- [6] *Долгов А.Ю.* Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2014. № 9 / Dolgov A.Y. *Istoriko-metodologicheskaya rekonstruktsiya teorii sozidatel'nogo altruizma Pitirima Sorokina* [A historical-methodological reconstruction of Pitirim Sorokin's theory of creative altruism]. *Sociological Studies*. 2014; 9. (In Russ.).
- [7] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с франц. А.Б. Гофмана. М., 1991 / Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. [On the Division of Labor. Sociological Method]. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [8] *Ефременко Д.В.* Многоликая солидарность // Социологический ежегодник. М., 2011 / Efremenko D.V. *Mnogolikaya solidarnost* [Multifaced solidarity]. *Sociological Yearbook*. М; 2011. (In Russ.).

- [9] Кармадонов О.А. Откровения и парадоксы символического интеракционизма // Социологические исследования. 2006. № 2 / Karmadonov O.A. Otkroveniya i paradoksy simvolicheskogo interaksionizma [Revelations and paradoxes of symbolic interactionism]. *Sociological Studies*. 2006; 2. (In Russ.).
- [10] Клягин А.В. и др. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии, 2020 / Klyagin A.V et al. Shtorm pervykh nedel: kak vysshee obrazovanie shagnulo v realnost' pandemii. [Storm of the first weeks: How the higher education stepped into the pandemic reality]. 2020. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/368821814>. (In Russ.).
- [11] Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1 / Collins R. Programma teorii rituala interaktsii. [Interaction ritual chains]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004; 7 (1). (In Russ.).
- [12] Подвойский Д.Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. №. 4 / Podvoyskiy D.G., Soleimani S. Ponyatie sotsialnoj identichnosti: osnovnye issledovatel'skie podhody [The concept of social identity: Basic research approaches]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
- [13] Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. Т. 7. № 7 / Sorokin P.S., Froumin I.D. Problema “struktura/dejstvie” v XXI v.: izmeneniya v sotsialnoj realnosti i vyvody dlya issledovatel'skoj povestki [“Structure-agency” problem in the 21st century: Social development and research implications]. *Sociological Studies*. 2020; 7 (7). (In Russ.).
- [14] Тирьякян Э.А. Осовременивание Сорокина // Социологические исследования. 2016. № 3 / Tiryakian E.A. Osovremenivanie Sorokina [Updating Sorokin]. *Sociological Studies*. 2016; 3. (In Russ.).
- [15] Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006 / Hayek F.A. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberalnykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy]. Moscow; 2006. (In Russ.).
- [16] Archer M.S. *Making our Way through the World*. Cambridge University Press; 2007.
- [17] Archer M.S. Introduction: ‘Stability’ or ‘stabilization’ – on which would morphogenic society depend? *Late Modernity*. Cham; 2014.
- [18] Bauman Z. *Liquid Modernity*. John Wiley & Sons; 2013.
- [19] Benzecry C.E., Winchester D. Varieties of microsociology. *Social Theory Now*. University of Chicago Press; 2017.
- [20] Boli J., Ramirez F.O., Meyer J.W. Explaining the origins and expansion of mass education. *Comparative Education Review*. 1985; 29 (2).
- [21] Bykov A. Altruism: New perspectives of research on a classical theme in sociology of morality. *Current Sociology*. 2017; 65 (6).
- [22] Collins R. On the microfoundations of macrosociology. *American Journal of Sociology*. 1981; 86 (5).
- [23] Collins R. Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity. *American Journal of Cultural Sociology*. 2020; 8.
- [24] Derpmann S. Solidarity, moral recognition, and communality. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [25] Fligstein N., McAdam D. Toward a theory of strategic action fields. *Sociological Theory*. 2011; 29 (1).
- [26] Heckathorn D.D. Extensions of the prisoner’s dilemma paradigm: The altruist’s dilemma and group solidarity. *Sociological Theory*. 1991; 9 (1).
- [27] Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality. *Annual Review of Sociology*. 2013; 39.
- [28] Hunt S.A., Benford R.D. Collective identity, solidarity, and commitment. *Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing; 2004.
- [29] Jeffries V. et al. Altruism and social solidarity: Envisioning a field of specialization. *American Sociologist*. 2006; 37 (3).

- [30] Kluttz D.N., Fligstein N. Varieties of sociological field theory. *Handbook of Contemporary Sociological Theory*. Cham; 2016.
- [31] Koster F., de Beer P. *Sticking Together or Falling apart? Solidarity in an Era of Individualization and Globalization*. Amsterdam University Press; 2009.
- [32] Krotov P. Pitirim Sorokin's heritage: From core ideas to syntheses of theory and of practice. *Palgrave Handbook of Altruism, Morality, and Social Solidarity*. New York; 2014.
- [33] Laitinen A., Pessi A.B. Solidarity: Theory and practice. An introduction. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [34] Lindenberg S. Solidarity: unpacking the social brain. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [35] Ling R. *New Tech, New Ties: How Mobile Communication is Reshaping Social Cohesion*. The MIT Press; 2010.
- [36] Meyer J.W. World society, institutional theories, and the actor. *Annual Review of Sociology*. 2010; 36.
- [37] Meyer J.W. The social construction of the 'micro-social'. *Microfoundations of Institutions*. Emerald Publishing Limited; 2019.
- [38] Molm L.D., Collett J.L., Schaefer D.R. Building solidarity through generalized exchange: A theory of reciprocity. *American Journal of Sociology*. 2007; 113 (1).
- [39] Salmela M. Collective emotions as 'the glue' of group solidarity. *Solidarity: Theory and Practice*. Lexington Books; 2014.
- [40] Sorokin P. Vision and mission of sociology: Learning from the Russian historical experience. *American Sociologist*. 2017; 48 (2).
- [41] Sorokin P.A. *The Reconstruction of Humanity*. Boston; 1948.
- [42] Sorokin P.A. *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia; 2002.
- [43] Sorokin P.S. The Russian sociological tradition from the 19th century until the present: Key features and possible value for current discussions. *American Sociologist*. 2015; 46 (3).
- [44] Sorokin P.S. The ethical challenge for sociology in the face of global modernity: Toward solidarity-oriented and ethically contextualized practice. *American Sociologist*. 2018; 49 (3).
- [45] Sorokin P.S. The promise of John W. Meyer's world society theory: 'Otherhood' through the prism of Pitirim A. Sorokin's integralism. *American Sociologist*. 2020; 51 (4).
- [46] Sorokin P.S. 'Transformative agency' as an object of sociological analysis: Contemporary discussions and the role of education. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).
- [47] Triandafyllidou A. Commentary: Spaces of solidarity and spaces of exception at the times of covid-19. *International Migration*. 2020; 58 (3).
- [48] Widegren Ö. Social solidarity and social exchange. *Sociology*. 1997; 31 (4).
- [49] Wiggins D. Solidarity and the root of the ethical. *Tijdschrift voor Filosofie*. 2009; 71.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-457-468

Classical and contemporary approaches to the study of solidarity: Challenges and perspectives under destructuration*

P.S. Sorokin, T.A. Popova

National Research University Higher School of Economics
Potapovsky Per., 16–10, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: psorokin@hse.ru; tapopova@hse.ru)

Abstract. Since the 19th century, when the development of the 'modern society' accelerated, social cohesion factors have become relevant for theory and practice. Such issues as the national

* © P.S. Sorokin, T.A. Popova, 2021

The article was submitted on 12.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

states' development and emerging political parties, the division of labor and class and professional forms of solidarity have formed the agenda of both academic and policymaking debates. In recent decades, there has been another round of interest in the study of social cohesion and sustainability under de-colonization, emancipation, inequality and technological changes. Under the global pandemic, the issue of solidarity has become particularly acute. The covid-19 has created a new reality: millions of people live in the forced social isolation, and such key social institutions as education, culture and healthcare have been reconstructed with the usual forms of interpersonal interaction eliminated. This situation requires rethinking the rights and obligations of individuals together with the forms of appropriate social control and regulation. For instance, the ability of individuals to take initiative at the micro-level (like volunteer projects) turned out to be especially important for the public well-being. The authors consider the research on solidarity in social sciences taking into account the current trends of structural instability or 'destruction'. The authors analyze both classical theories of solidarity and contemporary related concepts to prove that microsociology focuses primarily on the reproduction of social structures rather than on their transformation by proactive individual or group agency. Moreover, the tradition of structural macro-analysis also ignores the formation of solidarity at the micro-level. The authors refer to the works of P.A. Sorokin and M. Archer who consider individuals as capable of proactive formation of solidarity. In contemporary studies, the authors identify two main approaches to the analysis of solidarity — rational and structure-determined, and analyze other prospective approaches developing at the intersection of philosophy and psychology. The authors conclude by suggesting some directions in the study of the solidarity-oriented individual action and its impact on societal development.

Key words: solidarity; social cohesion; social institutions; deconstruction; transformative agency; structure-action; Pitirim Sorokin

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-469-481

Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии*

А.Н. Данилов¹, Д.Г. Ротман²

¹Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Беларусь

²Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Беларусь
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности трансформации базовых ценностей, жизненных планов и поведенческих стратегий молодежи современной Беларуси. Изменения базовых ценностей напрямую связаны с адаптацией молодежи к жизни в условиях глобальной нестабильности. Новое поколение остро воспринимает проявления социальной несправедливости, нарушение своих прав и свобод, нежелание считаться с их мнением в решении актуальных проблем и выборе будущего. Важным фактором сохранения стабильной ситуации выступает самоощущение людей относительно возможностей реализации базовых ценностей в существующих социально-экономических условиях. По степени значимости для жителей Беларуси на первом месте в 1990 году была и по результатам опроса 2018 года осталась семья. Второе место занимает работа — как гарант нормальной жизни и способ успешного существования семьи. Уровень значимости таких базовых ценностей, как друзья, знакомые и досуг, в 2018 году остался примерно тем же, что и в 1990 году. Наблюдается рост значения политики и религии. Международные сравнения позволяют сделать вывод, что Беларусь характеризуется типичной для стран Европы иерархией ценностей. Отмечается снижение популярности традиционных СМИ среди молодежи и рост индивидуализма, значения личностной самореализации в семье и на работе, ориентации на собственные силы. Постепенно меняются потребности и ожидания людей в публичном пространстве — наблюдается политическая радикализация, критическое восприятие важнейших событий, что определяет формирование поведенческих установок разных социально-демографических групп. Образование, наряду с семьей, и новые информационные технологии существенно влияют на ценности — ощущается внутр поколенческий раскол, отчуждение от социума, усиливающееся информатизацией. В статье использованы результаты опросов, проведенных в рамках проекта «Европейское исследование ценностей» (сопоставлены данные 1990 и 2018 годов).

Ключевые слова: белорусская молодежь; базовые ценности; идеалы; жизненные ценности; поведенческие стратегии; внутр поколенческий раскол; радикализация

* © Данилов А.Н., Ротман Д.Г., 2021

Статья поступила 17.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

Будущее человечества в значительной степени определит современное поколение молодежи. Но насколько оно готово ответить на вызовы времени? Вступающее в жизнь поколение долгое время представлялось как потерянное, молчаливое, расколотое, инфантильное, аполитичное, но вдруг начинает радикализироваться вследствие неудовлетворенности своим положением в мире, глобальной нестабильности, социальной несправедливости и недостаточного внимания к своему мнению. В условиях глобализации мир ценностей обретает новые содержательные конфигурации — происходит постепенная трансформация базовых ценностей, меняются жизненные планы и поведенческие стратегии молодежи современной Беларуси.

В статье использованы материалы международного проекта «Европейское исследование ценностей» (EVS), в котором белорусские социологи участвуют с 1990 года. Первый опрос был проведен Институтом социологии Национальной академии наук, в следующей волне (1996) приняли участие сотрудники лаборатории «НОВАК» под руководством А.П. Вардомацкого. С 2000 года опросы по методологии EVS проводит Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) под руководством Д.Г. Ротмана. Полученные данные были проанализированы специалистами ЦСПИ БГУ и кафедры социологии БГУ в целом ряде публикаций, в том числе в монографиях [16–19]. Участие белорусских социологов в мониторинге (1990–2018) позволило ознакомиться с результатами замеров во всех странах-участницах проекта и провести «временной» (сравнение ценностных предпочтений прошлого и настоящего) и «пространственный» (сравнение ценностей жителей Беларуси и других государств Европы) анализ ситуации в стране.

Счастье субъективно и относительно...

Некоторые исследователи считают, что «поколение студентов-миллениалов уже давно и весьма часто характеризуют как разочарованное» [13. С. 200], хотя сами студенты так не считают и готовы за свое счастье бороться (Табл. 1).

Таблица 1

«Говоря в общем, можете ли Вы сказать, что Вы...» (18–28/51 и старше, в %)

очень счастливы	28,5/14,6
скорее счастливы	65,9/68,1
скорее несчастливы	4,5/11,5
совсем несчастливы	0,3/1,9

Но что определяет счастье современного молодого человека? Зачем вообще обществу нужны герои — личности, чьи действия попадают в центр общественного внимания, мифологизируются и становятся образцом для подражания [см., напр.: 14; 20]? «Людам были необходимы алгоритмы поведения, которые повысят уровень коллективной выживаемости. Герои —

своего рода “витамины”, которые нужными, массово копируемыми затем образцами поведения повышают “иммунитет” общества, его эффективность, идет ли речь о военном героизме или же о достижениях мирного времени» [2. С. 32]. Разрыв в определениях успешности значителен — от «быть понятыми» в условиях глобальной нестабильности и нарастания турбулентности до «не мешайте мне жить так, как я хочу». Современная молодежь хочет быть услышанной, наперекор всему быть успешной и самостоятельно решать проблемы, определяя свое будущее. «Мы предложили включенным в традиции нормативно-ценностной модели респондентам завершить предложение “Я ощущаю себя вполне счастливым, когда...”. Ответы оказались удивительно однородными (внутри группы) по смысловой определенности. Вот только некоторые из типичных: “Я ощущаю себя вполне счастливым, когда все хорошо складывается у меня и у моих близких”, “...все мои близкие люди здоровы”, “...чувствую взаимопонимание и любовь родных”, “...нахожусь в кругу близких”. Для сравнения тот же вопрос, адресованный сегменту исключенных из отечественных традиций прочтения базовых ценностей, не удивляет своей принципиально иной типичностью: “Я ощущаю себя вполне счастливым, когда свободен от дел”, “...занимаюсь тем, чем хочу”, “...когда появляется возможность уехать за рубеж” [3. С. 117].

Базовые ценности в странах Европы являются предметом социологического изучения на протяжении более 45 лет. Анализ результатов опросов в Беларуси в 1990 и 2018 годы позволяет утверждать, что для жителей Беларуси на первом месте среди базовых ценностей была и остается семья (Табл. 2).

Таблица 2

Базовые ценности населения Беларуси (1990, 2018, в %)

Год	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совсем не важно	Затрудняюсь ответить
Работа					
1990	54,8	29,4	13,9	1,9	
2018	59,9	28,6	7,2	3,4	0,9
Семья					
1990	76,9	19,7	2,9	0,5	
2018	89	9,3	0,8	0,5	0,4
Друзья и знакомые					
1990	36,5	43,9	18,6	1	
2018	40,8	47	10,6	1,3	0,3
Досуг					
1990	36,7	38,4	22,6	2,4	
2018	30,3	51,5	15,9	1,9	0,4
Политика					
1990	14	23,1	50,1	12,8	
2018	10,9	28	39,3	20,6	1,1
Религия					
1990	12,3	17,9	44,4	25,4	
2018	20,5	34,2	27,5	16,3	1,5

Приоритет семьи вполне понятен: семья — основа любого общества, гарант его единения, сохранения и развития. Институт семьи как ценность главенствует во всех аксиологических исследованиях в рамках известнейших проектов. В Беларуси значение семьи выросло почти на 15% в группе молодежи (Табл. 3), что свидетельствует о росте понимания важности базовых ценностей представителями молодого поколения.

Таблица 3

Базовые ценности населения Беларуси: межпоколенческое сравнение, в %

Возраст	Год	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совсем не важно	Затрудняюсь ответить
Работа						
18–28	1990	34,6	37,7	23,7	2,2	1,8
	2018	57,6	35,1	4,5	1,6	1,2
46–56	1990	70,8	19,3	7,6	1,8	0,6
	2018	67,1	29	2,8	0,7	0,4
Семья						
18–28	1990	68,4	22,8	4,8	0,9	3,1
	2018	82	15,9	1,2	0,4	0,4
46–56	1990	78,9	17,5	2,3	0,6	0,6
	2018	89,4	9,2	0,4	0,4	0,7
Друзья и знакомые						
18–28	1990	42,5	35,5	18,4	1,3	2,2
	2018	46,5	45,7	6,5	1,2	
46–56	1990	35,7	44,4	17	1,2	1,8
	2018	40,6	45,6	12	1,8	
Досуг						
18–28	1990	36	42,1	18	1,3	2,6
	2018	40,8	49,4	9,4	0,4	
46–56	1990	38,6	31	21,1	2,9	6,4
	2018	24,4	55,1	19,4	1,1	
Политика						
18–28	1990	7	17,1	60,1	13,2	2,6
	2018	7,3	29	44,9	18	0,8
46–56	1990	17	26,9	45	7	4,1
	2018	10,2	28,3	38,5	22,3	0,7
Религия						
18–28	1990	4,8	13,2	46,9	27,6	7,5
	2018	12,2	28,6	31,8	26,5	0,8
46–56	1990	9,4	24	38,6	22,8	5,3
	2018	19,4	35	26,5	16,6	1,8

Второе место по степени значимости занимает работа — это гарантом нормальной жизни человека и, главное, способ успешного существования семьи, что становится все более понятным молодежи. Так, если в 1990 году 35% молодежи (18–28 лет) отмечали работу в качестве важной ценности, то в 2018 году — уже 58%. Уровень значимости таких базовых ценностей, как друзья и знакомые (социальный капитал) и досуг (включая здоровый образ жизни),

в 2018 году сохранился примерно таким же, что и в 1990 году, и различия между возрастными группами 18–28 и 46–56 лет незначительны. У молодежи наблюдается рост интереса к политике: если в 1990 году лишь каждый четвертый молодой человек отмечал, что политика важна для него, то в 2018 году такой позиции придерживается уже каждый третий. Наблюдается рост позитивного отношения к религии и признание ее важности у всех поколений по сравнению с 1990 годом.

Данные мониторинга позволяют утверждать, что базовые ценности меняются очень медленно, в отличие от форм и способов их реализации — они зависят от социально-экономического и культурно-исторического контекста. Международные сравнения базовых ценностей показывают, что Беларусь характеризуется типичной для стран Европы иерархией ценностей. Так, на первом месте оказалась семья, в большинстве стран работа — на втором месте (20 стран из 30), друзья и знакомые — на третьем (17), досуг — на четвертом (19), религия — на пятом (22), политика — на шестом (26).

В странах Европы существенно различается содержание базовых ценностей. Например, в Беларуси и Дании население считает семью важной ценностью (более 85%), но различается содержательная интерпретация этого понятия. В частности, при определении значимых условий для счастливого брака 79% населения Беларуси назвали детей — в Дании таковых 33%. Единственным условием, которое в равной мере высоко оценивается белорусами и датчанами, оказалась верность (86% и 84%). Впрочем, в белорусском обществе существенно меняются интерпретации брачно-семейных ценностей, в частности, снижается значение детей для молодежи. Так, если в 1990 году 96% молодежи отметило высокую значимость детей для самореализации женщины, то в 2018 году — только 51%. В 2018 году менее половины молодых людей (44%) считали, что большинство женщин ориентированы на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми (в 2000 году — около 60%), что может свидетельствовать об усилении ценности автономии среди белорусской молодежи, т.е. дети рассматриваются скорее в контексте брачного союза, чем как условие личностной самореализации. Если в 1990 году существовал общественный консенсус относительно образа полноценной женщины как неотделимого от материнства, то сегодня лишь половина молодежи считает так же.

Вместе с тем происходящие изменения не отразились на авторитете зарегистрированного брака. Одним из основных индикаторов девальвации брака является уровень согласия с высказыванием, что брак — устаревший социальный институт. Наибольший уровень поддержки подобной позиции наблюдался в середине 1990-х годов — 32%, в последние годы ее разделяет около 25% молодых людей. Аналогичная ситуация наблюдается в оценках альтернативных браку форм сексуального поведения: лишь треть молодежи считает допустимыми случайные сексуальные связи, а 20% — проституцию (этот уровень поддержки сохраняется в течение рассматриваемого периода).

Изменение содержания базовых ценностей влечет за собой смену гендерных установок. В мире наблюдается тенденция все большего уравнивания

прав, обязанностей и возможностей мужчин и женщин, и в Беларуси следует отметить изменение роли женщины в семье. Если в 1990 году согласие с утверждением, что предназначение женщины — следить за домом и детьми, выразило больше половины молодежи (59%), то в 2018 году — лишь 43%; с утверждением, что если женщина работает полный рабочий день, то семейная жизнь страдает, — 51% и 45% соответственно; с утверждением, что работа женщины плохо сказывается на воспитании детей, — каждый второй и каждый четвертый. Таким образом, в течение нескольких десятилетий коренным образом изменилось восприятие женской идентичности, причем во всех поколенческих группах: в 1990 году с утверждением, что предназначение женщины — в воспитании детей, согласились 75% людей старше 50 лет, в 2018 году — 50%.

Значительно изменились запросы молодежи к работе. В 1990-е годы большинство считало важнейшей характеристикой работы высокую оплату труда (около 90%), далее шли возможность проявить инициативу (40%), возможность личных трудовых достижений (48%) и выполнение ответственной работы (23%), т.е. работа воспринималась преимущественно в утилитарном смысле — как источник дохода. К 2018 году ситуация изменилась: 75% молодежи отметили возможность личных трудовых достижений в качестве важной характеристики работы, 55% — возможность проявить инициативу, 47% — выполнение ответственной работы. Переоценка роли работы происходит на фоне уменьшения доли государственной собственности в экономике — постепенно увеличивается доля тех, чья работа не связана с государственным сектором. Соответственно, меняется и восприятие государства с точки зрения обеспечения благополучия граждан: в 1996 году более 70% молодежи считали, что государство несет основную ответственность за благополучие населения, в 2018 году — 36%.

В условиях глобальной нестабильности в странах постсоветского мира развивается такой феномен, как NEET-молодежь, с которым развитые европейские страны столкнулись в конце XX — начале XXI века: согласно Евростату, это молодые люди 15–24 лет, безработные или экономически неактивные, которые не учатся и не проходят профессиональную подготовку (в 2017 году в среднем 14,7% трудоспособного населения в Европе; 15% в России [1. С. 64]).

Снижение экономической роли государства и формирование установки рассчитывать на собственные силы привели к изменению политических представлений. По ряду вопросов развития политических институтов в Беларуси существует общественный консенсус, в частности, большинство населения (более 90%) выступает за демократическую систему, более 80% считают свободные выборы ее важным условием. Популярность традиционных СМИ у молодежи достаточно низкая: регулярные просмотры (несколько раз в неделю и чаще) телевизионных передач по политической тематике характерны для 40% молодежи, тогда как в группе старше 50 лет таковых 80%. «По

результатам исследования 2008 года, признавая, что такие ценности, как “свобода” и “равенство”, безусловно, очень важны, немногим более половины (54% жителей Беларуси) предпочли бы именно “свободу”. Три четверти (75%) были уверены в том, что “хотя у демократии есть свои проблемы и недостатки, но она лучше, чем любая другая форма правления”. Примерно такое же число людей хотели бы видеть в стране демократическую политическую систему. В 2018 году респондентам было предложено оценить важность некоторых условий демократии по 10-балльной шкале, где 1 — “совсем не важно”, 10 — “очень важно”. В частности, в отношении характеристики “люди выбирают политических лидеров на свободных выборах” три четверти (76%) ответов локализовались в диапазоне от 7 до 10, из них 42% считают это очень важным условием демократии (10). Не менее значимым условием в сознании населения является наличие “гражданских прав, защищающих людей от притеснений со стороны государства”, что является признаком правового государства, — 74% выбрали оценки от 7 до 10, из них 38% считают это очень важным условием (10)» [9. С. 100]. «Широкое распространение получает убеждение, что наличие демократической политической системы “скорее хорошо” и “очень хорошо”: такой точки зрения придерживалось 67% в 2000 году, 73% — в 2008 и 87% — в 2018... Если по результатам исследования, проведенного в 2008 году, около половины жителей (51%) в той или иной степени были удовлетворены тем, как развивается демократия в Беларуси, то по результатам исследования 2018 года этот показатель снизился до 37%» [9. С. 100, 102].

Многолетний опыт социологических исследований в Беларуси [5–9] показывает, что решающим фактором сохранения стабильной ситуации в стране выступает самоощущение людей относительно возможности реализации базовых ценностей. В частности, более 70% населения считает, что в стране созданы достаточные условия для реализации таких базовых ценностей, как религия, семья и досуг. По двум ценностям большинство отмечает отсутствие достаточных условий для реализации — работа и политика. Подобное сочетание опасно, поскольку работа — основной источник экономического благополучия, а несправедливая, по мнению людей, оплата труда и недовольство работой ведут к нарастанию социальной напряженности, которое обычно находит выход в политической сфере и в снижении уровня доверия институтам общества.

Идеалы, жизненные планы и поведенческие стратегии

К современному поколению молодежи принято относить людей, родившихся на рубеже веков и вступающих во взрослую жизнь в конце 2020-х годов. По сути, речь идет о тех, кто сегодня сидит за студенческой скамьей. Формирование этого поколения проходило в условиях глобальной нестабильности, на фоне перемен в общественных настроениях, утверждения рыночных отношений и разочарования в либерально-демократической модели, т.е. «в эпоху взлома человека» [15. С. 323], отчуждения от взрослого мира, идеалы которого, с точки зрения молодежи, давно устарели, что ведет к

радикализации молодых поколений. Новое поколение хочет жить в мире, построенном по его лекалам. Как сказал герой романа З. Прилепина «Санька», «революция приходит не сверху и не снизу — она наступает, когда истончатся все истины» [12. С. 753]. Молодежь острее воспринимает проявления социальной несправедливости, нарушение прав и свобод, нежелание считаться с его мнением в решении проблем общества и в выборе своего будущего. Пока мы видим достаточно инфантильного, обиженного на весь мир человека, ждущего от общества реализации своего запроса. «Без эмоций, сопереживания, веры, морали, нравственности, с парализованной волей, неспособный к жизни. Такой субъект, внешне похожий на человека, полностью погружен в мир игры. Ему кажется, что у него много жизней и незачем ими дорожить» [4. С. 8].

Образование, наряду с семьей, и новые информационные технологии влияют на формирование ценностей молодежи — на второй план уходит негативный багаж предыдущего, «потерянного» поколения, появляется стремление быть полезным обществу, защищать права и свободы, четче проступают такие качества, как ответственность, сопереживание, доброта, отзывчивость. Хотя в России нередко описывают молодое поколение иначе: «Портрет среднестатистического молодого человека современной России получился таким: уверенный в себе оптимист с ярко выраженной индивидуальностью, коммуникабельный, старающийся быть активным и бескорыстным, не всегда честный, скорее жадный, чем щедрый, скорее жестокий, чем сострадающий, чаще проявляющий злость, чем доброжелательность» [10. С. 54]. В новом поколении дремлет некий заряд с мощным кумулятивным потенциалом — при осложнении социально-политической ситуации или серьезной ошибке власти он способен на выброс революционной энергии. Важную роль в стабилизации ситуации и снятии возможных осложнений играет сбалансированная система образования, которая способна внести коррективы в ценностные предпочтения нового поколения (Табл. 4).

Таблица 4

«Какие цели должны стоять перед нашей страной в ближайшие десять лет? Какая из них, на Ваш взгляд, является самой важной?» (18–28/51 и старше, в %)

Высокий уровень экономического развития	71,5/67,3
Обеспечение надежной обороноспособности страны	11,9/17
Создание условий, когда люди имеют больше возможностей решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства и т.д.	14,2/12,9
Попытаться сделать наши города и села более красивыми	1,5/2,3
А вторая по важности?	
Высокий уровень экономического развития	17,2/18
Обеспечение надежной обороноспособности страны	24,6/35
Создание условий, когда люди имеют больше возможностей решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства и т.д.	45,7/28
Попытаться сделать наши города и села более красивыми	11/17,1

Очевидно ощущение внутр поколенческого раскола, некое отчуждение молодежи, усиливающееся информатизацией, — молодые взрослые не знают, что им делать, не могут построить планы на будущее. «Подобная ситуация характеризуется уже не как классическая аномия по Э. Дюркгейму, связанная с отсутствием или размыванием норм (хотя наверняка это часть общей картины), и не как аномия по Р. Мертону, возникающая из неспособности достичь культурных целей. Это ситуация множества конкурирующих норм и дезориентации в отношении целей. Благодаря современным медиа (в первую очередь Интернету) у любой цели немедленно находится множество альтернатив» [13. С. 161]. В результате «в условиях нынешней растущей и давящей неопределенности многим молодым уже не хочется... взрослеть, т.е. принимать стратегические, обязывающие решения, брать на себя ответственность» [13. С. 162]. Хотя у своих детей они хотят воспитать качества, которые сами не смогли проявить (Табл. 5).

Новые вызовы изменили новое поколение: 1) «студенты-миллениалы почти не читают или читают слишком мало, ...у них отсутствует сам навык погружения в текст и работы со сложными текстовыми конструкциями» [13. С. 187] — «они люди визуальной культуры — им легче смотреть, чем читать или слушать» [13. С. 188]; 2) «получение знания все более рассматривается не как накопление и содержательное освоение материала, а как поиск готовой к использованию информации» [13. С. 188]; 3) студенты требуют прикладных знаний; 4) все труднее удерживать их внимание (сидят в гаджетах). «Главная болезнь XXI века — это раздрганность сознания с постоянными отвлечениями и переключениями, с хронической неспособностью концентрироваться на чем-то одном и неспособностью погружаться во что бы то ни было на относительно продолжительное время... Мы экономим время, но при этом теряем смысл» [13. С. 192]; 5) студенты все активнее борются за свои права.

Таблица 5

«Перед Вами список качеств, развитие которых у детей можно поощрять дома. Какие из них Вы бы назвали наиболее желательными для ребенка?» (18–28/51 и старше, в %)

Хорошие манеры	69,1/68,9
Независимость	33,2/22,6
Трудолюбие	73,3/86,8
Чувство ответственности	67,4/72,8
Воображение	22/9,2
Терпимость и уважение к другим людям	47,5/61,6
Бережливость, экономность	27/37,5
Решительность и настойчивость	49,3/40
Религиозность	6,5/11,4
Бескорыстие	24,9/19,3
Послушание	36,5/35

Черты новой системы ценностей формируются в культуре через систему образования и науку. «Образование — это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [11. С. 412]. Мы поменяли стратегию образования в угоду обстоятельствам и видим, что утратили много хорошего, что было в прежней системе образования. «Унификация... неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. Поэтому... идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главу угла» [11. С. 414]. «Если у нынешнего поколения отсутствует целостный взгляд на мир, выбор будущего будет осуществляться случайным образом» [15. С. 316]. «Однако в XXI веке стабильность, по всей видимости, станет непозволительной роскошью. Если вы попытаетесь сохранить неизменной свою идентичность, профессию или мировоззрение, то рискуете очень быстро отстать от мира. ...Чтобы идти в ногу со временем — не только в экономическом, но и в социальном плане, — вы должны быть способны постоянно учиться и перестраивать себя... Оригинальность будет постепенно превращаться в новую норму, и ваш прежний опыт, как и прежний опыт всего человечества, станет менее надежным помощником... Придется иметь дело с тем, с чем никто никогда раньше не сталкивался: с компьютерным суперинтеллектом и сконструированными телами, с алгоритмами, которые с необыкновенной точностью научатся управлять вашими эмоциями, с рукотворными климатическими катаклизмами, а также с необходимостью каждые десять лет менять профессию» [15. С. 320]. «Из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [15. С. 321].

Результаты социологических исследований в рамках международного проекта EVS позволили отследить изменения ценностных предпочтений жителей Беларуси и определить возможные тенденции развития общественно-политических процессов. На фоне стабильной иерархии базовых ценностей происходят достаточно быстрые изменения форм и способов их реализации — наблюдается рост индивидуализма, значения личностной самореализации в семье и на работе, ориентации на собственные силы, а не на государство, увеличивается интерес к политическим процессам и, благодаря СМИ, политическая радикализация, критическое восприятие важнейших событий. Отражая общемировую тенденцию подъема протестных настроений, современная молодежь радикализируется — она ценит индивидуализм, но откликается на чужую беду и готова жертвовать многим ради общих идеалов. Новое поколение ориентировано на перемены, хочет жить в мире, где считаются с его мнением и приоритетна социальная справедливость, хочет участвовать в научно-техническом прорыве, инновационно решать экономические проблемы, рачительно использовать природные ресурсы, идентифицировать себя

с родиной и быть своими в глобальной мировой деревне. Поэтому аргументы, которые еще вчера воспринимались молодыми людьми позитивно, сегодня уже не дают ожидаемого эффекта.

Библиографический список

- [1] Буланова М.Б., Артамонова Е.А. НЕЕТ-молодежь: европейский контекст и российские реалии. Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
- [2] Власов П. Культура с кулаками. Герои нашего времени // Культура. 2021. № 3.
- [3] Данилов А.Н., Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 1.
- [4] Данилов А.Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 4.
- [5] Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Современное белорусское общество: динамика перемен и эволюция ценностей // Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2009.
- [6] Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Булышко Д.М. Аксиологическое окружение Беларуси: понимание иного // Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2013.
- [7] Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Базовые ценности европейцев: основа сближения или инструмент противостояния // Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, В.В. Правдивца, Д.Г. Ротмана. Минск, 2016.
- [8] Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Белов А.А. Эмпирическая интерпретация понятия «ценности» и теоретические подходы к их изучению: некоторые закономерности и выводы // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
- [9] Иванюто О.В., Правдивец В.В. Политические ценности // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
- [10] Ильинский И.М., Луков В.А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1.
- [11] Миронов В.В. Метафизика не умирает. М., 2020.
- [12] Прилепин З. Санька. М., 2012.
- [13] Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2019.
- [14] Троцук И.В., Субботина М.В. Социологическая трактовка понятий со сложной коннотацией: взаимосвязь героизма и счастья // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12.
- [15] Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М., 2019.
- [16] Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2009.
- [17] Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2013.
- [18] Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, В.В. Правдивца, Д.Г. Ротмана. Минск, 2016.
- [19] Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
- [20] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-469-481

The youth of contemporary Belarus: Basic values, life plans and behavioral strategies*

A.N. Danilov¹, D.G. Rotman²

¹Belarusian State University
Kalvarijskaya St., 9, Minsk, 220004, Belarus

²Center for Sociological and Political Research of Belarusian State University
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Belarus
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Abstract. The article considers the transformation of basic values, life plans and behavioral strategies of the youth in contemporary Belarus. The changes in basic values are directly connected with the youth's adaptation to the conditions of global instability. The new generation is sensitive to social injustice, violations of rights and freedoms, unwillingness to take into account their opinions on current issues of social development and the future. The self-perception of people regarding the possibility to realize basic values in the current social-economic conditions is an important factor of social stability. In both 1990 and 2018, family holds the first place among the basic values in Belarus; work takes the second place as a factor of decent life and family's success; the importance of friends and leisure remains the same over the decades, while the importance of politics and religion grows. International comparisons show that Belarus has the same hierarchy of values as European countries. The surveys prove a decrease in popularity of the traditional media among the youth and an increase in individualism, importance of personal self-realization in family and at work, and in reliance on one's own forces. In the public space, the needs and expectations of people have changed — there is an increase in political radicalization and critical perception of the most important events, which affects the behavioral patterns of social-demographic groups. Education together with the family and new information technologies have a significant impact on values — there is an intragenerational gap, alienation from society and increasing informatization. The article is based on the results of the sociological surveys conducted in the framework of the European Values Study (EVS) (the results of 1990 and 2018 are compared).

Key words: Belarusian youth; basic values; ideals; life plans; behavioral strategies; intragenerational gap; radicalization

References

- [1] Bulanova M.B., Artamonova E.A. NEET-molodezh: evropeysky kontekst i rossiyskie realii [The NEET-youth: European context and Russian realities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
- [2] Vlasov P. Kultura s kulakami. Geroi nashego vremeni [Culture with fists. Heroes of our time]. *Kultura*. 2021; 3. (In Russ.).
- [3] Danilov A.N., Grishchenko Zh.M., Shchelkova T.V. Pokolenie Z: raskol traditsiy ili perekodirovka kultury [The generation Z: A split of traditions or a core conversion of culture]. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017; 1. (In Russ.).
- [4] Danilov A.N. Novye geopoliticheskie realii budushchey tsivilizatsii [New geopolitical realities of future civilization]. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017; 4. (In Russ.).

* © A.N. Danilov, D.G. Rotman, 2021

The article was submitted on 17.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

- [5] Danilov A.N., Rotman D.G. *Sovremennoe belorusskoe obshchestvo: dinamika peremen i evolyutsiya tsennostey* [Contemporary Belarusian society: Dynamics of change and evolution of values]. Bulynko D.M., Danilov A.N., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus v proekte "Issledovanie evropejskih tsennostej"*. Minsk; 2009. (In Russ.).
- [6] Danilov A.N., Rotman D.G., Bylynko D.M. *Aksiologicheskoe okruzenie Belarusi: ponimaja drugogo* [The axiological environment of Belarus: Understanding the other]. Bulynko D.M., Danilov A.N., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnyh proektah po izucheniju tsennostej*. Minsk; 2013. (In Russ.).
- [7] Danilov A.N., Rotman D.G. *Bazovyie tsennosti evropejtsjev: osnova sblizhenija ili instrument protivostojanija* [Basic values of the Europeans: A basis for rapprochement or a means of confrontation]. Bulynko D.M., Danilov A.N., Pravdivets V.V., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropejsky sojuz i Rossija v mezhdunarodnyh proektah po izucheniju tsennostej*. Minsk; 2016. (In Russ.).
- [8] Danilov A.N., Rotman D.G., Belov A.A. *Empiricheskaja interpretatsija ponjatija "tsennosti" i teoreticheskie podhody k ih izucheniju: nekotorye zakonomernosti i vyvody* [Empirical interpretation of the term 'values' and theoretical approaches to their study: some regularities and conclusions]. Bulynko D.M., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropejskih tsennostej", volna-2018*. Minsk; 2019. (In Russ.).
- [9] Ivanjuto O.V., Pravdivets V.V. *Politicheskie tsennosti* [Political values]. Bulynko D.M., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropejskih tsennostej", volna-2018*. Minsk; 2019. (In Russ.).
- [10] Ilyinsky I.M., Lukov V.A. *Moscow students: Changes in value orientations*. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
- [11] Mironov V.V. *Metafizika ne umiraet* [Metaphysics Never Dies]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [12] Prilepin Z. *Sankja* [Sankya]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [13] Radaev V.V. *Millenialy: Kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo* [Millennials: How Russian Society Changes]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [14] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. *Sotsiologicheskaya traktovka ponyatij so slozhnoy konnotatsiej: vzaimosvyaz geroizma i schastiya* [Sociological interpretation of concepts with complex connotations: The relationship of heroism and happiness]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2019; 12. (In Russ.).
- [15] Harari Yr.N. *21 urok dlja XXI veka* [21 Lessons for the 21st Century]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [16] Bulynko D.M., Danilov A.N., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus v proekte "Issledovanie evropejskih tsennostej"* [Value World of the Contemporary Man: Belarus in the European Values Study]. Minsk; 2009. (In Russ.).
- [17] Bulynko D.M., Danilov A.N., Rotman D. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnyh proektah po izucheniju tsennostej* [Value World of the Contemporary Man: Belarus and Its Neighbors in the International Projects on the Study of Values]. Minsk; 2013. (In Russ.).
- [18] Bulynko D.M., Danilov A.N., Pravdivets V.V., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropejsky sojuz i Rossija v mezhdunarodnyh proektah po izucheniju tsennostej* [Value World of the Contemporary Man: Eastern Partnership, European Union and Russia in the International Projects on the Study of Values]. Minsk; 2016. (In Russ.).
- [19] Bulynko D.M., Rotman D.G. (Eds.). *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropejskih tsennostej", volna-2018* [Value World of the Contemporary Man: European Values Study, Wave-2018]. Minsk; 2019. (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V., Subbotina M.V. *Three questions to start the sociological study of heroism*. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-482-496

Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции*

Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Варганова, А.А. Черникова

Институт демографических исследований — обособленное подразделение ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия
(e-mail: osadchaya111@gmail.com; yegorkireev@gmail.com;
11marina11@mail.ru; aannyu@yandex.ru)

Аннотация. Формирование социальной памяти молодежи евразийских стран в последние тридцать лет проходило под влиянием множества «акторов коммерциативного пространства», зачастую преследовавших свои цели в борьбе за легитимацию нового политического порядка и оправдание своего курса на радикальную трансформацию экономики. Результаты их усилий следует учитывать в реализации одного из самых важных совместных проектов постсоветских стран — евразийской интеграции, поскольку социальная память молодежи — важнейший ресурс ее успеха. Цель исследования — уточнение и оценка механизмов сохранения информации о прошлом, особенностей представлений поколения Y об общей истории и современном этапе строительства ЕАЭС, присутствующих в публичном дискурсе, установление взаимосвязи между отношением к прошлому и к интеграционным процессам в Евразии, влияния социальной памяти на позицию человека, предложение форм и способов ее реконструкции в интересах расширения взаимодействия постсоветских стран и повышения эффективности политики памяти. Под формированием социальной памяти понимается деятельность акторов (индивидов, групп, организаций, социальных институтов, общностей), направленная на молодежь стран, участвующих в евразийской интеграции, — по продвижению своей интерпретации коллективного прошлого и общего настоящего. Эмпирический объект исследования представлен молодыми гражданами стран-членов и стран-кандидатов на вступление в ЕАЭС (18–38 лет), проживающими, обучающимися или работающими в Москве. В статье дается оценка респондентами вклада каждого из акторов в процесс формирования социальной памяти и характеристика социальной памяти поколения Y как совокупности взглядов, чувств и настроений, отражающих восприятие советского прошлого и интеграционного настоящего. Делается вывод о необходимости целенаправленной политики лидеров стран, принимающих участие в евразийской интеграции, по реконструкции социальной памяти молодежи и консолидации обществ.

Ключевые слова: социальная память; молодежь; поколение Y; евразийская интеграция; политика памяти; акторы формирования социальной памяти

Формирование комплементарного контента социальной памяти молодежи о едином прошлом и совместном настоящем — важнейший фактор позитивного сценария интеграции государств Евразии, условие успешного позиционирования Евразийского союза в мировой политике, сохранения

* © Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Варганова М.Л., Черникова А.А., 2021
Статья поступила 13.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

исторических смыслов и консолидации обществ. Однако сегодня нет достоверного, эмпирически подтвержденного знания о результатах деятельности акторов, оказывающих влияние на характер и содержание социальной памяти молодежи, об эффективности механизмов ее формирования и поддержке поколением Y строительства нового социально-экономического евразийского пространства в интересах населения и конкурентоспособности каждого из государств. Актуальность и практическая значимость исследования также обусловлена усиливающейся борьбой нарративов за трактовку событий, образов и смыслов эпохи СССР и нынешних процессов евразийской интеграции, активизацией попыток манипулирования сознанием молодых.

В современном научном дискурсе обсуждаются в основном теоретические аспекты изучения социальной памяти и политики памяти [7; 10; 14; 19; 21; 22; 23; 24; 26; 31; 32]. Немногочисленные попытки их эмпирического анализа предпринимались в изучении частных проблем или локальных территорий [2; 6; 8; 9; 11; 12], что можно объяснить сложностью измерения объема и содержания данных феноменов, способов и результатов передачи старшими поколениями младшим социальных ценностей, опасениями оказаться непolitкорректными. Цель исследования — оценка механизмов социализации прошлого, особенностей представлений поколения Y об общей истории и современном этапе строительства ЕЭАС, предложение форм и способов ее реконструкции в интересах расширения социального взаимодействия народов постсоветских стран. Под формированием социальной памяти мы понимаем деятельность субъектов, участвующих в евразийской интеграции, по продвижению своей интерпретации коллективного прошлого и общего настоящего, разделяя, тем самым, конструктивистский подход «о множественности акторов коммуникативного пространства и их политик памяти, ситуативном характере политики и множестве идентичностей» [5].

К основным направлениям формирования социальной памяти молодежи Евразии мы относим презентацию коллективного прошлого и настоящего в условиях, когда многие исторические или современные факты по-разному трактуются, переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются в целях конструирования образа «свой–чужой», обеспечения сплоченности за счет формирования чувства принадлежности, с помощью следующих форм (инструментов, механизмов): семейный нарратив памяти, учреждение праздников и «изобретение новых традиций» [30], отмечание памятных дат, строительство или снос памятников, называние или переименование улиц, использование образов исторической деятельности и создание образа современного героя, разработку образовательных стандартов, единой концепции преподавания истории, подготовку документальных и художественных фильмов, книг, организацию выставок и музеев, создание публичного дискурса в медиа, формирование повестки публичных дискуссий, внесение евразийской проблематики. В оценке эффективности формирования социальной памяти мы опираемся на идеи М. Хальбвакса [29], А. Ассман [33], М. Хирша [34], Я. Зерубавель [13] и П. Нора [35].

В качестве эмпирического объекта выступает молодежь — представители «миллениалов» и «постмиллениалов» (18–38 лет) — стран-членов и стран-кандидатов на вступление в ЕАЭС. К моменту распада СССР самым старшим из них было не более 6 лет, и при конструировании личной карты событий прошлого они опирались на рассказы родителей, учителей, формы визуальной репрезентации произошедшего и собственное воображение, и это то молодое поколение, которое будет определять судьбу интеграционных процессов в ближайшие 20–25 лет. Поколения миллениалов в постсоветских государствах в силу большого количества дифференцирующих факторов не однородны. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, а оно по мере взросления меняется и оценивается с позиций социальной реальности и представлений о будущем, поэтому смысловые конструкты прошлых событий могут не совпадать как внутри молодых поколений каждой страны, так и разных стран. Было опрошено молодых граждан в возрасте 18–38 лет, проживающих, обучающихся или работающих в Москве: 2019 год — 350 (глубинные интервью по 50 информантов из каждой группы); 2020 — 2949 (структурированные интервью: Армения — 412, Беларусь — 442, Казахстан — 405, Кыргызстан — 401, Россия — 478, Молдова — 409, Таджикистан — 402); 2021 — 105 информантов (глубинные интервью по 15 информантов из каждой группы) с использованием метода «снежного кома» по двум основным признакам — возраст и гражданство.

Все постсоветские страны проводят политику памяти в соответствии с моделями, которые существенно различаются, но в одном они схожи: в «формировании национальной идентичности постсоциалистических стран вместо позитивной программы, ...поиска компромисса в интерпретации сложных и трагических эпизодов совместной истории, признания общей ответственности за них или их совместного “забывания”, политические и интеллектуальные элиты большинства постсоциалистических стран, наоборот, делают все для их актуализации и политизации, формируя и концептуализируя мифологемы массового сознания, придавая видимость научной обоснованности примитивным ксенофобиям и идиосинкразиям» [4]. На формирование социальной памяти оказывает влияние коммуникационная и информационная среда, в которой человек/группа находится. Механизмами актуализации и стимулирования социальной памяти выступают референтные группы, праздники, места памяти, образование, СМИ, литература, фильмы.

По оценкам респондентов, главный вклад в конструирование их памяти о прошлом вносит семья, что не подтверждает выводы ряда специалистов об ограниченном наборе инструментов влияния семьи на социальную память [34]. Социальная память об общем прошлом опирается на устную передачу индивидуального опыта, характеризующуюся высокой степенью неформальности. Важный источник информации о советском прошлом и истории страны для опрошенных из всех стран — школа (Рис. 1).

Рис 1. Основные источники информации о советском прошлом и прошлом страны

Семейный нарратив о прошлом, как правило, носит локальный характер, не в полной мере отражает реалии Советского Союза, искажает событийный ряд исторических фактов. Следует также иметь в виду возрастные рамки исследования: респонденты изучали изменяющееся содержание исторического дискурса, в котором после 1990 года усиливалось отрицание советского опыта, а интерпретация исторических событий все в большей мере была связана с обоснованием нового политического порядка и права на суверенитет, независимость, что подтверждается различиями представлений респондентов о СССР по возрастным группам (Рис. 2). Однако это не дает оснований говорить, что именно первые три источника являются основными регуляторами памяти поколения Y. Согласно Таблице 1, характер информации, степень доверия к ней и ее принятие не однозначны, что свидетельствует о критическом восприятии молодыми коммуникативной и культурной составляющих памяти. Позитивная репрезентация прошлого старшим поколением, музеями, выставками, мемориальными комплексами (более 70%), другими каналами (50%–60%), впрочем, как и негативная, может нивелироваться особенностями личностного восприятия, интерпретацией событий прошлого как символического ресурса, доступной информацией, включенностью в конкретные среды и последствиями регулирования воспоминаний о прошлом. Кроме того, информация, транслируемая всеми каналами, у 40% респондентов не прошла верификацию личным опытом.

Каждый шестой респондент отметил важную роль книг и фильмов, апеллирующих к эмоциональной стороне памяти, и только один из десяти — роль Интернета и СМИ, хотя в Интернете представлен широкий спектр информации о советском прошлом — в Рунете множество ресурсов, которые направлены на

репрезентацию как негативного, так и позитивного образа СССР. Очевидно, что во всемирной паутине молодых привлекают другие информационные продукты и сети.

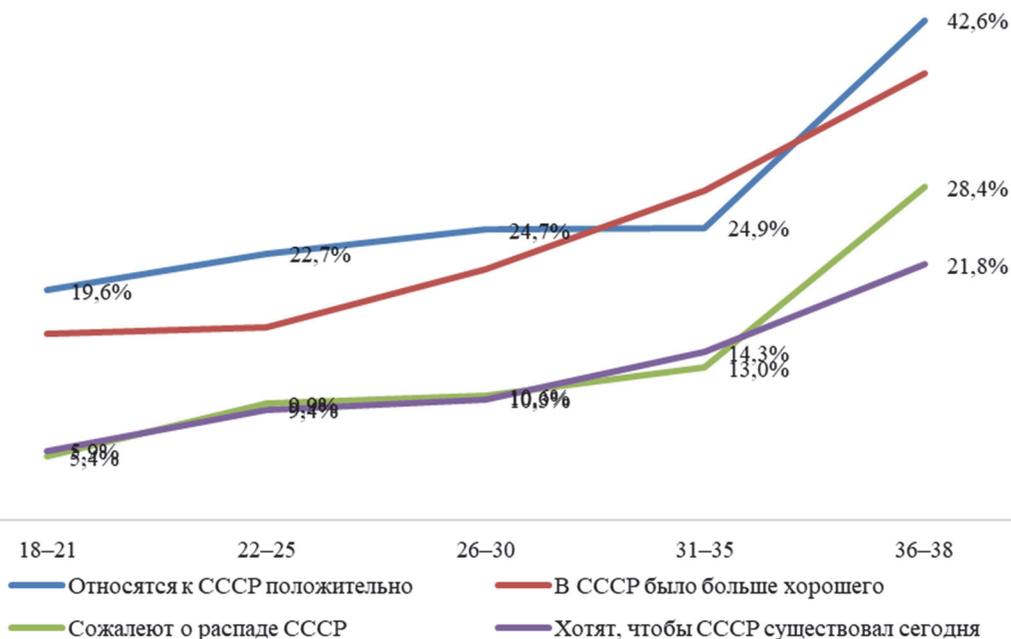

Рис. 2. Зависимость суждений респондентов об СССР от возраста

Таблица 1

Представления молодежи о характере информации, получаемой от разных акторов и отличия личной точки зрения от их оценки прошлого (в %)

Акторы	Характер информации Положительный + Скорее положительный	Отличие точки зрения Да + Скорее да
Родители	73,7	39,1
Бабушки, дедушки	77,8	42,8
Школьная программа	71,2	43
Традиционные СМИ	58,6	42,3
Новые медиа, социальные сети, блоги	58,6	39,1
Официальная позиция политических лидеров	52,4	40,8
Музеи, выставки, мемориальные комплексы	71,2	33,4

Учитывая возрастающую роль информационных технологий, следует отметить преобладание отрицательного контента в новых медиа, социальных сетях, блогах и мессенджерах Беларуси и России (Беларусь: контент «положительный и скорее положительный» — 31,5%, «скорее отрицательный и отрицательный» — 50,7%; Россия — 29,7% и 53,6% соответственно) и отличие

точки зрения молодежи ряда стран от официально транслируемых позиций политических лидеров (Беларусь: «да и скорее да» — 48,2%, «скорее нет и нет» — 30,5%, Россия — 45% и 33,2%, Молдова — 42,3% и 32,8%), а также относительно большую долю респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, особенно среди граждан Армении — 26,7%, Кыргызстана — 27,9%, Таджикистана — 26,1%.

Обладая разной силой воздействия, каждый канал информации влияет на формирование социальной памяти, усложняя ее структуру и определяя альтернативные варианты постпамяти поколения Y. Доверие к образу советского прошлого может сформироваться только при условии непротиворечивости информации, согласованности действия всех акторов, чего не наблюдается: «несогласованность основных информационных каналов и механизмов коллективной памяти приводит к эффекту разорванной памяти, крайним проявлением которой становится историческая амнезия» [15].

Социальная память молодежи постсоветских стран поддерживается коммеморативными практиками общих советских праздников как на личном, так и на государственном уровне (Табл. 2). С помощью памятных мероприятий люди вовлекаются в процесс воспоминаний, память о прошлом сохраняется и передается, сопрягается «линейная репрезентация исторического времени с ритмами его циклического движения» [18. С. 180], хотя эти праздники, по мнению респондентов, получают некоторое новое звучание в условиях строительства независимых государств.

Таблица 2

Советские праздники, сохраняющие государственный статус и отмечаемые респондентами (в %)

Советские праздники	Страны, в которых сохранился государственный статус праздника	Празднуются респондентами
Новый Год (1 января)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	95,8
Международный женский день (8 марта)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	81
День труда (1 мая)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	54,6
День Победы (9 мая)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	84,6
День защитника отечества (23 февраля)	Беларусь, Кыргызстан, Россия, Таджикистан	73,7

Важны для сохранения единого мировосприятия евразийского пространства и религиозные праздники, поскольку они включают в социальную память поколения Y коллективные образы. В интервью информанты из всех стран в качестве особо почитаемых называли из христианских праздников Рождество и Пасху, из исламских — Новруз, Курбан Айт и Наурыз мейрамы, Ураза-байрам, Курбан-байрам.

Производство доминирующих способов интерпретации социальной реальности связано с учреждением новых национальных праздников и традиций, посвященных обретению независимости в 1991 году. Опрошенные граждане Армении главными для страны праздниками назвали: 28 января — День Армии, 24 апреля — День памяти жертв Геноцида, 21 сентября — Праздник независимости; Беларуси: 3 июля — День Независимости; Казахстана: 7 мая — День защитника отечества, 6 июня — День столицы (Нурсултан), 1 декабря — День Первого президента, 16 декабря — День независимости; Кыргызстана: 7 апреля — День народной революции, 31 июля — День независимости; Молдовы: 27 июля — День независимости, 1 марта — Мэрцишор; России: 12 июня — День России, 4 ноября — День народного единства; Таджикистана: 9 сентября — День независимости. Новые праздники оказывают влияние на людей, формируя и изменяя их представления о прошлом, и выполняют разные функции, способствуя становлению национального самосознания и суверенизации. Интерпретируя повествования информантов, можно сказать, что создание новых традиций способствует консолидации народа, формированию национальной идентичности, легитимации власти, трансляции новых ценностей и норм [30]. Однако наиболее значимы для респондентов праздники семейные, которые также способствуют поддержанию социальной памяти молодых (Табл. 3).

Таблица 3

Значимость для респондентов праздников

Праздники	Очень важны	Скорее важны
Национальные (светские)	35,6%	35,9%
Религиозные	34,5%	27,3%
Семейные	63,3%	28%

Во всех постсоветских государствах в ревизии общего прошлого использовалась политизация истории, а для обоснования нового политического курса — меры политической консолидации общества. В 1990-е годы политические элиты активно модифицировали историю и прошлое в контексте текущих политических вызовов (что подтверждается акцентом постсоветских государств на национальных праздниках, отмеченных респондентами как главные после распада СССР, культивирующие независимость и суверенитет), переписывали учебники, меняли государственные символы, а СМИ транслировали новую идеологию, что не могло не повлиять на установки молодых [см., напр.: 1]. Для символического оформления новых политических режимов использовались и визуальные практики: строительство и снос памятников, называние и переименование улиц, использование образов прошлого и создание образа современного героя. Однако такая политика не находит поддержки в молодежной среде: большинство молодых граждан евразийских государств (более 70%) считает нецелесообразной практику

переименования улиц и сноса советских памятников. Более 66% готовы поддержать установку памятника (название улицы, площади в честь) выдающегося российского (советского) деятеля, (поэта, писателя, политика) в их стране сегодня, хотя 63% поддерживают установку памятников, в первую очередь, их национальным героям (чаще граждане Армении — 69%). Респонденты считают, что сегодня в большей степени заслуживают установки памятников герои боевых действий, ветераны — 37,6% (в Армении — 45,1%), деятели культуры, искусства — 21,2%; каждый шестой полагает, что сегодня никто не заслуживает установки памятника. Современных политических лидеров своей страны считают героями 22,5% респондентов, не считают — 58,2% (граждане России в Москве — 73,6%).

В нашем исследовании память о прошлом представлена как эмоциональное отношение к СССР, характеристика фреймовых конструкций советского прошлого, результат сопоставления исторических событий, с которыми респонденты ассоциируют совместное прошлое и историю постсоветских стран после распада СССР, особенности их коннотаций с перечнем знаковых событий, оказавших влияние на социально-экономическое, политическое и социально-культурное развитие Союза и каждой страны. Результаты исследования позволяют зафиксировать доминирующие представления молодежи о СССР. Более половины респондентов (64,5%), независимо от гражданства, отметили, что к советскому прошлому относятся позитивно, 25,5% — скорее отрицательно (ответов «отрицательно» не было). Эти результаты подтверждаются исследованиями наших коллег, которые считают, что в массовом сознании отчетливо артикулируется положительный образ СССР [28. С. 68]. 70% опрошенных отождествляют историю своей страны с историей СССР, 74% полагают, что СССР давал ощущение великой державы, каждый шестой из десяти отметил, что в СССР было как хорошее, так и плохое.

В постсоветской политике памяти евразийских государств используется идея жертвы, страданий народов, входивших в состав СССР, для мобилизации населения и «экспорта вины» [3; 17; 25]. В поколения Y эта идея закрепились в представлениях каждого третьего респондента. С позицией «СССР — это, в первую очередь, притеснение и угнетение моей страны, отсутствие суверенитета и независимости» полностью согласилось 10%, скорее согласны — 20%, независимо от гражданства. Более 60% (за исключением россиян) считают, что все республики были равны.

Наиболее часто в советском прошлом в позитивном ключе упоминались такие характеристики, как дружба (74,9%), доступность качественного образования (66,1%), гарантированное трудоустройство (64,8%), уверенность в будущем (59,6%), доверие (57,4%), равенство (56,5%), доступность качественного медицинского обслуживания (56%), справедливость (51,9%). Многократно отмечалось, что «СССР — великая, крепкая, независимая и сильная держава. Гражданин СССР не мог себя чувствовать ущербным». Среди отрицательных характеристик СССР были названы: дефицит товаров (68,1%), длинные очереди (67%), тоталитарный режим (57,9%) репрессии (56,4%),

отсутствие выбора и свобод (51,2%). Казалось бы, позитивных качеств, которые были названы в глубинном интервью, а затем подтверждены в структурированном интервью, больше, однако 59,4% не сожалеют о распаде СССР, 72,7% не считают распад СССР травматическим для них событием. Больше других беспокоит распад СССР граждан Кыргызстана (травматическое событие — 26,9%), Молдовы (25%) и Таджикистана (24,4%). Более половины (56,4%) не хотели бы сегодня существования Советского Союза.

Основу национального самосознания и гражданской идентичности составляет интерпретация событий. Память о событиях имеет гораздо большее значение для будущего, чем само событие. В советском прошлом большинство респондентов назвали те исторические события, которые критически важны для них лично и которым их общество приписывает первостепенное значение. Значение/важность события для индивида мы определяли по частоте упоминаний и интенсивности суждений: лидирует победа СССР во Второй мировой войне (более 70%): война часто вплетена в контекст истории семьи, высоко оценивается роль СССР и вклад каждой республики в победу над фашизмом. В памяти миллениалов сохранились такие события, как распад СССР (ассоциируется с новыми возможностями и вызовами для бывших советских республик), запуск первого спутника, полет Ю. Гагарина, авария в Чернобыле, война в Афганистане. 23,5% в качестве значимого события отметили создание СНГ, 15% — ЕАЭС. Москвичи чаще отмечали как значимое событие распад СССР (60,3%) и реже — создание ЕАЭС (8,2%).

Также респонденты называли особые события, отразившиеся в судьбах их народов: граждане Армении — землетрясение в Спитаке и помощь всего СССР в ликвидации его последствий, Карабахский конфликт, Бархатная революция 2018 года; Беларуси — авария на Чернобыльской АЭС, обретение независимости; Казахстана — строительство Байконура, реализация космической программы, поднятие целины; России — достижения в области науки, присоединение Крыма, избрание Президентом России В.В. Путина; Кыргызстана — принятие Декларации о независимости, перестройка; Молдовы — конфликт в Приднестровье; Таджикистана — массовые беспорядки, Афганская война. В интервью респонденты вспомнили практически все ключевые события, которые изменили СССР и повлияли на их постсоветское настоящее. За пределами внимания остались некоторые цветные революции, путчи (например, расстрел российского парламента в октябре 1993 года). Видимо, эти события не коснулись опрошенных лично, их общества не приписывают этим событиям важного значения.

Настоящее регулируется воспоминаниями о прошлом, а память выступает фактором проектирования будущего, поэтому судить о содержании социальной памяти молодежи можно по ее отношению к интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Поддерживают интеграцию 65% респондентов, относятся отрицательно — 17,6%, при достаточно большой доле (17,4%) затруднившихся ответить. Наибольшая разница между теми, кто относится положительно и отрицательно к интеграционным процессам на

постсоветском пространстве, наблюдается среди граждан Армении — 52,3%, Таджикистана — 51% — и Кыргызстана — 49% (т.е. большинство за интеграцию). В оценке глубины интеграции мнения респондентов расходятся: каждый десятый выступает против интеграционных процессов, 19,7% не определилась (Табл. 4). В высказываниях респондентов, не предполагающих углубления интеграции, типично такое мнение: «*Без интеграции никак, все равно Казахстан под крылом у России. И они — соседи, состояли в СССР. И всегда всякие сотрудничества происходят, поэтому их взаимодействие неизбежно. Но объединение России и Казахстана мало возможно. Если в 1991 так произошло, что Казахстан получил независимость и долгое время просуществовал независимо и стабильно, то должна сохраниться независимость*».

Таблица 4

Возможная степень интеграции страны респондента с другими постсоветскими государствами в Евразии (в %)

Только экономическая интеграция	23,3
Экономическая и политическая интеграция	25,5
Экономическая, политическая и военная интеграция	22,3
Выступаю против любых форм интеграции	9,1
Затрудняюсь ответить	19,7

Высокий уровень ожиданий от ЕАЭС и участия в интеграционных процессах можно объяснить появлением определенного вектора трансформации постсоветских стран и социальной памятью о защищенности в составе мощного интеграционного объединения. Так, по мнению респондентов, через десять лет в странах ЕАЭС снизится число бедных, государство будет развиваться более динамично, оно будет более демократичным, безопасным, помогающим своим гражданам, справедливым, правовым, толерантным, свободным и мультикультурным, и каждая из стран станет богаче, независимее, свободнее и справедливее (Рис. 3).

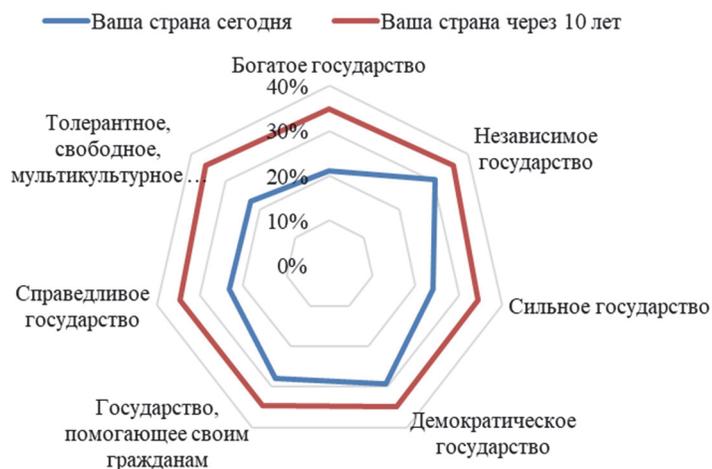

Рис. 3. Перспективы стран в результате интеграционных процессов

Социальная память молодежи — один из ключевых ресурсов успешности интеграционных процессов в Евразии, что подтверждает опыт переформатирования социальной памяти народов Украины и Прибалтики, формирования ими нового политического видения советского прошлого. После распада СССР и другие постсоветские страны в ходе борьбы за символическую власть и легитимацию нового политического и экономического порядка [16] внесли вклад в переосмысление и реинтерпретацию прошлого. Наше исследование показывает результаты усилий по идеологическому обоснованию нового политического курса и позволяет дать оценку вклада акторов политики памяти в формирование представлений молодежи об общем прошлом и настоящем. Так, у 40% опрошенных ни один из каналов информации не вызывает полного доверия в силу противоречивости контента и несогласованности действий акторов. «Образы недавнего прошлого, создаваемые наукой, искусством, транслируемые образованием, идеологией и СМИ» верифицируются «личностными информационными каналами» [15], поэтому респонденты имеют собственные представления о событиях прошлого, настоящем и будущем. Более 60% относится к советскому прошлому позитивно, отождествляет историю своей страны с историей СССР, положительно воспринимает интеграционные процессы, но неоднозначно оценивает разные варианты интеграции, что свидетельствует о некоторой противоречивости социальной памяти молодых граждан постсоветских государств.

Очевидно, что расширение и углубление интеграционных процессов в Евразии требует реконструкции социальной памяти молодежи и консолидации обществ, что невозможно без целенаправленной политики лидеров стран. Для символического оформления интеграционного курса важно продвижение евразийской проблематики в пространство всех постсоветских государств, создание соответствующего дискурса в медиа и повестки публичных дискуссий, примирение и диалог национальных версий общего прошлого, формирование постнациональной социальной памяти с использованием всех доступных инструментов — забвения, актуализации, интерпретации.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00899 «Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: структура, состояние и механизмы формирования».

Библиографический список

- [1] Армения: как пишут учебники истории // URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia.
- [2] Асанова С.А. Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5.
- [3] Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестник ТГУ. 2019. № 440.

- [4] *Ачкасов В.А.* Политика памяти как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4.
- [5] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012.
- [6] *Буюкли Д.А.* Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180.
- [7] *Верещагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1/2.
- [8] *Галиев А.А.* Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2.
- [9] *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5.
- [10] *Дмитриева О.О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник ЧГУ. 2015. № 6.
- [11] *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1.
- [12] *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1.
- [13] *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.
- [14] *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. М., 2016.
- [15] *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3.
- [16] *Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1.
- [17] *Миллер А.И.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. № 5.
- [18] *Мильорати Л., Мори Л.* Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и конфликтность памятных мероприятий // Социологические исследования. 2014. № 1.
- [19] *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [20] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [21] *Папенина Ю.А.* Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2010. № 1.
- [22] *Ретина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1.
- [23] *Ретина Л.П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3.
- [24] *Сабанчеев Р.Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2018. № 1.
- [25] *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2.
- [26] *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
- [27] *Троцук И.В.* Помнить или забыть: Значение выбора для прошлого и настоящего // Социологический журнал. 2015. № 1.

- [28] Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. 2016. № 1/2.
- [29] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
- [30] Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1.
- [31] Черников П.Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 5.
- [32] Ямпольский М.Б. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М., 2018.
- [33] Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.
- [34] Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y., 2012.
- [35] Norra P. La Republique // Les lieux de memoire. Vol. 1. P., 1984.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-482-496

Formation of the youth's social memory in the Eurasian integration states-participants*

G.I. Osadchaya, E.Yu. Kireev, M.L. Vartanova, A.A. Chernikova

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Fotieva St., 6-1, Moscow, 119333, Russia
(e-mail: osadchaya111@gmail.com; yegorkireev@gmail.com;
11marinal1@mail.ru; aannyu@yandex.ru)

Abstract. In the past thirty years, social memory of the Eurasian youth has been influenced by many ‘actors of the commemorative space’, who often pursue their own goals in the struggle to legitimize the new political order and their policies of the radical economic transformation. The results of their efforts should be taken into account in the implementation of one of the most important joint projects of the post-Soviet countries — Eurasian integration, because social memory of the youth is the most important resource for its success. The study aims at clarifying and evaluating the mechanisms for preserving information about the past, the peculiarities of the generation Y ideas about the common history and the current stage of the EAEU construction, which are present in the public discourse, and at revealing the relationship between attitudes to the past and to the Eurasian integration, the influence of social memory on the personal worldview, the forms and methods of its reconstruction in the interests of the post-Soviet countries interaction and efficiency of the politics of memory. The formation of social memory is defined as the activity of actors (individuals, groups, organizations, social institutions, communities) aimed at the interpretation of the collective past and common present by the youth of the countries participating in the Eurasian integration. The empirical object of the study — young citizens of the member states and candidates for joining the EAEU (18–38 years old), who live, study or work in Moscow. The article considers the respondents’ assessments of the contribution of each of the actors to the social memory formation and describes social memory of the generation Y as a set of views, feelings and moods reflecting the perception of the Soviet past and the common present. The authors insist on the purposeful policy of the leaders of the countries, participating in the Eurasian integration, to ensure the reconstruction of the youth’s social memory and the consolidation of societies.

Key words: social memory; youth; generation Y; Eurasian integration; politics of memory; actors of the social memory formation

* © G.I. Osadchaya, E.Yu. Kireev, M.L. Vartanova, A.A. Chernikova, 2021

The article was submitted on 13.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00899 “Social memory of the youth in the states-participants of Eurasian integration: Structure, state and mechanisms of formation”.

References

- [1] Armeniya: kak pishut uchebniki istorii [Armenia: how history textbooks are written]. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia. (In Russ.).
- [2] Asanova S.A. Ob osnovnyh faktorah povedencheskoj motivatsii voinov kazahskih natsionalnyh vojskovykh formirovaniy v gody vojny (1941–1945) [On the main factors of behavioral motivation of the Kazakh national troops during the war (1941–1945)]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2019; 5 (2). (In Russ.).
- [3] Achkasov V.A. Diskurs postkolonializma v politike pamyati postsovetskih gosudarstv [Discourse of postcolonialism in the politics of memory of the post-Soviet states]. *Vestnik TGU*. 2019; 440. (In Russ.).
- [4] Achkasov V.A. Politika pamyati kak instrument stroitelstva postsotsialisticheskikh natsij [Politics of memory as a means for creating post-socialist nations]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*. 2013; 4. (In Russ.).
- [5] Brubaker R. *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [6] Buyukli D.A. Sohranenie istoricheskoy pamyati o vklade Russkoj pravoslavnoj tserkvi v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne [Preserving the historical memory of the contribution of the Russian Orthodox Church to the victory in the Great Patriotic War]. *Vestnik TGU*. 2019; 180. (In Russ.).
- [7] Vereshchagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I. K probleme opredeleniya sotsialnoj pamyati: ponyatie, osnovnye harakteristiki, funktsii i rol v formirovanii patriotizma [On the definition of social memory: Concept, main characteristics, functions and role in the formation of patriotism]. *Istoricheskaya i Sotsialno-Obrazovatel'naya Mysl*. 2017; 9 (1/2). (In Russ.).
- [8] Galiev A.A. Otrazhenie sovetsoj istorii v politike pamyati sovremennogo Kazahstana [Representation of the Soviet history in the politics of memory of contemporary Kazakhstan]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2016; 2. (In Russ.).
- [9] Gudkov L. Pobeda v vojne: k tsociologii odnogo natsionalnogo simvola [Victory in the war: On the sociology of one national symbol]. *Monitoring*. 1997; 5. (In Russ.).
- [10] Dmitrieva O.O. Istoricheskaya pamyat i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh kontsepcij v otechestvennoj nauke [Historical memory and mechanisms of its formation: Analysis of historiographic concepts in the Russian science]. *Vestnik ChGU. Istoriya*. 2015; 63 (6). (In Russ.).
- [11] Zhanbosinova A.S. Kulturnaya pamyat i memorializatsiya Velikoj Otechestvennoj vojny na sovremennom etape [Cultural memory and memorialization of the Great Patriotic War at the present stage]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2015; 1. (In Russ.).
- [12] Zharkynbaeva R.S. Velikaya Otechestvennaya vojna: sotsiokulturnaya pamyat i kommehorativnye praktiki v postsovetsoom Kazahstane (genderny aspekt) [The Great Patriotic War: Social-cultural memory and commemorative practices in post-Soviet Kazakhstan (gender aspect)]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2017; 1. (In Russ.).
- [13] Zerubavel Ya. Dinamika kollektivnoj pamyati [Dynamics of collective memory]. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati*. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [14] Levada Yu. *Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya* [Time of Change: Questions and Position of the Researcher.]. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [15] Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati [The image of the past: Formation of historical memory]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye Nauki*. 2013; 3. (In Russ.).
- [16] Malinova O.Yu. Problema politicheskii “prigodnogo” proshlogo i evolyutsiya ofitsialnoj simvolicheskoy politiki v postsovetsoj Rossii [The problem of a politically ‘acceptable’ past

- and evolution of the official symbolic policy in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya Konceptologiya*. 2013; 1. (In Russ.).
- [17] Miller A.I. Istoricheskaya politika i ee osobennosti v Polshe, Ukraine i Rossii [Historical policy and its features in Poland, Ukraine and Russia]. *Otechestvennye Zapiski*. 2008; 5. (In Russ.).
- [18] Milorati L., Mori L. Ten klassicheskogo naslediya i ee preodolenie. Pamyat o dvizhenii soprotivleniya i konfliktnost pamyatnyh meropriyatij [Shadow of the classical heritage and its overcoming. The memory of the resistance movement and the conflict of commemorative events]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 1. (In Russ.).
- [19] Myslivets N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat kak sotsiokulturny fenomen: opyt sociologicheskoy rekonstruktsii [Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
- [20] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
- [21] Papenina Yu.A. Teoreticheskie osnovy ponyatiya "sotsialnaya pamyat" [Theoretical foundations of the term 'social memory']. *Vestnik SPbGU. Seriya 12*. 2010; 1. (In Russ.).
- [22] Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kulturnoy pamyati [Events and images of the past in historical and cultural memory]. *Novoe Proshloe*. 2016; 1. (In Russ.).
- [23] Repina L.P. Fenomen pamyati v sovremennom gumanitarnom znanii [The phenomenon of memory in contemporary humanities]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2011; 153 (3). (In Russ.).
- [24] Sabancheev R.Yu. Kontsepsiya "mest pamyati" Pierra Nora kak sposob istoricheskoy rekonstruktsii [The concept of 'places of memory' by Pierre Nora as a way of historical reconstruction]. *Gumanitarnye Issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dalnem Vostoke*. 2018; 1. (In Russ.).
- [25] Smirnov V.A. Rol politicheskikh elit v formirovanii istoricheskoy politiki v stranah Pribaltiki [The role of political elites in the formation of historical policy in the Baltic countries]. *Baltiyskiy Region*. 2015; 2. (In Russ.).
- [26] Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current situation]. *Novaya i Novejshaya Istoriya*. 2000; 4. (In Russ.).
- [27] Trotsuk I.V. Pomnit ili zabyt: Znachenie vybora dlya proshlogo i nastoyashchego [To remember or to forget: Implications of the choice for past and present]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2015; 1. (In Russ.).
- [28] Fokin A.A. Relikty i simulyakry sovetskogo v sovremennom rossijskom mediaprostranstve [Relics and simulacres of the Soviet in the contemporary Russian media space]. *Labirint*. 2016; 1/2. (In Russ.).
- [29] Halbwachs M. *Socialnye ramki pamyati* [The Social Framework of Memory]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [30] Hobsbawm E. Izobretenie traditsij [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*. 2000; 1. (In Russ.).
- [31] Chernikov P.Yu. Problema izucheniya istoricheskoy i sotsialnoj pamyati [The challenges of studying historical and social memory]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*. 2016; 5. (In Russ.).
- [32] Yampolsky M.B. *Park kultury: kultura i nasilie v Moskve segodnya* [Park of Culture: Culture and Violence in Contemporary Moscow]. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [33] Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München; 1992.
- [34] Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York; 2012.
- [35] Nora P. *La République. Les lieux de memoire*. Vol. 1. Paris; 1984.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-497-511

Типологии аномалий в высшем образовании*

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Аннотация. В условиях трансформации российского высшего образования его развитию мешает широкое распространение аномалий. Они несут в себе серьезные риски для вузов, отечественной высшей школы и российского общества. В статье дается авторская трактовка аномалий в высшем образовании как нарушений содержательного, структурного и функционального характера, вызванных рассогласованием действий и взаимодействий в вузах с фундаментальными нормами, регулирующими отношения в высшей школе. Цель статьи — разработка типологий аномалий в высшем образовании. Практический смысл типологий заключается в том, чтобы в дальнейшем на их основе предложить социальные технологии, механизмы и формы предупреждения и преодоления нарушений в высшем образовании. Реализуются три методологических подхода к исследованию аномалий: институциональный, структурный и общностный. Предлагается теоретическая рамка исследований аномалий в высшей школе. Типологии аномалий в высшем образовании разработаны на основе следующих критериев: 1) характер нарушаемых норм — аномалии, относящиеся к девиантному (нарушение моральных норм) или делинквентному (нарушение правовых норм) поведению; 2) характер проявления аномалий — явные и латентные их типы; 3) сферы проявления аномалий — в образовательном процессе, научно-исследовательской деятельности, управлении, воспитании, социальной активности; 4) уровни проявлений аномалий — институциональный, системный, общностный, и на каждом имеют место разные типы аномалий; 5) субъекты аномального поведения в вузе — общности студентов, научно-педагогических и управленческих работников.

Ключевые слова: аномалии; высшее образование; типологии аномалий; вузовские общности студентов, научно-педагогических и управленческих работников; критерии типологий; девиантное и делинквентное поведение

В последнее время предпринимаются усилия по повышению качества российского высшего образования, его конкурентоспособности в глобальном образовательном пространстве, значения в жизни общества и конкретных регионов. В высшей школе наблюдаются важные изменения, связанные с переходом на новые модели обучения и образовательные технологии. Сегодня этот процесс разворачивается в условиях системного кризиса российского общества и пандемии коронавируса.

* © Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., 2021

Статья поступила 17.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

Особенности и вектор развития высшего образования во многом определяются деятельностью его основных субъектов. В таком качестве выступают три вузовские общности — студенты, научно-педагогические и управленческие работники. Они являются или могут стать активными участниками трансформации высшего образования и повышения его эффективности. От их поведения и взаимодействия, ментальных и социокультурных оснований совместных практик зависит успех образовательного и научного процесса. Однако осуществляются преобразования в высшей школе весьма противоречиво, не действуя в полной мере потенциал главных ее акторов. Более того, реализации многих конструктивных проектов и идей препятствуют различные аномалии, создающие серьезные риски для вузов, высшей школы и общества. Аномалии — это нарушения содержательного, структурного и функционального характера, вызванные рассогласованием действий и взаимодействий в вузах с фундаментальными нормами, регулирующими отношения в высшей школе. В результате основные процессы в ней становятся дисфункциональными и хаотичными, их смыслы искажаются, разрушаются базовые принципы совместной деятельности ключевых субъектов высшего образования.

Спектр аномалий очень широк — многообразные формы академического мошенничества, фальсификации, парадоксальные мотивации («где бы ни учиться, лишь бы не учиться»), практики «студентосбережения», академического гострайтинга, сверхбюрократизации, «токсичного» менеджмента, академического оппортунизма, коррупции, рэкета, шантажа и др. В итоге образовательные, воспитательные, научные и управленческие процессы и взаимодействия подменяются формализмом и имитациями. Аномалии стали характеристикой многих институциональных, структурных, общностных процессов в высшем образовании, проникли на уровень организационных практик, регулярно воспроизводятся в стратегиях университетского менеджмента, научно-педагогического сообщества и студенчества. В таком качестве они попадают в пространство научной и обыденной рефлексии, т.е. признаются как реальное негативное явление. Аномалии из отдельного случая превращаются в социальную проблему, требующую решения, а ее масштабы и острота говорят о необходимости системного взгляда.

Аномалии в российской высшей школе отрицательно влияют на ее конкурентоспособность в европейском и мировом масштабе, качество образования и науки, препятствуют их выведению на принципиально иной, более высокий уровень. Они способствуют сохранению консервативности высшего образования, которая входит в противоречие с нарастающей динамикой технологического и социального развития. Поскольку многие аномалии не рассматриваются на институциональном и системном уровнях как серьезный вызов функционированию и развитию высшего образования, не создаются действенные механизмы их предотвращения и преодоления. В то же время аномалии в высшем образовании входят в противоречие с его миссией, общественными ожиданиями, принципами и стандартами университетской

культуры, нормами и требованиями академической этики. Более того, некоторые типы аномалий вместе с выпускниками вузов мигрируют из академической среды в общественную сферу, создавая предпосылки для усиления социальных аномалий в широком смысле этого слова.

Сокращение масштабов аномалий в высшей школе особенно важно в условиях внедрения ее новых моделей и образовательных технологий. Распространение цифровых образовательных платформ, системы открытых онлайн курсов, дистанционного обучения обострили проблемы академического мошенничества, образовательных имитаций, фальсификаций, оппортунистического поведения, коррупции и др. Пандемия коронавируса и ресурсный дефицит высшей школы, изменившие качество взаимодействия вузовских общностей, породили благоприятную среду для усиления аномальных явлений. В российском высшем образовании отсутствует эффективная система сдержек и противовесов, направленная на предотвращение и преодоление аномалий, что свидетельствует о неготовности высшей школы к противостоянию новым вызовам и уязвимостям. Вероятно, глубинные причины кризиса российского высшего образования во многом предопределены деформацией сознания и поведения вузовских общностей, «запущенностью» аномальных процессов и явлений, превратившихся в «болезни» высшей школы.

Одна из задач исследования, способствующего целостному и системному анализу аномалий в высшем образовании, — разработка их типологий. Типологический метод можно использовать как инструмент осмысления, когда феномен становится массовой и общественно значимой проблемой, превращается из единичных фактов в большую их совокупность, т.е. появляется необходимость осуществить логическую и теоретическую систематизацию представлений о нем. Таким образом, сама возможность типологизации аномалий в высшей школе свидетельствует о значительных масштабах феномена.

Современные исследования аномалий в высшем образовании были подготовлены рядом работ, в которых рассматривались отклонения от моральных и правовых норм. В первую очередь, это традиции классического структурализма, заложенные Э. Дюркгеймом: в его концепции отклонения от нормы и патологии трактовались как «аномия» [10]. Продолжая идеи Дюркгейма, фундаментальный вклад в трактовку аномалий внес Р.К. Мертон [21]. Изучая дисфункциональные явления, он проанализировал различные типы девиантного поведения как реакцию на деформации и напряжения социальной структуры. Под аномией Мертон понимал особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов. Причиной аномии он считал противоречие между нормами — целями культуры и существующими нормами — средствами достижения этих целей. Как результат анализа этого противоречия возникла известная мертоновская типология способов адаптации (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж), которую иногда называют «классификацией типов девиации Мертона».

В конце XX века, развивая учение об аномалиях в рамках постмодернизма, концепцию имитации и симулякров предложил Ж. Бодрийяр [28]: общество постмодерна характеризуется подражательством, которое приводит к созданию симулякров — это воспроизведения или события в форме знаков и символов, являющиеся имитацией реальности, по сути, ее заменой. Концепция Бодрийяра оказала существенное влияние на трактовку и исследование аномалий как нормы, а не отклонения от нее.

На основе конструктивистской и структуралистской методологии П. Бурдьё исследовал проблему аномалий в высшем образовании Франции [30]. Он рассматривал взаимоотношения между социальными полями высших школ и государственной бюрократии, уделяя особое внимание ее засилью. Получение диплома открывает путь к карьере чиновника и представителя промышленной буржуазии (ему диплом нужен для доступа к управлению предприятием), а отсутствие диплома становится легитимизированным способом «освящения социальных перегородок» [6. С. 93].

Значительный вклад в исследование аномалий в конце XX — начале XXI века внес З. Бауман своей концепцией текучей современности [29]: в обществе неопределенности и нестабильности аномалия превращается в норму. Дело не только в скорости и быстроте перемен, но и в их неопределенности, отсутствии четко выраженного вектора. Приближение аномалии к норме, а нормы — к аномалии превращает исследование в сложное разграничение реальности и ее искажений (отклонений от нее), предлагая людям обратить внимание на целый ряд морально-ценностных принципов стабильного существования.

Наиболее значимыми методологическими подходами к изучению аномалий нам представляются институциональный, структурный и общностный. Первый предполагает рассмотрение высшего образования как социального института, а имеющиеся в нем аномалии — как отклонения и нарушения нормативного-ценностного характера. Второй подход направлен на структурирование деятельности образовательных организаций по разным основаниям — образовательный процесс, научно-исследовательская деятельность, управление, воспитание, социальная активность — и выявление аномалий в каждой области. Третий подход сосредоточен на основных субъектах высшего образования — вузовских общностях студентов, научно-педагогических и управленческих работников — с точки зрения аномалий в поведении каждого и в их взаимодействиях.

Современный теоретический дискурс об аномалиях в высшем образовании формируется зарубежными и отечественными исследованиями конца 1990-х — начала 2000-х годов. Практически все исследователи отмечают, что отклонения всегда существовали в высшей школе, но стали оказывать серьезное влияние на ее функционирование и развитие только в последние тридцать лет. Интерес к ним обусловлен как увеличением масштаба распространения аномалий в высшей школе, так и развитием социальных и гуманитарных наук,

которые на рубеже веков стали активно рефлексировать по поводу нарастающей дисфункциональности институтов науки и образования.

Среди аспектов проблематики в наибольшей степени разработана тема академического мошенничества: плагиат, списывание, покупка выпускных квалификационных работ и диссертаций [15; 32]; мотивация «сделок», схемы взаимодействия и особенности поведения ключевых акторов на рынке академического гострайтинга [4; 14]. Получила разработку интерпретация академического мошенничества как разновидности социальной мимикрии, парадоксально сопрягающей такие позитивные эмоции, как счастье и уверенность в себе [33], и образовательные риски (снижение результативности обучения и качества подготовки специалиста и ученого, дискредитация системы обучения в вузе, девальвация ценности образования и умения самостоятельно учиться) [18; 23].

Вопрос об имитациях образовательной и научной деятельности как особом типе вузовских аномалий стал разрабатываться недавно, прежде всего, российскими исследователями [3; 19; 20; 24]. Некоторые пытаются вывести данную проблему в зону кросс-дисциплинарных исследований, в частности, на пересечение экономического и социокультурного подходов [5]. Были предприняты попытки изучения специфически российских форм вузовских аномалий — оппортунистического поведения преподавателей [17], связи парадоксальной образовательной мотивации с образовательной неуспешностью [8], сверхбюрократизации высшей школы [2; 7; 16]. Еще одно направление исследований — коррупция в высшей школе [31], которая традиционно рассматривается без особой связи с другими аномалиями высшей школы [9; 26; 34]. Проблема коррупционного поведения в высшей школе России остается трудно изучаемой, в том числе поскольку феномен коррупции очень подвижен, изменчив и требует исследования в новом институциональном и социокультурном контексте.

Несмотря на интерес к отдельным видам аномалий в высшем образовании, научная литература не содержит примеров системных, фундаментальных исследований этого феномена как академической и социальной, теоретической и практической проблемы. Есть попытки обзорных публикаций по отдельным видам широко распространенных аномалий, таких, как, например, академическое мошенничество или имитации [1; 27]. В то же время анализ публикаций и результатов исследований позволяет говорить не только о попытках эмпирического изучения аномалий в высшем образовании, но и о формировании теоретико-методологических подходов к их осмыслению. Прежде всего, это публикации, посвященные разным дисциплинарным (социологическим, психологическим, педагогическим, правовым, экономическим) аспектам жизни высшей школы, имеющим признаки отклонения от ценностно-нормативного порядка и носящим деструктивный характер (были изучены результаты исследований в более 200 работ). Наш метод состоял в отборе и систематизации описаний практик, сложившихся в высшей

школе и соответствующих признакам аномалии, — в результате был получен перечень аномалий с описанием их ключевых характеристик, проведена группировка аномалий на основе их наиболее значимых свойств и сформулированы критерии типологий. Также был использован большой массив эмпирических данных авторских исследований, посвященных высшему образованию в Уральском федеральном округе и проведенных в период с 2016 по 2021 годы научной группой Уральского федерального университета под руководством Г.Е. Зборовского и при поддержке РГНФ, РНФ и РФФИ.

Любая типология — это прежде всего определение критериев выделения типов и сама процедура этого выделения. Тип — некая обобщенная единица, совокупность свойств, присущих конкретной выделяемой их группе. Типология выступает как «научный метод, основа которого — расчленение объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа» [25. С. 369]. В этом смысле тип трактуется нами, с одной стороны, как единица условного расчленения изучаемой реальности, с другой — как обобщенная, идеализированная модель.

Начнем с типологии аномалий в высшем образовании, критерием которой выступает характер нарушаемых норм, — это аномалии, относящиеся к девиантному (нарушение моральных норм) или делинквентному (нарушение правовых норм) поведению. Девиантное поведение не является преступлением. Многие его формы, связанные, например, со студенческим академическим мошенничеством (списывание чужих работ, использование шпаргалок, заимствования без оформления ссылок на них, плагиат и др.), представляют собой отклоняющееся поведение, нарушают внутренние нормы высшей школы и являются признаками образовательной неуспешности. Вместе с тем значительная часть студентов отмечает естественный характер такого поведения и не видит в нем серьезных отклонений от существующих требований. Отдельные проявления студенческого академического мошенничества стали привычными нормами, поэтому справедливы утверждения тех исследователей высшей школы, которые считают необходимым ознакомление студентов первого курса с нормами этического кодекса, хотя начинать по большому счету нужно со школьного образования.

Девиантное поведение характерно для всех вузовских общностей. Так, у управленческих работников оно зачастую проявляется в сверхбюрократизации — это аномалия в деятельности вузовского менеджмента, предметным полем которой является не содержание образовательного, научно-исследовательского и воспитательного процессов, а документы о них. Когда вузовские менеджеры предпочитают иметь дело не с людьми, а с бумагами, это всегда чревато негативными последствиями. Названная аномалия — бюрократическая патология и элемент управленческой и организационной девиации. Другой распространенной формой вузовской девиации, которая часто встречается и у студентов, и у преподавателей, и у менеджеров, является имитация — действия, в результате которых реальные смыслы и значения

образовательных, научных, управленческих процессов и взаимодействий подменяются и искажаются формальным их воспроизведением. Расхожая формула имитации, широко распространенная в вузах, — «студенты делают вид, что учатся, преподаватели — что учат, а управленцы — что все идет нормально».

В отличие от девиантного, делинквентное поведение связано с нарушением законодательства и наступлением уголовной ответственности. Одна из наиболее часто встречающихся аномалий делинквентного характера — коррупция, т.е. злоупотребление ради выгоды, противоречащее базовым нормам высшей школы и уголовного права. Делинквентность — такой вариант отклонения от моральных и правовых норм, при котором в вузе совершаются общественно опасные действия, способные перерасти в преступления и вызвать соответствующие юридические последствия. Под коррупцию в высшей школе подпадают дача взяток, мошенничество с бюджетом вуза, фальсификация ученых степеней, неформальные платежи и практики и др. Как и девиантное, делинквентное поведение характерно для всех вузовских общностей.

Второй критерий нарушений в высшем образовании можно определить как характер проявления аномалий, он позволяет выделять явные и латентные их типы. Самая большая сложность — провести разграничительные линии между ними. Рассмотрим в качестве наглядного образца сочетание явных и латентных (скрытых, иногда скрываемых) аномалий упомянутое выше академическое мошенничество — широкий круг действий студента, преподавателя, научного сотрудника, управленца, являющихся способами фальсификации результатов их деятельности в образовательной или научно-исследовательской сферах. Среди этих действий — стремление представить чужой результат в качестве собственного, искусственное завышение рейтингов, «почетное» авторство, манипуляции с цифрами и фактами, списывание, плагиат, подкуп, искажение данных, ссылок на источники. Академическое мошенничество — проявление академической нечестности и непорядочности, которое обычно связывают со студентами.

Вместе с тем в приведенной трактовке академическое мошенничество присуще всем вузовским общностям: тип явной аномалии характерен преимущественно для студентов, латентной — для научно-педагогических и управленческих работников. Так, искусственное завышение рейтингов характеризует сейчас управленческую активность. Безусловно, это проявление латентного типа аномалии — до той поры, пока оно не превратится с помощью исследователей менеджера поведения в явную аномалию, т.е. не будет детально описано. «Игра с системой рейтингов» — направление работы вузовского менеджмента, включающее в себя манипуляции с показателями деятельности университетов, покупку публикаций с зарубежными исследователями, приглашение ведущих мировых ученых, «помогающих» осваивать бюджет, иллюзорную академическую мобильность в виде «научного туризма», маскировку образовательной неуспешности неподготовленных иностранных

студентов, фиктивность конкурсных процедур на выборах управленческих кадров и профессорско-преподавательского состава [26].

Что касается латентного типа аномального поведения профессорско-преподавательского состава, то это может быть академический оппортунизм — стремление следовать своим интересам в условиях менеджериализма и усиливающегося административного давления, уклоняясь (через имитации и обман) от неприемлемых требований и минимизируя усилия по их выполнению через практики «отлынивания», демонстрации «послушания» и попустительство академическому мошенничеству студентов [17].

Третий критерий аномалий в высшем образовании связан со сферами их проявления: образовательный процесс, в том числе онлайн и дистанционное обучение и новые образовательные технологии, научно-исследовательская деятельность, управление, воспитание, социальная активность. Можно говорить об аномалиях в образовательном, научно-исследовательском, управленческом, воспитательном процессах и т.д. Например, для образовательного и научно-исследовательского процессов характерен академический гострайтинг — деятельность в сфере услуг, связанная с подготовкой на заказ, куплей-продажей учебных и научных текстов (контрольных, курсовых, дипломных работ, магистерских, кандидатских, докторских диссертаций, статей, монографий).

В связи с активным использованием в условиях пандемии онлайн-технологий и дистанционных форматов обучения произошел всплеск аномалий, связанных с обманным или имитационным поведением студентов. Сниженный контроль за учебной активностью и дисциплиной, проблемы с идентификацией личности обучающихся, установлением авторства учебных работ создали возможности избегания активного участия в дискуссиях из-за «технических проблем», симулирования присутствия на занятиях во время личных дел (прогулок, шопинга, уборки, просмотра фильмов), студентам стало легче проходить контрольные мероприятия и сдавать сессии, но ухудшилось качество получаемого образования.

В сфере научно-исследовательской деятельности сложились уже «опривыченные» симулякры публикационной активности. Под симулякрами в высшем образовании принято понимать действия, события или процессы, имитирующие формы и функции образовательной, научной и управленческой деятельности и предполагающие качественные изменения их содержания и результата. Речь идет о «заказных» и купленных статьях, зачастую с зарубежными соавторами в высокорейтинговых журналах, совместных публикациях управленческих работников со своими подчиненными, в подготовке которых использован интеллектуальный ресурс подлинных авторов и административный ресурс их соавторов (обещания командировок, щедрое материальное стимулирование) и т.д.

В сфере управления к числу аномалий (помимо названных выше) целесообразно отнести «токсичный» менеджмент, использующий разные формы унижений, прессинга (боссинг, мобинг), манипуляций через страх и др.

Кратко остановимся на предпосылках данного типа аномалий, основываясь на результатах наших исследований. Первая предпосылка связана со структурными изменениями академического сообщества, которые привели к значительному росту численности административных работников на всех уровнях управления высшим образованием. Примерные подсчеты (поскольку нет точных статистических данных) показывают, что административно-управленческой деятельностью в вузах занимается около 100 тысяч человек [13. С. 302, 308], что бросается в глаза на фоне сокращения численности профессорско-преподавательского состава. Изменились и качественные характеристики общности управленцев, заметно пополнившейся чиновниками и представителями бизнес-структур: многие из них, так называемые эффективные менеджеры, далеки от образовательного и научно-исследовательского процесса, хоть и обладают учеными степенями. Дистанцированность от научно-педагогического и студенческого сообществ, неумение с ними взаимодействовать и одновременно стремление к демонстрации управленческой эффективности создают благоприятные условия для управленческих аномалий — сверхбюрократизации, «токсичных» технологий, манипуляций и др. (менеджериализм в его худшем проявлении).

Вторая предпосылка управленческих аномалий связана с первой и выражается в кризисе доверия между вузовскими общностями — студентами, преподавателями и управленцами. Причем недоверие студентов и преподавателей к управленческим работникам имеет более высокие показатели, чем в отношениях между ними (Табл. 1) [11].

Таблица 1

**Преподаватели и студенты о доверии к образовательной политике
и к субъектам образовательной деятельности (в %)***

Доверяете ли Вы...	Преподаватели				Студенты			
	Скорее да	Скорее нет	3/0	Индекс доверия	Скорее да	Скорее нет	3/0	Индекс доверия
образовательной политике, реализуемой в РФ в отношении высшей школы	18,4	66,1	15,5	-0,5	27	34,5	38,5	-0,1
образовательной политике, реализуемой в вузе	36,4	38,9	24,7	-0,1	34,8	31,8	33,4	0,1
администрации вуза	47,1	33,5	19,4	0,1	40,8	29,6	29,6	0,1
преподавателям	85,4	5,9	8,7	0,8	74,6	14,8	10,6	0,6
студентам	75,4	9,6	15	0,7	74,1	17,6	8,3	0,6

* Индекс рассчитан как условная средняя по порядковой шкале, колеблется в границах от -1 до +1.

В сферах воспитания и социальной активности аномалии проявляются в виде симулякров, например, в последние годы была искажена природа

студенческого волонтерства, поскольку исчез его добровольный характер. За участие в волонтерстве добавляют баллы при поступлении в вуз, магистратуру, аспирантуру, применяют другие формы вознаграждений или добровольно-принудительные методы, ставя под сомнение альтруистическую суть волонтерства. Суррогатная включенность в деятельность некоммерческих организаций теряет смысл подлинной социальной активности [22. С. 133].

Четвертый критерий типологизации — уровень проявления аномалий: институциональный, системный, общностный. Так, на институциональном уровне одним из наиболее распространенных типов аномалии (в рамках высшего образования) выступает «студентосбережение» — политика управления вузом и вытекающая из нее совокупность научно-образовательных и педагогических практик сохранения студенческого контингента «любой ценой». В основе аномалии лежит принцип подушевого финансирования, означающий сокращение ставок профессорско-преподавательского состава вслед за отчислением определенного количества студентов (в среднем из расчета 12 студентов на 1 преподавателя). Нависание этого «дамоклова меча» над преподавателями осознается всеми участниками образовательного процесса, включая неуспешных студентов, которые убеждены, что не будут отчислены и смогут дойти до получения диплома. С одной стороны, честные и совестливые педагоги предпринимают колоссальные усилия, чтобы довести таких студентов хотя бы до минимально удовлетворительного знания по их дисциплине. С другой стороны, немалое количество преподавателей в силу усталости, неимоверного напряжения, отсутствия времени (с учетом академических нагрузок), а иногда и профессионального выгорания идут по пути академического оппортунизма — «пропускают» плохо успевающих студентов. В результате общество получает откровенно некачественных специалистов, которые плохо работают.

Рассматривая аномалии на системном уровне, в качестве наиболее характерных и распространенных назовем имитацию и коррупцию: они не только пронизывают всю систему высшего образования, но и распространяются через нее на систему общества.

Обратимся к пятому критерию — субъектам аномального поведения в вузе: студенчеству, научно-педагогическим и управленческим работникам. Разумеется, они связаны между собой не только имеющими место в их вузовской деятельности аномалиями. Отношения между ними характеризуются доминантой образовательной и отчасти управленческой деятельности, что обуславливает сходство целей, задач и интересов. Но эти общности дифференцированы по функциям: одни учатся, другие учат, третьи помогают учиться, четвертые управляют образовательным, научно-исследовательским и воспитательным процессом. Поскольку названные общности мы трактуем как разновидности социальной общности, ее основные признаки могут в той или иной мере применяться для их характеристики: относительная целостность, идентификация и самоидентификация членов, выполнение функций самостоятельного

субъекта социального действия, схожие условия жизни и деятельности, единое пространственно-временное поле, обладание различными ресурсами и их использование [12. С. 388–415].

С одной стороны, общностный уровень можно рассматривать как обобщающий, с другой — как исходный. В высшем образовании все начинается со студентов, педагогов и управленцев, на них же все и завершается, если не рассматривать последствия и перспективы разных процессов, включая разнообразные типы аномалий, которые быстро и прочно вживляются в ткань общественных отношений. Такая трактовка типологии аномалий на уровне вузовских общностей позволяет сгруппировать аномалии в поведении студентов, научно-педагогических и управленческих работников (Табл. 2) и обнаружить взаимодействия между ними в рамках конкретных типов аномального поведения.

Таблица 2

Проявления аномалий в поведении и взаимодействиях вузовских общностей

Студенты	Преподаватели	Управленцы
Академическое мошенничество	Академическое мошенничество	Сверхбюрократизация
Имитации	Имитации	Имитации
Парадоксальная мотивация	Парадоксальная мотивация	«Токсичный» менеджмент
Коррупция	Коррупция	Коррупция
Студентосбережение	Студентосбережение	Студентосбережение
Списывание	Манипуляции с библиометрическими индексами	«Игра» с системой рейтингов
Булинг	Мобинг	Боссинг
Плагиат Нарушение авторских прав	Плагиат Нарушение авторских прав	Шантаж
Подлог	Интеллектуальная кража	Академический рэкет
«Суррогатное» волонтерство	Академический оппортунизм	Манипуляции через страх
Академический гострайтинг	Академический гострайтинг	Академический гострайтинг

Таким образом, анализ типологий аномалий в высшем образовании преследует как теоретические, так и практические цели. Типологии нужны не просто ради их знания, но и для ограничения, предотвращения и преодоления аномалий в высшей школе. Отдельные меры такого характера внедряются в жизнь вуза и касаются преимущественно моральных воздействий на субъектов аномального поведения, чего явно недостаточно — необходима системная организация работы вуза в этом направлении. Нужна «антианомальная» университетская программа, базирующаяся на знании способов, форм и проявлений отклоняющегося поведения вузовских общностей, их причин, условий и факторов. Важно понимать, что одни девиации приходят в университеты из довузовского образования, другие появляются в результате внутренних процессов. Так, студенческое мошенничество зачастую возникает вследствие академической неуспешности, многие виды аномалий —

вследствие недоверия к университетскому менеджменту. Проблема доверия — ключевая в вузовских межобщностных отношениях, и от успешности ее решения зависит разработка социальных и педагогических технологий, направленных против возникновения аномалий девиантного и делинквентного характера в университетской жизни. Вместе с тем нельзя рассматривать преодоление аномалий в высшем образовании только как его внутреннюю проблему — они являются следствием широких процессов в обществе (коррупция, фальсификации, рэкет, шантаж и др.).

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-29-07016.

Библиографический список

- [1] *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 5.
- [2] *Бабинцев В.П., Римский В.П.* Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 4.
- [3] *Бабинцев В.П., Серкина Я.И.* Имитации в системе высшего образования России // Инноватика и экспертиза. 2019. № 2.
- [4] *Балацкий Е.* Диссертационная ловушка // Свободная мысль—XXI. 2005. № 2.
- [5] *Балацкий Е.В.* Формирование «диссертационной ловушки» // Экономика образования. 2008. № 4.
- [6] *Вакан Л.* Социология образования П. Бурдые // Социологические исследования. 2007. № 6.
- [7] *Вольчик В.В., Филоненко Ю.В., Аверкиева Е.С., Ширяев И.М.* Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 4.
- [8] *Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О.* Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. 2015. № 9.
- [9] *Денисова-Шмидт Е.В., Хубер М., Леонтьева Э.О.* Оказывают ли антикоррупционные просветительские кампании влияние на студентов? // Вопросы образования. 2016. № 1.
- [10] *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- [11] *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Доверие в высшем образовании как социологическая проблема // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4.
- [12] *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Социология высшего образования. Екатеринбург, 2019.
- [13] Индикаторы образования 2020. М., 2020.
- [14] *Калимулин Т.Р.* Российский рынок диссертационных услуг // Экономическая социология. 2005. № 4–5.
- [15] *Колесникова И.А.* Академический гострайтинг — рынок имитации научно-образовательной активности // Непрерывное образование: XXI век. 2017. Вып. 2.
- [16] *Красинская Л.Ф.* Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3.
- [17] *Курбатова М.В., Каган Е.С.* Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. № 3.
- [18] *Латов Ю.В.* Обман в учебном процессе // Общественные науки и современность. 2007. № 1.
- [19] *Латов Ю.В.* Симулякры знаний и образовательные неравенства в сфере андрагогического образования // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 2.

- [20] Латов Ю.В., Ключарев Г.А. Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2.
- [21] Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // *Социологические исследования*. 1992. № 3.
- [22] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества: результаты исследовательского проекта. М., 2017.
- [23] Радаев В.В., Чириков И.С. Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание // *Университетское управление: практика и анализ*. 2006. № 4.
- [24] Селиверстова Н.А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // *Социологические исследования*. 2020. № 3.
- [25] *Социологический энциклопедический словарь* / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.
- [26] Трубникова Е.И. Проект 5-100: взгляд через призму теории институциональной коррупции // *Мир России*. 2020. Т. 29. № 2.
- [27] Шмелева Е.Д. Академическое мошенничество в современных университетах: обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований // *Экономическая социология*. 2015. Т. 16. № 2.
- [28] Baudrillard J. *Simulacra and Smulation*. Michigan, 1994.
- [29] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, 2000.
- [30] Bourdieu P. *La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps*. Paris, 1989.
- [31] Corruption in higher education: Global challenges and responses // *Global Perspectives on Higher Education*. Vol. 46. Brill, 2020.
- [32] Hensley L.C., Kirkpatrick K.M., Burgoon J.M. Relation of gender, course enrollment, and grades to distinct forms of academic dishonesty // *Teaching in Higher Education*. 2013. Vol. 18. No. 8.
- [33] Murdock T.B., Beauchamp A.S., Hinton A.M. Predictors of cheating and cheating attributions: Does classroom context influence cheating and blame for cheating? // *European Journal of Psychology of Education*. 2008. Vol. 23. No. 4.
- [34] Thelin J.R. An embarrassment of riches: Admission and ambition in American higher education // *Society*. 2019. Vol. 56. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-497-511

Typologies of anomalies in higher education*

G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620002, Russia
(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Abstract. Under the transformation of the Russian higher education, its development is hindered by the wide spread of anomalies which carry serious risks for the universities, higher education and society. The article presents the authors' interpretation of anomalies in higher education as violations of the substantial, structural and functional nature, determined by the mismatch of actions and interactions in universities with the fundamental norms of higher education. The research aims at providing typologies of anomalies in higher education. The practical meaning of these typologies is to use them as a basis for developing social technologies, mechanisms and

* © G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova, 2021

The article was submitted on 27.01.2021. The article was accepted on 22.04.2021.

forms of prevention and overcoming various types of violations in higher education. The authors use three methodological approaches — institutional, structural, and community-based — to introduce a theoretical framework for the study of anomalies in higher education. The typologies of anomalies were identified on the basis of the following criteria: 1) the nature of norms violated — anomalies of deviant (violation of moral norms) and delinquent (violation of legal norms) types; 2) the nature of anomalies' manifestation — explicit and latent types; 3) the spheres of their manifestation — anomalies in the educational process, research, management, and social activity; 4) the levels of their manifestation — institutional, systemic and community-based anomalies; 5) subjects of abnormal behavior — anomalies in the communities of students, pedagogical, scientific staff, and managers.

Key words: anomalies; higher education; typologies of anomalies; university communities of students, pedagogical-scientific staff and managers; criteria for typologies; deviant and delinquent behavior

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-29-07016.

References

- [1] Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Imitatsii v vysshem obrazovanii kak sotsialnaya problema [Imitations in higher education as a social problem]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2021; 30 (5). (In Russ.).
- [2] Babintsev V.P., Rimsky V.P. Byurokratizatsiya vuza kak antiintellektualny protsess [Bureaucratization of the university as an anti-intellectual process]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura*. 2014; 4. (In Russ.).
- [3] Babintsev V.P., Serkina Ya.I. Imitatsii v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii [Imitations in the Russian higher education]. *Innovatika i Ekspertiza*. 2019; 2. (In Russ.).
- [4] Balatsky E. Dissertatsionnaya lovushka [Dissertation trap]. *Svobodnaya Mysl—XXI*. 2005; 2. (In Russ.).
- [5] Balatsky E.V. Formirovanie “dissertatsionnoj lovushki” [Formation of the “dissertation trap”]. *Ekonomika Obrazovaniya*. 2008; 4. (In Russ.).
- [6] Vakan L. Sotsiologiya obrazovaniya P. Bourdieu [Sociology of education by P. Bourdieu]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2007; 6. (In Russ.).
- [7] Volchik V.V., Filonenko Yu.V., Averkieva E.S., Shiriaev I.M. Byurokratizatsiya i adaptivnoe povedenie v sfere vysshego obrazovaniya [Bureaucratization and adaptive behavior in higher education]. *Journal of Economic Regulation*. 2016; 7 (4). (In Russ.).
- [8] Denisova-Shmidt E.V., Leontieva E.O. Kategoriya “neobuchaemyh” studentov kak sotsialny fenomen universitetov (na primere dalnevostochnyh vuzov) [The category of “uneducated” students as a social phenomenon of universities (on the example of Far Eastern universities)]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015; 9. (In Russ.).
- [9] Denisova-Shmidt E.V., Huber M., Leontieva E.O. Okazyvayut li antikorrupsionnye prosvetitel'skie kampanii vliyaniye na studentov? Po rezultatam issledovaniy v Rossii i Ukraine [Do anti-corruption educational campaigns affect students? Some evidence from Russia and Ukraine]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2016; 1. (In Russ.).
- [10] Durkheim E. *Samoubijstvo. Sotsiologichesky etyud* [Suicide. Sociological Study]. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [11] Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Doverie v vysshem obrazovanii kak sotsiologicheskaya problema [Trust in higher education as a sociological issue]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2018; 24 (4). (In Russ.).
- [12] Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Sotsiologiya vysshego obrazovaniya* [Sociology of Higher Education]. Ekaterinburg; 2019. (In Russ.).
- [13] *Indikatory obrazovaniya 2020* [Education Indicators 2020]. Moscow; 2020. (In Russ.).

- [14] Kalimulin T.R. Rossijsky rynek dissertatsionnyh uslug [Russian market of dissertation services]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2005; 4–5. (In Russ.).
- [15] Kolesnikova I.A. Akademichesky gostrajting — rynek imitatsii nauchno-obrazovatelnoj aktivnosti [Academic state-writing as a market for imitating the scientific-educational activity]. *Neprierynoe Obrazovanie: XXI vek*. 2017; 2. (In Russ.).
- [16] Krasinskaya L.F. Modernizatsiya, optimizatsiya, byurokratizatsiya... chto ozhidaet vysshuyu shkolu zavtra? [Modernization, optimization, bureaucratization... What awaits the higher school tomorrow?]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2016; 3. (In Russ.).
- [17] Kurbatova M.V., Kagan E.S. Opportunizm prepodavatelej vuzov kak sposob prisposoblenniya k usileniyu vneshnego kontrolya deyatelnosti [Opportunism of university teachers as a way to adapt to the external control strengthening]. *Journal of Institutional Studies*. 2016; 8 (3). (In Russ.).
- [18] Latov Yu.V. Obman v uchebnom protsesse [Cheating in the learning process]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2007; 1. (In Russ.).
- [19] Latov Yu.V. Simulyakry znaniy i obrazovatelnye neravenstva v sfere andragogicheskogo obrazovaniya [Simulacra of knowledge and educational inequalities in the andragogical education]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya*. 2014; 2. (In Russ.).
- [20] Latov Yu.V., Klyucharev G.A. Neformalnye “pravila igry” v obrazovatelnoj sisteme: simulyatsiya obrazovaniya, simulyakry i brokery znaniy [Informal “rules of the game” in the educational system: Education simulation, simulacra, and knowledge brokers]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2015; 2. (In Russ.).
- [21] Merton R.K. Sotsialnaya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 1992; 3. (In Russ.).
- [22] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsenostnye orientatsii i sotsialnoe samochuvstvie studentchestva: rezultaty issledovatel'skogo proekta* [Value Orientations and Social Well-Being of Students: Results of the Research Project]. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [23] Radaev V.V., Chirikov I.S. Otnoshenie studentov i prepodavatelej k nakazaniyam za plagiat i spisyvanie [The attitude of students and teachers to penalties for plagiarism and cheating]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2006; 4. (In Russ.).
- [24] Seliverstova N.A. Imitatsiya obrazovatelnyh praktik v sfere vysshego obrazovaniya [Imitation of educational practices in higher education]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
- [25] Sotsiologichesky entsiklopedichesky slovar [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Pod red. G.V. Osipova. Moscow; 1998. (In Russ.).
- [26] Trubnikova E.I. Proekt 5–100: vzglyad cherez prizmu teorii institutsionalnoj korrupszii [Project 5-100: A look through the prism of the theory of institutional corruption]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (2). (In Russ.).
- [27] Shmeleva E.D. Akademicheskoe moshennichestvo v sovremennykh universitetah: obzor teoreticheskikh podhodov i rezultatov empiricheskikh issledovanij [Academic fraud in contemporary universities: A review of theoretical approaches and empirical research]. *Ekonomicheskaya Sociologiya*. 2015; 16 (2). (In Russ.).
- [28] Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. Michigan; 1994.
- [29] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge; 2000.
- [30] Bourdieu P. *La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps*. Paris; 1989.
- [31] Corruption in higher education: Global challenges and responses. *Global Perspectives on Higher Education*. Vol. 46. Brill; 2020.
- [32] Hensley L.C., Kirkpatrick K.M., Burgoon J.M. Relation of gender, course enrollment, and grades to distinct forms of academic dishonesty. *Teaching in Higher Education*. 2013; 18 (8).
- [33] Murdock T.B., Beauchamp A.S., Hinton A.M. Predictors of cheating and cheating attributions: Does classroom context influence cheating and blame for cheating? *European Journal of Psychology of Education*. 2008; 23 (4).
- [34] Thelin J.R. An embarrassment of riches: Admission and ambition in American higher education. *Society*. 2019; 56 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-512-519

Labor market in the UK in digital era: The gender dimension*

Е.А. Mosakova¹, К. Kizilova²

¹Lomonosov Moscow State University
Leninskye Gory, 1, bldg. 13a, Moscow, Russia, 119991

²Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”
Paniglgasse 17/7, Vienna, 1040, Austria
(e-mail: lizavetam@mail.ru; ksenniya.kizilova@gmail.com)

Abstract. The article considers gender discrimination in the field of labor relations in the United Kingdom (UK) in the pre-covid period. In the past decades, the Western European countries have made the most significant progress in achieving gender equality in various fields, including labor relations, and became the world leader in this area. However, despite all the efforts of the international community, no country has achieved a full gender equality, and Great Britain is no exception. The authors argue that the British anti-discrimination legislation (before leaving the European Union) was based on international acts and conventions. For a long time, there were acts and laws prohibiting discrimination in the labor market, which seriously hindered the implementation of an effective anti-discrimination policy in the sphere of labor relations. It was not until 2010 that the law on equality was passed to replace all previous laws and regulations and to provide an exhaustive list of criteria for prohibiting discrimination. As a result, Great Britain began to develop a rather strict national anti-discrimination legislation in the field of labor relations. Thus, in the past decades, the UK has been achieving gender equality in the economic sphere at a faster pace than the average European Union country. The study shows a steady decline in the gender wage gap in the UK over the past two decades, which may be considered one of the country’s most significant achievements in fighting gender discrimination in the labor market. However, there is still a number of serious challenges: a relatively low female labor force participation and employment rate, a gender wage gap and income gap, horizontal and vertical segregation, a gender gap in postgraduate education, and a significant gender gap in time spent on family responsibilities. Age discrimination presents a special problem in the sphere of labor relations in Great Britain. In the European Union, the first laws prohibiting age discrimination were adopted only in the 2000s, and in the UK — in 2006. This problem still remains extremely acute for the labor market, since age discrimination in the UK ranks third among the most common grounds for discrimination — after gender and disability.

Key words: labor market; discrimination; gender; age; GGGI (Global Gender Gap Index); employment; unemployment; wages; segregation; level of education

The issue of discrimination in the sphere of labor relations, namely, the unacceptability of the gender wage gap, was first raised in 1919, when the International Labor Organization (ILO) was founded. And it was not until the end

* © Е.А. Mosakova, К. Kizilova, 2021

The article was submitted on 21.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

of the World War II that this issue reached the international level: the UN Charter of June 26th, 1945 contained the requirement of “promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all without distinction as to... sex” (Article 1) [12]. However, the term ‘discrimination’ was not defined, though the Charter became a source of international and national law, a model for many countries.

The definition of discrimination was first given in the special ILO Convention No. 111, the Discrimination (Employment and Occupation) Convention, in 1958: “Any distinction, exclusion or preference made on the basis of race, colour, sex, religion, political opinion, national extraction or social origin, which has the effect of nullifying or impairing equality of opportunity or treatment in employment or occupation” [2]. Scientific works describe a variety of forms and types of discrimination in the labor market, which can occur on the basis of social-demographic characteristics of the employee, such as gender, age, marital status, parental status, ethnicity, race etc. [16; 18].

Two main approaches can be identified to define gender discrimination. According to the first approach, gender discrimination implies any differences, exceptions and limitations on the basis of gender. Thus, the concepts ‘gender discrimination’ and ‘discrimination on the gender basis’ are considered to be the same [4]. This approach is typical for such organizations as the ILO, the United Nations (UN) and the European Commission (EC). According to the second approach, the social aspect of gender is distinguished from the biological, i.e., ‘gender discrimination’ refers to social differences between women and men, which are not limited to the biological sex. The second approach is typical for the World Health Organization (WHO) [5: 31].

In all developed countries, at the national level, a consensus has been reached on gender discrimination — it is prohibited. However, despite all the efforts of the international community for a century, discrimination against women in labor relations still exists, even in the developed countries. To emphasize the importance of gender equality and the need for additional measures to prevent the unfair treatment of women and girls, gender equality was declared one of the 17 goals in the 2030 Sustainable Development Goals (SDG) agenda adopted at the UN Summit in September 2015 in New York. The goal No. 5 of the SDG agenda, accepted by all UN member-states, is “to achieve gender equality and empower all women and girls” [11]. Certainly, the EU has made significant progress in achieving gender equality in various fields, including labor relations, and become a world leader in this area. However, no country has yet achieved the full gender equality. Moreover, in recent years, the pace of achieving this goal has slowed down even in the EU which shows some national differences. Thus, in 2005–2018, gender equality increased faster in 16 EU countries as compared to the all-European growth rate, whereas in other 8 EU countries the growth was slower as compared to the all-European figures [15].

There are also substantial differences in the public perception and attitudes between the EU member-states and Great Britain. In the latest wave of the World

Values Survey (WVS) and the European Values Study (EVS) conducted in 2017–2020, respondents were asked to express their opinion about the statement “when jobs are scarce, men should have more right to a job than women”. Agreement with this statement means that the respondent has a bias in one’s perception of gender equality at the labor market. In the UK, the share of those who agree that men should have more rights to jobs than women decreased dramatically — from 33% in 1990 to 6% in 2018. Similar trends can be observed in Germany and France, in which the share of the gender biased opinions declined from 30%–32% to 8%–11%. Thus, the indicators of the gender equality perceptions in the UK are among the highest in Europe: the gender equality bias is lower in Iceland (1%), Denmark (2%), Finland (4%) and Netherlands (5%), and higher in Greece (38%), Italy (25%), Poland (23%) and Spain (11%). Public perception of the gender equality is an important indicator of the efficiency of gender policies and a factor of success of the state measures, laws and regulations against gender discrimination in the labor market.

The article is based on the data of Russian and international research of gender discrimination in the field of labor relations, on official documents, such as the Global Gender Gap Index 2020 (GGGI), and on the findings of the WVS conducted in 120 countries since 1981 (national representative surveys on values, attitudes and perceptions, including on gender equality at the labor market). Methods for identifying gender discrimination play a special role in its study in the field of labor relations. There are three main approaches: economic and statistical analysis, sociological surveys (of employees and employers) and the ‘audit’ (several CVs are sent for a vacancy without mentioning the studied parameter — gender or age).

In Great Britain, the anti-discrimination legislation is based on international acts and conventions. In addition, a number of national acts and laws were adopted, which complicates the development of an effective anti-discrimination mechanism. It was not until 2010 that a unified law on was adopted: the Equality Act not only replaced all existing laws and regulations but also provided an exhaustive list of criteria for identifying and prohibiting discriminatory behavior. Thus, the formation of a rather strict anti-discrimination legislation in the British labor market started, which determined the achievement of gender equality at a higher rate than the average for European countries, and the UK has shown a steady decline in the gender wage gap over the past two decades. However, there are still urgent problems to be solved: a relatively low level of women’s employment; the gender wage gap and income gap; horizontal and vertical segregation in the labor market; the gender gap in postgraduate education. All this is largely determined by a significant gender gap in the time spent on family responsibilities.

Another important problem in the UK labor market is age discrimination which ranks third among the most common grounds for discrimination after gender and disability. In the UK, the level of discrimination largely depends on age — the highest level of discrimination is typical for younger generations, and then it decreases at older ages. Age discrimination in the labor market is largely due to the late development of relevant legislation — the Equality Act was adopted only in 2006.

In the UK as an EU member (until January 1, 2021), anti-discrimination regulation in the labor market works at two levels — European and national. The first national anti-discrimination labor law in the UK was adopted in 1970 — the Equal Pay Act proclaimed equal pay for workers doing the same job. In case of violation of the law with evidence, one would go to court. In 1975, the Sex Discrimination Act was adopted — direct and indirect discrimination in the labor market was prohibited [8]. An example of direct discrimination is that a more qualified female candidate gets rejected in favor of a less qualified male candidate. Indirect discrimination implies that the employer creates ‘neutral’ conditions for all employees including those from the ‘protected group’. Moreover, as a part of the development of anti-discrimination labor regulation, the Equal Opportunities Commission was established in 1975 to ensure the strategic law enforcement, mainly for women in the labor market [14].

In 2010, the Equality Act was adopted and unified the existing legislation as a single anti-discrimination law replacing all previous regulations in this area. This act defines discrimination as illegal and sets the procedure for protecting against discrimination [3]. The Equality Act contains a definition of discrimination and an exhaustive list of its prohibited criteria in the field of labor relations — gender, age, marriage and civil partnership, pregnancy and motherhood, religion and belief, disability, race, and sexual orientation.

According to the Section 5 of the Equality Act, the employer is liable for discriminatory acts; however, all reasonable steps to prevent such acts provided, the employer would be exempted from liability. Employers should not post job advertisements only in specialized magazines, for example, for a female audience, since this would be considered indirect discrimination. During the interview, the employer does not have the right to ask ‘protected groups’ a number of questions, for instance, to ask people with a non-traditional orientation about their marital or parental status. The Equality Act also describes responsibilities of institutions and state authorities in achieving more social equality, and this list expanded significantly as compared to previous laws and regulations. The Equality Act applies to England, Wales and Scotland, but not to Northern Ireland, since it has broad legislative powers and its own laws, including in the field of labor relations. A special place in Great Britain’s anti-discrimination policy is given to informing ‘protected groups’ about anti-discrimination legislation [13] (leaflets and brochures for both employees and employers).

Thus, the British national anti-discrimination legislation develops on the basis of international acts and conventions. Today, the UK has a single unified law in this area with the definitions of relevant concepts and a list of discrimination criteria, including in a section on labor relations. The British anti-discrimination legislation is quite strict for employers; however, there is still gender discrimination in the British labor market.

In terms of gender inequality in the economic sphere, the UK moved from the 9th place in 2006 (when the Global Gender Gap Index was first calculated) to the 21st place in 2019, while the index increased from 0.664 to 0.704 [10]. However, in

the UK, the pace of achieving gender equality was faster than in the EU on average [4]. For a more detailed study of the British labor market, we should consider the following indicators: labor force participation by gender, employment and unemployment rates by gender, gender income and wage gap, dependence of the gender gap on age, horizontal and vertical segregation, educational level.

Labor force participation rate by gender. In the UK, at the end of 2019, the number of working women was by 11% lower than the number of male workers — 15.34 and 17.1 million respectively [10]. Thus, not all women participate in the labor market, and the number of women who prefer family and do not seek to enter the labor market is growing every year. At the end of 2019, this indicator for women was 72.8%, for men — 82.2%, i.e., the labor force participation rate of women was by 10% less [10]. Women show such relatively high rates of participation in the labor market despite spending twice as much time on housework: for women, the share of unpaid work per day is 12.65%, for men — 6.87% [10]. It is noteworthy that since the mid-20th century, the British government has not interfered in reproductive plans of the citizens due to considering them a private matter for each family. However, British employers provide family employees with full and/or part-time jobs, shorter hours, etc. Moreover, such employees are provided with a larger number of benefits than ensured by the legislation, which contributes to women's combining their professional work with family responsibilities.

Unemployment rate. In 2019, the UK showed almost the same unemployment rate for both genders: 4.16% for men, 4.03% for women, i.e., the gender gap was 0.13% [10].

Gender income gap. At the end of 2019, women's income was by 46% less [10].

Gender wage gap. Over the past two decades, this indicator has decreased by a third: in 2002 — 27.3%, in 2008 — 21.4%, in 2014 — 20.9%, and in 2019 — 16.8% [14]. The UK belongs to the group of countries with a gender wage gap exceeding the European average [10]. Despite the fact that the principle of equal wage was introduced at the international level more than sixty years ago, European women still earn by 15% less than men [6].

Dependence of the gender wage gap on age. The UK is characterized by a U-shaped model: for employees under 25 years old, this figure is 4.4%; there is a significant increase in the age group of 45–54-year-olds (29.4%); and a decrease at the retirement age (26.2%) [19]. The growth of the gap with age is determined by the fact that traditionally the largest gender gap is typical for higher positions (occupied by middle-age workers) with higher wages.

Horizontal segregation. In the pre-covid era, the largest concentration of working women in Great Britain could be found in social sector, service sector, education, trade, medicine and catering. As the EVS/WVS of 2018 shows, 33% of women worked in governmental or public institutions (19% of men), while 61% — in private businesses or industries (77%). The reason of such gender segregation, given the digitalization of the economy, is the information skills gap: for instance, in the sphere of information and communication technologies, the gender gap in relevant skills is a significant barrier for women's career.

Vertical segregation. Women still work predominantly in low-paid and less prestigious jobs even though having better educational achievements than men. As the EVS/WVS survey of 2018 shows, male and female respondents from the same education groups report different income levels. For example, men with secondary education have an average of 5.9 income level (on a 10-point scale), while women — only 4.9; the gap is smaller for those with tertiary education — 6.4 and 6.1 respectively.

The level of education. European and British women are still leaders in terms of education, especially higher education [9. P. 65]. At the end of 2019, the full gender parity was achieved in the UK (index = 1). In 2019, an almost equal number of schoolchildren of both sexes were in primary (99.4% of men and 99.6% of women) and secondary school (97.2% and 97%) but not in higher education (69.4% and 51%) [10]. Thus, at higher levels of education, there are significant gender differences, especially in postgraduate education: the share of men with PhD is 1.19%, while the share of women — 0.82 % [10]. Gender discrimination can be supported by different actors, in various industries, at different job levels, and can start already at the stage of professional training.

Age discrimination is of particular importance in the development of labor relations in Great Britain. In the EU, the first laws prohibiting age discrimination, including in labor relations, were adopted in the 2000s: Council Directive 2000/78/EC of November 27th, 2000 introduced the principle of equal rights in employment, in particular, with regard to age. The key feature of the law is that it implied no age limits, which was the United States case. In other words, laws protect workers of all ages from age discrimination in the labor market [17]. The first national law in this area was the Employment Equality (Age) Regulations adopted in 2006. According to them, employers should use such words as ‘active’ or ‘energetic’ graduate only for real job requirements [7. P. 255]. Moreover, it was forbidden to deny taking courses by employees over 65 (based on age). The Equality Act was adopted in 2010 and declared the worker’s age a prohibited criteria for discrimination in the labor market [3].

Despite the national legislation, age discrimination ranks third among the most common grounds for discrimination — after gender and disability). Of particular note is the shape of the age discrimination curve in the UK labor market: the UK belongs to a group of countries with a high level of discrimination against younger workers [1].

Thus, over the past decades, the UK has achieved gender equality in the economic sphere at a faster pace than the EU on average. In particular, there has been a steady decline in the gender wage gap. Such a significant progress in achieving greater gender equality in the UK labor market is determined by the development of strict anti-discrimination legislation. However, there are still serious problems in the labor market such as the relatively low employment rate of women, gender wage and postgraduate gaps, horizontal and vertical segregation.

References

- [1] Bratt C., Abrams D., Swift H. J., Vauclair C. M., Marques S. Perceived age discrimination across age in Europe: From an ageing society to a society for all ages. *Development Psychology*. 2018; 54 (1).

- [2] Convention Concerning Discrimination in Respect of Employment and Occupation 1958/ URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/ILO_C_111.pdf.
- [3] Equality Act 2010. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/section/17>.
- [4] Gender Equality Report 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/gender-equality_en.
- [5] Gender mainstreaming for health managers: A practical approach. 2011. URL: https://www.who.int/gender-equity-rights/knowledge/health_managers_guide/en.
- [6] Gender wage gap, EU, 2019 // <https://data.oecd.org/earnwage/gender-wage-gap.htm>.
- [7] Hardy S., Butler M. *European Employment Laws: A Comparative Guide*. Ongar; 2011.
- [8] Sex Discrimination Act 1975. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1975/65/contents>.
- [9] *Sustainable Development in the European Union*. Monitoring Report on Progress towards the SDGs in the EU Context. Luxembourg; 2019.
- [10] Global Competitiveness Report 2020. URL: <https://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2020>.
- [11] Transforming our World: 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981>.
- [12] United Nations Charter // <https://www.un.org/en/about-us/un-charter>.
- [13] Bazarov B.N. Legal regulation of discrimination in the field of labor law on the example of the European Union and Great Britain. *Tribune of Scientists*. 2020; 2. (In Russ.).
- [14] Bezsonov V.O. Legal regulation of the prohibition of discrimination in the UK. *Epomen*. 2020; 44. (In Russ.).
- [15] Govorova N.V. The European Union market in the digital age: Gender. *Woman in Russian Society*. 2020; 3. (In Russ.).
- [16] Zajkov D.E. The principle of equal rights and freedoms for men and women: Current state and prospects. *Law Journal of the HSE*. 2020; 4. (In Russ.).
- [17] Ivanova M.A. Demand for older workers and age discrimination: International experience and Russian realities. *Voprosy Ekonomiki*. 2019; 6. (In Russ.).
- [18] Mosakova E.A. Gender discrimination in the labor market of Russia and Japan. *Information Society*. 2017; 6. (In Russ.).
- [19] Nikolaev I.A., Marchenko T.E., Tochilkina O.S. Gender wage gap. *Society and Economy*. 2018; 2. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-512-519

Рынок труда в Великобритании в цифровую эпоху: гендерное измерение*

Е.А. Мосакова¹, К. Кизилова²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13а, Москва, Россия 119991

²Институт сравнительных исследований общественного мнения «Евразийский барометр»
Панингассе 17/7, Вена, 1040, Австрия
(e-mail: lizavetam@mail.ru; ksenniya.kizilova@gmail.com)

Аннотация. Авторы рассматривают проблему гендерной дискриминации в сфере трудовых отношений в Великобритании в доковидную эпоху. За прошедшие десятилетия западноевропейские страны достигли наиболее значительного за столетие прогресса в

* © Мосакова Е.А., Кизилова К., 2021

Статья поступила 21.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

обеспечении принципов гендерного равенства в самых разных сферах жизнедеятельности общества, включая трудовые отношения, и стали мировыми лидерами в этой области. Однако, несмотря на все усилия международного сообщества, ни одна страна мира все еще не смогла добиться полного гендерного равенства, и Великобритания не исключение. Авторы считают, что антидискриминационное законодательство Великобритании (разработанное до того, как страна вышла из состава Европейского Союза) основано на международных законодательных актах и конвенциях. В течение длительного времени в Великобритании действовали собственные законы, запрещающие дискриминацию на рынке труда, которые были серьезным препятствием для разработки и внедрения эффективных мер антидискриминационной политики в сфере трудовых отношений. Лишь в 2010 году в Великобритании был принят закон о равенстве, заменивший собой все прежние законодательные правила и содержавший исчерпывающий перечень критериев для определения и запрета дискриминационных практик. В результате Великобритания начала внедрять в сфере трудовых отношений достаточно жесткое антидискриминационное законодательство, что позволило ей в последние несколько десятилетий продвигаться в направлении гендерного равенства в экономике с большей скоростью, чем в среднем характерна для стран Европейского Союза. Исследования подтверждают постепенное сокращение гендерного разрыва в уровне зарплат в Великобритании в последние два десятилетия, что можно считать главным достижением страны в борьбе против гендерной дискриминации на рынке труда. Однако целый ряд проблем сохраняется: относительно низкий уровень представленности женщин на рынке труда, гендерный разрыв в уровне зарплат и доходов, горизонтальная и вертикальная сегрегация, гендерный разрыв в послевузовском образовании и во времени, затрачиваемом на выполнение семейных обязанностей. Возрастная дискриминация — еще одна проблема в сфере трудовых отношений. В Европейском Союзе первые законы, запрещающие возрастную дискриминацию, были приняты только в 2000-е годы, в Великобритании — в 2006 году. Возрастная дискриминация остается актуальной проблемой для рынка труда Великобритании, поскольку возраст — третий по значимости дискриминационный фактор после пола и ограниченных возможностей.

Ключевые слова: рынок труда; дискриминация; гендер; возраст; ИГТР (Индекс глобального гендерного разрыва); занятость; безработица; заработные платы; сегрегация; уровень образования

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-520-535

Представления о рынке труда молодежи России, Китая и Германии: сопоставительный анализ*

А.С. Савенкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: savenkova-anstr@rudn.ru)

Аннотация. Изучение специфики профессионального выбора, факторов, определяющих трудовые ориентации молодежи, — одна из актуальных социологических задач, интересующих как отечественных, так и зарубежных исследователей. Универсальная, наднациональная суть задачи, а также глобализационные процессы обуславливают необходимость сопоставления трудовых ориентаций российской молодежи с воззрениями их зарубежных сверстников. Цель статьи — оценка основных представлений о рынке труда, формирующихся у молодых людей России, Германии и Китая. Эмпирическая часть статьи представлена результатами анкетирования и интервьюирования российской, немецкой и китайской молодежи. В статье рассмотрены типичные проблемы, с которыми сталкиваются молодые специалисты трех стран в процессе поиска работы; представлены их мнения о наиболее значимых трудовых качествах; выявлены сходства и различия в восприятии «идеального соискателя» и предпочитаемых аспектах профессиональной деятельности. Молодежь России, Германии и Китая определяет в качестве наиболее ценных разные составляющие трудовой жизни: россияне больше, чем китайцы и особенно немцы, ценят зарплату и стабильность организации, в которой работают. Для немецких и китайских студентов, напротив, предпочтительнее деятельность, которая раскрывает творческие способности человека, оставляя при этом пространство для личной жизни. Ответы студентов указывают на неоднородное восприятие высшего образования в качестве элемента социального капитала молодых специалистов: молодые россияне, в отличие от сверстников из Германии и Китая, не связывают факт получения высшего образования с потенциальной успешностью на рынке труда. Россияне чаще, чем китайцы и немцы, называют в качестве фактора, препятствующего успешному трудоустройству, семейственность и коррупционность. В числе схожих социальных представлений респондентов трех стран можно назвать признание трудностей, связанных с отсутствием опыта работы. Взаимодействие образовательных учреждений и предприятий может стать способом преодоления трудностей, возникающих у молодых россиян в период поиска работы.

Ключевые слова: молодежь; профессиональный выбор; рынок труда; проблемы при поиске работы; аспекты трудовой деятельности; сравнительный анализ; Россия; Германия; Китай

Выступающие в качестве важнейших черт современности глобализационные процессы обуславливают не только появление международных валют, массовой культуры и глобальных корпораций — глубокой трансформации

* © Савенкова А.С., 2021

Статья поступила 19.01.2021 г. Статья принята к публикации 22.04.2021 г.

подвергаются и элементы частной жизни, интернационализируются и унифицируются социальные практики и проблемы, возникающие перед экономическими, политическими и социальными системами. Один из серьезных вызовов для современного государства — возможность обучения профессионально подготовленных, компетентных специалистов и обеспечения им рабочих мест.

С позиций гуманистического, субъект-субъектного подхода прогресс трудовой, экономической сферы определяется не только масштабами и качеством государственной политики, но и целеориентированными действиями молодых людей в ходе профессиональной социализации. В силу финансовых и языковых ограничений, публикации, посвященные сопоставлению трудовых ориентиров и ценностей молодых россиян и их зарубежных сверстников, появляются нечасто, хотя территориально и культурно Россия принадлежит к Европе и Азии. Одни из наиболее развитых стран этих частей света и одновременно важные экономические партнеры России — Германия и Китай.

Например, нынешнее социально-экономическое положение КНР во многом обусловлено переходом на «рыночные рельсы», необходимостью встраиваться в общемировые экономические отношения. Как и в России, этот переход сопровождается значительными культурными трансформациями, несоответствием профессиональных ориентаций молодежи и государственных потребностей. Так, экономика Китая нуждается в подъеме реального сектора, но множество молодых китайцев видят свое будущее в образе «белых воротничков» на позициях топ-менеджмента, хотя данная часть рынка труда перенасыщена, и правительство стремится сократить число потенциальных соискателей офисных позиций и популяризовать рабочие специальности. Государство использует и меры экономического давления: высшее образование, необходимое для трудоустройства в предпочитаемых молодежью трудовых сферах, является платным, и стоимость обучения значительной превышает средний суммарный годовой доход семьи. Профессиональные стратегии, связанные с работой в отраслях реальной экономики, поддерживаются посредством распределения выпускников средних образовательных учреждений. Однако все эти меры не приносят необходимого результата. Помимо несоответствия спроса и предложения на рынке труда, прослеживается и прямая корреляция между уровнем образования и риском безработицы: зачастую человек, окончивший китайский аналог российского колледжа или ПТУ, находит работу быстрее и оказывается более финансово обеспеченным, чем выпускник университета [8]. В известной степени такая ситуация характерна и для российских реалий.

Что касается Германии, то негативные аспекты ее систем образования и трудоустройства являются прямым следствием ее позитивных сторон. Так, тесная связь между усваиваемыми студентами знаниями и будущей трудовой деятельностью, обучение с прицелом на конкретную организацию упрощают поиск работы [14], но порождают узость трудовых компетенций,

редуцируют профессиональные способности выпускников вузов до задач конкретной организации.

Для сравнения представлений о рынке труда российской, немецкой и китайской молодежи в 2019–2020 году было проведено разведывательное исследование: первый этап — анкетирование респондентов из России (18–35 лет), Германии (18–25 лет) [23] и Китая (18–35 лет) [7. С. 85]. В качестве критериев сравнения выступали: восприятие сложностей в процессе поиска работы; представления о качествах соискателя, необходимых для трудоустройства; оценка аспектов профессиональной деятельности. Отбор респондентов проводился методом стихийной выборки: анкетирование имело формы интернет-опроса и раздачи анкет студентам старших курсов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета и Южного федерального университета. Был опрошен 141 человек (46 мужчин и 95 женщин). Анкетирование респондентов из Германии проводилось по месту учебы и работы — это были студенты и сотрудники федерального центра по трудоустройству города Мангейм. Было опрошено 100 человек (60 мужчин и 40 женщин). Анкетирование респондентов из КНР проходило в два этапа: стихийный опрос студентов старших курсов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры МГУ (53 человека), затем методом «снежного кома» были опрошены имеющие опыт работы знакомые ранее опрошенных респондентов, проживающие в Китае. Всего было опрошено 216 человек (113 мужчин и 103 женщины). На втором этапе исследования были проведены полуструктурированные интервью: гайд предполагал развернутую беседу по темам, соответствующим вопросам анкеты. В ходе интервью уточнялось восприятие рынка труда и агентов профессиональной социализации, национальные особенности трудовых приоритетов, причины формирования типичных мнений относительно профессиональной сферы. Было опрошено 10 россиян, проживающих в Москве, Пензе и Талдоме, 4 китайских студента МГУ и 4 немца.

Трудности в процессе трудоустройства. Представления о труднодоступных сферах и областях, в которых легко найти работу, о положении молодого специалиста на рынке труда во многом определяются реальными и гипотетическими трудностями, с которыми сталкивается человек в период поиска работы, т.е. восприятие трудовой деятельности связано с оценкой начала профессиональной социализации. Мнения об основных проблемах, возникающих у молодого специалиста во время поиска работы, представлены на Рисунке 1, согласно которому респонденты трех стран уверены, что работодатель стремится нанимать специалистов с опытом работы.

Отсутствие опыта работы — наиболее серьезная проблема для молодых российских специалистов в период поиска работы: с ней столкнулись 27% опрошенных, что свидетельствует об отсутствии или недостаточной функциональности взаимодействия между университетами и работодателями, а

также о не отвечающих запросам рынка образовательных предпочтениях молодых россиян [5]. Отсутствие опыта работы является серьезной проблемой и для молодых китайцев и немцев.

Трудности в период поиска работы (РФ, КНР, ФРГ)

Рис. 1. Трудности в период поиска работы, в %

Позитивным показателем можно считать то, что 23% опрошенных не сталкивались с затруднениями в поиске работы, хотя он значительно выше, чем в выборке респондентов из Китая (4%) и Германии (10%). Отчасти это можно объяснить тем, что большинство респондентов — студенты, и их трудовая деятельность не носит систематического характера.

На втором месте (16%) в перечне трудностей россиян при трудоустройстве оказались завышенные требования работодателя, что может быть связано со сложившейся практикой сокращения и «ужимания» штата, в результате чего работодатель ожидает от сотрудников выполнения не только своих профессиональных обязанностей, но и задач отсутствующих работников. На это же указывает и то, что данный вариант ответа у китайских и германских респондентов встречался достаточно редко. Другим объяснением выступает наличие у молодежи завышенных ожиданий относительно будущего трудоустройства. Свойственный молодежи максимализм и переоценка своих профессиональных навыков входят в противоречие с мнением работодателей относительно уровня подготовки выпускников. Результаты опросов руководителей предприятий указывают на неподготовленность молодежи к работе: так, менее

10% молодых специалистов полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к сотруднику; по оценкам работодателей подготовка, 20% соискателей не отвечает их требованиям [15. С. 11].

Небольшое количество голосов набрали такие трудности, как высокая конкуренция в профессиональной сфере и ограниченное количество вакансий (7% и 9%), что можно объяснить не только профессиональным перекосом, но и характером региональных рынков труда. Структура профессионального поля маленьких городов, моногородов, поселков городского типа не предлагает обширного списка вакансий, что заставляет молодежь переезжать в города. При этом, в силу образовательных предпочтений [10], выпускники столичных вузов, в случае их не востребоваемости, возвращаются в родной регион, где также не могут трудоустроиться.

Результаты опроса граждан КНР также свидетельствуют о том, что серьезная проблема молодежи в поиске работы — недостаточный опыт работы (44%), что объясняется переоценкой китайской молодежью значимости высшего образования, стремлением работать в гуманитарных и управленческих сферах, в то время как экономика страны зависит от высоких объемов производства и нуждается в инженерных и рабочих специальностях. Другая проблема — высокий уровень конкуренции на рынке труда: 13% опрошенных полагают, что им придется соревноваться с большим количеством соискателей с аналогичными профессиональными предпочтениями и компетенциями; 16% оценили свой уровень образования как недостаточный для трудоустройства. Ситуацию острой конкуренции и нацеленности работодателей на отбор наилучших соискателей усугубляет тот факт, что для молодых китайцев, проживающих в маленьких городах или деревнях, социально неприемлемо возвращение на малую родину после обучения в крупном городе. Таким образом, рост конкуренции за счет внутренней миграции — общая проблема для Китая и России (но не для Германии с ее относительно небольшими размерами и развитой транспортной системой).

Граждане КНР не считают требования работодателя завышенными — 5% против 16% россиян. Неодобрение своих трудовых предпочтений родственниками или общественным мнением отметили 7% китайских респондентов.

У немецких респондентов следует отметить отсутствие наиболее выраженной проблемы в период трудоустройства. Помимо необходимого в Китае и России опыта работы (24% немецких респондентов), 23% назвали жесткую конкуренцию: вероятно, наличие в системе образования бизнес-инкубаторов, молодежных фирм и тесное сотрудничество образовательных учреждений с предприятиями сместило пик конкурентной борьбы в сферу послевузовского распределения. 14% молодых немцев оценивают свой уровень образования как недостаточный, что также характерно для их китайских сверстников и может быть связано с определенной труднодоступностью и, как следствие, большей значимостью образования для жителей ФРГ и КНР. Отсутствие возможностей карьерного роста и повышения зарплаты назвали 14% немцев. Как и

респонденты из КНР, молодые немцы не разделяют популярную у россиян позицию о чрезмерности предъявляемых работодателем требований (2%).

Таким образом, унифицирующее воздействие глобального мира отражается в формировании у жителей разных стран схожих представлений о специфике и требованиях рынков труда (например, о значимости опыта работы для успешного трудоустройства). При этом особенности национальных рынков труда, характер взаимоотношений между представителями разных социальных и профессиональных групп определяют восприятие молодежью факторов, препятствующих трудоустройству. Так, слабые связи между российскими образовательными институтами и работодателями обуславливают несоответствие представлений работников и работодателей друг о друге, что выражается в мнении о несоразмерности требований последних.

Социальный и личностный капитал «идеального соискателя». Представления о важнейших качествах специалиста — один из показателей трудовых предпочтений в стране (Табл. 1)

Таблица 1

Оцените наиболее важные трудовые качества ваших сограждан по десятибалльной шкале, где 1 — совершенно неважно, 10 — чрезвычайно важно (в баллах)

Качества соискателя	РФ	КНР	ФРГ
Образованность	6,95	5,8	8,81
Знание иностранных языков	5,93	4,13	4,73
Способность сотрудничать	7,53	6,21	7,86
Способность работать самостоятельно	7,45	6,08	6,94
Креативность	5,9	5,78	4,54
Инициативность	6,87	5,26	3,76
Исполнительность	7,95	5,69	7,07
Готовность к обучению/ повышению квалификации	7,85	5,16	6,59
Навыки пользования компьютерными программами	7,81	4,67	6,35
Соблюдение трудовой дисциплины	7,92	6,31	7,42
Предпринимательские качества	5,25	2,52	4,97

По мнению российской работающей молодежи, наиболее ценными качествами сотрудника является исполнительность и соблюдение трудовой дисциплины (7,95 и 7,92 баллов), однако это свидетельствует о ряде негативных процессов в трудовой сфере. Данные качества говорят о способности человека следовать указаниям руководства, инструкциям, т.е. это «механические» характеристики. Восприятие молодежью себя как исполнителя строго регламентированной работы свидетельствует либо о низкой оценке своих профессиональных компетенций, либо о не востребованности творческих качеств, что приводит к проблемам на личностном, организационном и общегосударственном уровнях. Последствия неготовности руководителей делегировать часть ответственности подчиненным, вовлекать их в принятие важных решений — страх и нежелание сотрудников предлагать свои идеи начальству.

Институционализация подобного поведения приводит к сокращению инновационной деятельности, неготовности граждан участвовать в стартапах, открывать частный бизнес. В Global Innovation Index Россия находится на 46 месте: в 2018 году на международные патенты было подано лишь 1097 заявок из России, в то время как из Германии и Китая — 18982 и 48882 [22].

Такие качества сотрудников, как инициативность и креативность, оказались у россиян в конце рейтинга (6,87 и 5,9 баллов). Безусловно, определяющий вклад в уровень инновационного развития страны вносит объем финансирования научно-исследовательских центров, государственная поддержка образовательных учреждений, однако поддержка инновационной культуры на предприятиях, вовлечение персонала в управление также может внести вклад в развитие отечественной науки и экономики.

Следующую группу значимых для россиян характеристик составляют: способность к обучению — 7,85 балла, способность работать в коллективе — 7,53 — и самостоятельно — 7,45. Необходимость получения новых знаний в период трудовой деятельности обусловлена как изменениями в характере работы под влиянием научно-технического прогресса, так и тем фактом, что значительное число россиян трудоустроены в сфере, отличной от полученного образования [11]. Респонденты относительно невысоко оценивают значение уровня образования для работника (6,95 балла), что отличается от представлений китайской и немецкой молодежи.

В конце списка необходимых качеств сотрудника оказалось знание иностранных языков (5,93 балла), что свидетельствует о незначительной доле российских организаций, сотрудничающих с зарубежными партнерами. Меньше всего респонденты ценят предпринимательские качества, хотя следует отметить здесь полярность оценок: 16% оценили данное качество в 1 балл, 9% — в 10, что говорит о различии трудовых стратегий российской молодежи.

Мнения китайских респондентов во многом схожи с представлениями россиян. Они также считают трудовую дисциплину важнейшим качеством сотрудника (6,31 балла), что говорит об эффективности мер, направленных на воспитание трудолюбия и дисциплины [1]. Способность работать в команде и выполнять профессиональные задачи самостоятельно одинаково важны для жителей КНР (6,21 и 6,08 балла), за ними следуют образованность и креативность (5,8 и 5,78), навыки пользования компьютерными программами и знание иностранных языков (4,67 и 4,13). По-видимому, значительная часть респондентов надеется на обучение компьютерным программам во время вертикально-горизонтальной ротации кадров, характерной для китайских организаций.

Предпринимательские качества занимают последнее место в рейтинге (2,52 балла), что может быть результатом ситуации с частным предпринимательством в Китае. Преимущественное поле деятельности частного бизнеса — уличное питание и торговля, сфера обслуживания, причем часто в

форме семейного бизнеса [4], т.е. у части респондентов может быть предубеждение против семейственности частного бизнеса.

Ответы респондентов из Германии во многом отличны от мнений респондентов из Китая и России. Так, наиболее ценным качеством сотрудника они считают образованность (8,81 балла), что определяется сложившимся в европейском обществе представлением, что человек с университетским образованием может рассчитывать на хорошую работу. Вторая по значимости черта — способность работать в коллективе (7,86 балла), т.е., несмотря на индивидуализм европейской культуры, немецкая молодежь ценит это качество выше, чем российская. Вероятно, это результат двух элементов немецкой культуры и системы образования: с одной стороны, уважение к чужим правам и свободам формирует основу для доброжелательных отношений в коллективе; с другой стороны, система профессиональной ориентации включает в себя тьюторов и наставников и формирует способность молодых людей прислушиваться к чужому мнению [3]. Отчасти это подтверждается и меньшей значимостью самостоятельной работы (6,94 балла): в случае затруднения молодой сотрудник всегда может обратиться за помощью к наставнику.

Значение навыков владения компьютерными программами немцы оценивают ниже, чем россияне, но выше, чем китайцы (6,35 балла). Относительно низкая оценка таких качеств, как инициативность и креативность, может быть следствием высоко формализованной трудовой деятельности, неготовности молодежи выходить за рамки своих рабочих обязанностей. При этом высокое число заявок во всемирную патентную организацию объясняется готовностью к ведению предпринимательской деятельности.

Социальный капитал человека представляет собой не только совокупность его компетенций и навыков, но и личные достижения и связи, поэтому респондентам был задан вопрос о значимости социальных показателей, не имеющих непосредственного отношения к специфике труда, для работодателя при приеме на работу (Рис. 2).

Респонденты вновь подчеркнули значение трудового опыта для работодателя (74% россиян, 67% немцев и 61% китайцев). Действительно, обучение неопытного сотрудника требует временных и финансовых затрат со стороны компании, вынужденной предоставить работнику наставника или ждать, пока новичок выработает необходимые навыки, т.е. найм человека, знакомого со спецификой труда, является более прагматичным решением. Другое объяснение связано с особенностями образовательной системы России: наличие университетского образования не является незаурядным достижением, причем мотивы поступления в вуз могут быть самыми разными — от стремления реализовать себя до поступления за компанию или под давлением родителей. В таких условиях даже диплом ведущих вузов страны не гарантирует успешного трудоустройства в желаемых или престижных отраслях, и опыт работы становится преимуществом.

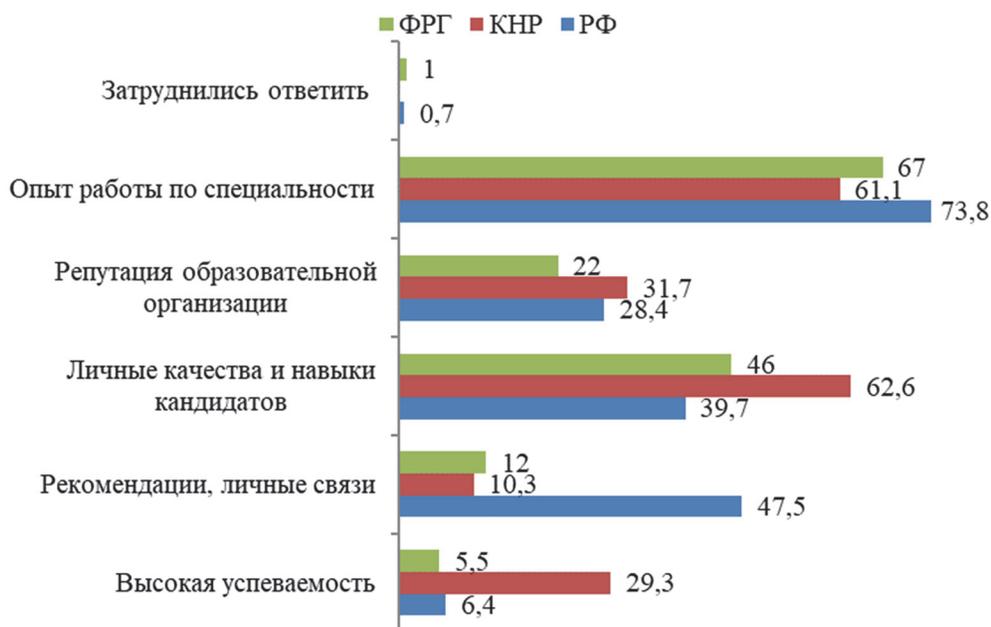

Рис. 2. Акценты работодателя при приеме на работу (РФ, КНР, ФРГ), в %

Второй важный аспект для работодателя, по мнению россиян, — наличие у соискателя рекомендаций, личных связей (48%), что не характерно для респондентов из Китая и Германии (10% и 12%). Вероятно, это объясняется последствиями социально-экономических перемен конца XX века: в ситуации экономической и правовой нестабильности люди обращают внимание не на интеллектуальные или трудовые характеристики, а на социальные связи. Не менее существенным фактором является отсутствие взаимосвязи между образовательным профилем и профессионально-трудовой реализацией, т.е. человек для успешного трудоустройства использует личные связи.

Соответственно, личные качества россияне ценят выше (40%) выше, чем репутацию образовательного учреждения (28,4%) и высокую успеваемость (6,4%), что свидетельствует как об обесценивании образования, так и о формировании образовательных симулякров, подменяющих получение знаний формальными атрибутами вуза (бренд, известность). Столь низкая оценка высокой успеваемости характерна только для российских реалий, где учебные заведения находятся в ситуации конкуренции, необходимости выполнения формальных критериев, и одним из показателей «успешности» вуза являются оценки выпускников, а не их знания и навыки (более половины обучающихся отдельных вузов выпускаются с красными дипломами [6]).

Молодые немцы, как и россияне, указывают на необходимость опыта работы для успешного трудоустройства (67%), затем идет успеваемость (55%). Репутация образовательного учреждения — менее значимый фактор, чем образовательные достижения учащегося (22%). В ходе интервью респонденты поясняли, что для немца важнее факт получения высшего образования, чем

его профиль, т.е. старшее поколение вряд ли будет оказывать давление на ребенка в период выбора образовательного учреждения. Таким образом, «социальный рейтинг» соискателя формируется на основе его учебных достижений, а также личных качеств и навыков (46%).

Важность опыта работы признал 61% китайских респондентов, но 63% подчеркнули значение личных качеств и навыков соискателя для работодателя, что подтверждает высокую конкуренцию на рынке труда, где спрос на определенные профессии значительно превышает предложение [17]. Для жителей КНР репутация образовательного учреждения (32%) важнее, чем высокая успеваемость (29%). Многократный отсев отстающих школьников, а затем и студентов [1] приводит к тому, что выпускники вузов имеют схожие баллы учебного рейтинга. Чтобы повысить свою привлекательность на рынке труда, молодые китайцы стремятся получить образование в престижных вузах или в других странах.

Иными словами, характер представлений жителей трех стран об «идеальном соискателе» говорит об определяющем воздействии как господствующих в обществе стереотипов, так и функционирующих в стране институтов. В частности, в России отсутствие связи между институтами образования и работодателями обуславливает востребованность тех личных качеств работника, которые позволяют ему адаптироваться к требованиям конкретного работодателя. В КНР ориентация на общественное одобрение и меры государства по воспитанию дисциплины находят отражение в представлениях о значимости навыков командной работы и соблюдении трудовой дисциплины. Престиж университетов и высокий социальный статус их выпускников в ФРГ делает высшее образование важнейшим элементом социального капитала человека на рынке труда.

Оценка аспектов профессиональной деятельности. Следующий блок анкеты был посвящен определению наиболее важных элементов трудовой деятельности для молодежи (Табл. 2). У россиян на первом месте оказалась высокая заработная плата (8,42 балла), что объясняется, в том числе условиями пандемии, — многие считают оказываемые правительством меры помощи населению как ничтожные [9. С. 22–23], что подталкивает людей к созданию «финансовой подушки». Соответственно, неудивительно, что на втором месте оказалась стабильность организации (8,16 балла). Понимание, что компания работает давно, имеет большой штат и выполняет социально значимую деятельность, наделяет ее работников уверенностью, что им не придется отказываться от привычного образа жизни в условиях кризиса.

Многие назвали в качестве главного для них аспекта трудовой деятельности интересную, творческую работу (8,09 балла), что обусловлено такими характеристиками молодежи, как активность, мобильность и максимализм. У многих молодых людей возникает оправданное и понятное желание внести посильный вклад в развитие человечества [2], занимаясь деятельностью, которая им интересна. Немаловажны для россиян и хорошие отношения в

коллективе (7,8 балла): дружная, сплоченная команда не только поддерживает социальные связи, но и служит каналом выхода негативных эмоций, усталости, связанной с высокой загруженностью. В условиях доминирования ценности зарплаты и стабильности компании над индивидуальными интересами благоприятная корпоративная атмосфера — важный рекреационный элемент.

Таблица 2

Оцените наиболее важные аспекты трудовой деятельности по десятибалльной шкале, где 1 — совершенно неважно, 10 — чрезвычайно важно (в баллах)

Фактор	РФ	КНР	ФРГ
Карьерный рост	4,8	6,5	7,76
Высокая заработная плата	8,42	6,82	7,12
Стабильность организации	8,16	6,8	6,36
Престиж профессии	6,5	6,62	6,91
Гибкий график, наличие свободного времени	7	6,53	8,12
Интересная, творческая работа	8,09	7	7,84
Хорошие отношения в коллективе	7,8	5,32	7,63

Значим для россиян и гибкий график работы, наличие свободного времени (7 баллов), поскольку студенты вынуждены совмещать работу и учебу, хотя, по сравнению с немцами и китайцами, ценность свободного времени для россиян невысока. Вероятно, это объясняется тем, что для значительного числа предприятий нормой стала переработка, обязанность выполнять часть заданий на выходных, и многие согласны на такие условия работы, если семья находится в сложной финансовой ситуации.

Важен для россиян и престиж профессии (6,5 балла), что связано с наличием социально стигматизированных профессий (охранник, продавец, сотрудник клининговых компаний, доставщик еды и т.д.). При этом даже в крупных организациях с разветвленной структурой название должности сотрудника нередко носит формальный характер, и продвижение по карьерной лестнице становится не только более сложным, но и теряет иные смыслы, кроме статусно-символического, который может быть нивелирован низкой общественной оценкой деятельности человека, престижности его организации.

Результаты опроса респондентов из Германии свидетельствуют о разграничении ими трудовой и частной жизни. На первом месте в списке трудовых приоритетов оказалось наличие свободного времени, гибкий график (8,12 балла). Следует отметить, что строго фиксированное рабочее время — отличительная черта немецких предприятий, включая даже сферу услуг. Наличие интересной, творческой работы также очень важно для молодежи (7,84 балла), что в сочетании со свободным графиком соответствует иерархии потребностей, представленной в гуманистических концепциях. Уровень заработной платы в Германии — один из самых высоких в мире [18], а раз доход позволяет удовлетворить базовые нужды, то для человека становятся приоритетны потребности более высокого порядка (хобби, свободное время).

Высокая зарплата (7,12 балла) и стабильность предприятия (6,36) для немцев менее важны, чем работа в хорошем коллективе и возможность карьерного роста (7,63 и 7,76), что, видимо, обусловлено политикой страны в области трудоустройства и поддержки уязвимых групп: например, размер выплат для потерявших работу граждан составляет 60% от доходов после уплаты налогов [16].

Мнения молодых жителей КНР в целом ближе к позиции немцев, чем россиян: как и их немецкие сверстники, китайцы отдают приоритет личностным аспектам труда — интересной, творческой работе (7 баллов), что, видимо, объясняется государственными приоритетами. Большое число рабочих мест предназначено для инженеров, работников заводов и сельского хозяйства, но их труд часто носит повторяющийся, монотонный характер, поэтому интересная, креативная работа — мечта многих молодых китайцев, особенно если работа занимает значительную часть жизни. Важен для жителей КНР и гибкий график (6,53 балла), и стабильность организации (6,8) — в условиях сохранения в китайском обществе ориентации на пожизненную занятость стабильность компании имеет особое значение для соискателей.

Высокая заработная плата набрала 6,82 балла: с одной стороны, приоритет зарплаты над интересной работой свидетельствует о подъеме экономики и росте благополучия граждан; с другой стороны, желание молодых китайцев работать в стабильной организации указывает на определенный уровень социальной тревожности, желание гарантий долговременного трудоустройства. Не менее важно для молодых китайцев общественное признание (6,62 балла), что коррелирует с бытующим в обществе стремлением получить высшее образование и гарантировать себе трудоустройство в престижной организации. Наименее значимы для китайских респондентов хорошие отношения в коллективе (5,32 балла), что подтверждает распространение индивидуализма в молодежной среде (восприятие себя в качестве «маленьких императоров»), а также может быть связано с тем, что ориентация на интересную, высокооплачиваемую и престижную работу позволяет пренебречь теплой, дружеской атмосферой в коллективе.

В целом акцент россиян на зарплате и стабильности организации свидетельствует об их большей уязвимости на рынке труда по сравнению с китайцами и немцами, ориентирующимися на личный интерес и наличие свободного времени.

Трудовые рынки РФ, ФРГ, КНР в представлении опрошенных респондентов характеризуются как универсальными, так и специфическими особенностями. Все респонденты отметили определяющее значение опыта работы и снижение роли социального окружения как агента профессиональной социализации. Различия в позициях россиян, китайцев и немцев сосредоточены в представлениях о сотруднике: так, портрет востребованного, конкурентоспособного сотрудника схож у россиян и китайцев, которые отмечают приоритет

механистических требований над личностным, творческим вкладом. Кроме того, очевидны определенные негативные стереотипы россиян в отношении рынка труда, например, о семейственности организаций и излишней требовательности работодателей. Низкая, по сравнению с жителями КНР и ФРГ, оценка значения образования свидетельствует как о несовершенстве российской образовательной системы, ее неспособности отвечать на запросы рынка труда, так и о попытках соискателей переложить ответственность за свои ограничения на работодателя, вынужденного оценивать работника по формальным основаниям. Более тесное взаимодействие образовательных учреждений и работодателей сможет скорректировать представления студентов о специфике трудовых задач, снизить степень социальной напряженности и сократить число ложных представлений о рынке труда.

Библиографический список

- [1] *Азитова Г.Ш., Краснова М.Н.* Особенности системы образования в Китае // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5.
- [2] *Андреев А.И., Андриянов А.В., Антипов Е.А., Павлова С.М.* К социальному портрету молодого россиянина: опыт исследования карьерных устремлений // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2.
- [3] *Андреева Е.А.* Современные модели тьюторства в России, странах европейского союза и ближнего востока (сравнительный анализ) // Вестник Поволжского института управления. 2011. Т. 2. № 5.
- [4] *Барков С.А., Денильханов А.Х.* Формы организации бизнеса. М., 2015.
- [5] В экономику пойду: куда будут поступать выпускники 2020 года // Известия. 2020, 9 марта.
- [6] *Брезгина М.О.* Проблемы реализации социально-профессионального статуса выпускника-отличника вуза // Дискуссия. 2013. Т. 41. № 11.
- [7] *Горшков М.К., Чунлинь Ли, Голенкова З.Т., Козырева П.М.* (ред.). Россия и Китай: молодежь XXI века. М., 2014.
- [8] *Голусова Ю.В., Ли Фенглианг.* Социально-экономические последствия избыточного образования в Китае и России // Россия реформирующаяся. 2015. № 13.
- [9] *Грудцына Л.Ю.* Новый курс для забытого народа: план экономической поддержки государством малого бизнеса как основа государственной поддержки народа // Образование и право. 2020. № 2.
- [10] *Диннер И.В.* Профорентация как фактор регулирования миграционных процессов и рынка труда // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 58. № 2.
- [11] *Минажетдинова А.В.* Профессиональная ориентация учащейся молодежи в системе социально-трудовых отношений: Автореф. дисс. к.э.н. М., 2013.
- [12] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
- [13] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3.
- [14] Обзор мировых практик в области содействия трудоустройству выпускников и оценка их применимости в российских условиях // URL: <https://deloros.ru/FILEB/fin-1.pdf>.
- [15] *Панов А.М.* Занятость не по специальности на региональном рынке // Universum: экономика и юриспруденция. 2015. Т. 19. № 8.
- [16] Пособия по безработице в Германии в 2021, 2020 году: размер и виды пособий для неработающих граждан и мигрантов // URL: <https://ru-geld.de/benefits/unemployment.html>.

- [17] Сидорова А.В. Проблема безработицы среди выпускников вузов КНР в свете реформы высшего образования // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4.
- [18] Рынок труда, работа и зарплата в Германии — достойная оценка профессионализма // URL: <https://dezona.ru/germany/socium/professii-i-zarplaty.htm>.
- [19] Троцук И.В. Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2.
- [20] Троцук И.В., Невзорова Н.А. Структурные дисбалансы как ключевой фактор безработицы на российском рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2.
- [21] Троцук И.В., Скрынникова М.П., Цзи Цзиньфэн. Приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере и положение молодых специалистов на рынке труда КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12.
- [22] Energizing the World with Innovation. Global Innovation Index 2018 // URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4330>.
- [23] Meysen T., Schönecker L., Wrede N. Gesetzliche Altersgrenzen im jungen Erwachsenenalter // Bundesjugendkuratorium. 2020. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-520-535

The youth's perceptions of the labor market in Russia, China and Germany: A comparative analysis*

A.S. Savenkova

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru)

Abstract. The study of the specifics of professional choice and of the factors that determine labor orientations of the youth is one of the urgent sociological tasks for researchers all over the world. The universal, supranational nature of this task under globalization explains the need to compare labor orientations of the Russian youth with their foreign peers. The article aims at assessing the basic ideas about the labor market of the youth in Russia, Germany and China. The empirical part of the article is presented by the survey and interviews of the Russian, German and Chinese youth. The author considers typical problems that the young professionals face when searching for a job, their opinions on the most important work qualities, similarities and differences in the perception of the 'ideal worker'. Young people in Russia, Germany and China name different aspects of working life as the most important: Russian respondents value wages and the stability of organization more than the Chinese and especially German. On the other hand, German and Chinese students prefer activities that reveal personal creativity and leave space for personal life. Considering social capital, unlike their peers from Germany and China, Russian respondents do not associate the fact of having a university diploma with potential success in the labor market. More often than the Chinese and Germans respondents, the Russian youth mention nepotism and corruption as an obstacle to successful employment. Among the similar social perceptions of the respondents from three countries, one can name the difficulties associated with the lack of work experience. The interaction of educational institutions and employers can help in overcoming the difficulties that the young Russians face when searching for a job.

Key words: youth; professional choice; labor market; problems in finding a job; aspects of employment; comparative analysis; Russia; Germany; China

* © A.S. Savenkova, 2021

The article was submitted on 19.01.2021. The article was accepted on 22.04.2021.

References

- [1] Azitova G.Sh., Krasnova M.N. Osobennosti sistemy obrazovaniya v Kitae [Features of the education system in China]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2017; 5. (In Russ.).
- [2] Andreev A.I., Andriyanov A.V., Antipov E.A., Pavlova S.M. K sotsialnomu portretu molodogo rossiyanina: opyt issledovaniya kariernykh ustremleniy [On the social portrait of the young Russian: A study of career aspirations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2018; 2. (In Russ.).
- [3] Andreeva E.A. Sovremennye modeli tyutorstva v Rossii, stranakh evropeyskogo soyuza i blizhnego vostoka (sravnitelny analiz) [Contemporary tutoring models in Russia, countries of the European Union and Near East (a comparative analysis)]. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya*. 2011; 2 (5). (In Russ.).
- [4] Barkov S.A., Denilkhanov A.Kh. *Formy organizatsii biznesa* [Forms of Business Organization]. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [5] V ekonomiku poydu: kuda budut postupat vypuskniki 2020 goda [[I will go to the economy: Where the graduates of 2020 will go]. *Izvestiya*. 2020, March 9. (In Russ.).
- [6] Brezgina M.O. Problemy realizatsii sotsialno-professionalnogo statusa vypusknika-otlichnika vuza [The issue of the social-professional status realization for the excellent graduate]. *Diskussiya*. 2013; 41 (11). (In Russ.).
- [7] Gorshkov M.K., Chunlin Li, Golenkova Z.T., Kozyreva P.M. (Eds.). *Rossiya i Kitay: molodezh XXI veka* [Russia and China: Youth of the 21st Century]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [8] Goliusova Yu.V., Li Fengliang. Sotsialno-ekonomicheskie posledstviya izbytochnogo obrazovaniya v Kitae i Rossii [Social-economic consequences of the excessive education in China and Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2015; 13. (In Russ.).
- [9] Grudtsyna L.Yu. Novy kurs dlya zabytogo naroda: plan ekonomicheskoy podderzhki gosudarstvom malogo biznesa kak osnova gosudarstvennoy podderzhki naroda [A new course for the forgotten people: A plan for the state economic support of small businesses as a basis for the state support of the people]. *Obrazovanie i Pravo*. 2020; 2. (In Russ.).
- [10] Dinner I.V. Proforientatsiya kak faktor regulirovaniya migratsionnykh protsessov i rynka truda [Vocational guidance as a factor of migration processes and labor market regulation]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2017; 58 (2). (In Russ.).
- [11] Minazhetdinova A.V. Professionalnaya orientatsiya uchashcheyshya molodezhi v sisteme sotsialno-trudovykh otnosheniy [Vocational guidance of students in the system of social-labor relations]: Avtoref. diss. k.e.n. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [12] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
- [13] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennye plany rossiyskoy studencheskoy molodezhi: gendernye i inye razlichiya v otsenkakh sobstvennykh perspektiv na rynke truda [Russian students' life plans: Gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 3. (In Russ.).
- [14] Obzor mirovykh praktik v oblasti sodeystviya trudoustroystva vypusknikov i otsenka primenimosti ikh v rossiyskiy usloviyakh [A review of the world practices in the field of graduates' employment, and assessment of their applicability in Russia]. URL: <https://deloros.ru/FILEB/fin-1.pdf>. (In Russ.).
- [15] Panov A.M. Zanyatost ne po spetsialnosti na regionalnom rynke [Out-of-qualification employment in the regional labor market]. *Universum: Ekonomika i Yurisprudentsiya*. 2015; 19 (8). (In Russ.).
- [16] Posobiya po bezработitse v Germanii v 2021, 2020 godu: razmer i vidy posobiy dlya nerabotayushchikh grazhdan i migrantov [Unemployment benefits in Germany in 2021, 2020: Size and types of benefits for non-working citizens and migrants]. URL: <https://ru-geld.de/benefits/unemployment.html>. (In Russ.).

- [17] Sidorova A.V. Problema bezrobotitsy sredi vypusnikov vuzov KNR v svete reformy vysshego obrazovaniya [The problem of university graduates' unemployment in PRC under the reform of higher education]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2011; 4. (In Russ.).
- [18] Rynok truda, rabota i zarplata v Germanii — dostoy'naya otsenka professionalizma [The labor market, work and salary in Germany — a worthy assessment of professionalism]. URL: <https://dezona.ru/germany/socium/professii-i-zarplaty.htm>. (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V. Diskursivnye reprezentatsii (kapitalisticheskikh) itogov “kitayskogo ekonomicheskogo chuda” [Discursive representations of the (capitalist) results of the ‘Chinese economic miracle’]. *Russian Sociological Review*. 2020; 19 (2). (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V., Nevzorova N.A. Strukturnye disbalansy kak klyuchevoy faktor bezra-botitsy na rossiyskom rynke truda [Structural imbalances as a key factor of unemployment in the Russian labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 2. (In Russ.).
- [21] Trotsuk I.V., Skrynnikova M.P., Ji Jinfeng. Prioritety kitayskoy molodezhi v professionalnoy sfere i polozhenie molodykh spetsialistov na rynke truda KNR [Priorities of the Chinese youth in the professional sphere and the position of young specialists in the labor market of the PRC]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 12. (In Russ.).
- [22] Energizing the World with Innovation. Global Innovation Index 2018. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4330>.
- [23] Meysen T., Schönecker L., Wrede N. Gesetzliche Altersgrenzen im jungen Erwachsenenalter. *Bundesjugendkuratorium*. 2020; 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-536-542

Social consequences of the 2020 regional elections in Indonesia under the covid-19 pandemic*

V.L. Muzykant, M.A. Muqsith

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: muzykant_vl@pfur.ru; munadhil.muqsith@gmail.com)

Abstract. The article considers the relationship between the 2020 regional elections in Indonesia under the covid-19 pandemic, public space, and political activism in the social media. The covid-19 pandemic has changed the social, political and cultural fabric of the contemporary world. First, the covid-19 threatened the country's healthcare system, then it affected other aspects of social life, including the political sphere. The pandemic has been exacerbated by the spread of misinformation about the covid-19, which is also known as the 'infodemic'. Thus, the covid-19 pandemic influenced the choice of holding elections or delaying it until the situation is under control. The development of the social media encourages political activism in the 'political public sphere' and makes it more diverse in the sphere of egalitarianism. The political public sphere becomes increasingly dynamic and critical to various policies. Indonesia did not postpone the 2020 regional elections under the covid-19 crisis. According to the health protocol, this decision had its pros and cons in the digital space. The authors show that political activists in the social media called for prioritizing health rather than the process of democratization through elections, while the government supporters insisted on having elections even in the covid-19 pandemic situation. Finally, the 2020 regional elections were held but were followed by various incidents. The question is whether the government's argument to hold elections under the covid-19 pandemic was reasonable or, on the contrary, contributed to the wider spread of the covid-19 in Indonesia. Deliberative democracy should consider civil participation as the main pillar of the political system, which is relevant for the new social reality as based on the new social media technologies.

Keyword: regional elections; pandemic; social consequences; covid-19; public sphere; social media; media technology

The covid-19 pandemic implies new challenges for societies and democratic systems all over the world by limiting social interactions — social activities and participation in public events and meetings are under control. The covid-19 pandemic forces various fundamental transformations, especially in healthcare, economic and social systems, including the sphere of civil and collective responsibilities and political rights. The covid-19 pandemic has affected election processes globally, i.e., millions of people as voters became the indirect victims of

* © V.L. Muzykant, M.A. Muqsith, 2021

The article was submitted on 12.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

the pandemic. Later, the state will assess the pandemic impact of the 2020 elections. The International Data for Democracy and Electoral Assistance (IDEA) mentions that at least 113 countries decided to hold national or regional elections despite fears of increasing the spread of the covid-19, while 78 countries decided to postpone elections [7].

The Indonesian government decided to hold regional elections in 2020, although the covid-19 pandemic postponed them. The government, the House of Representative Council (DPR) and the General Election Commission (KPU) of Indonesia agreed to hold the elections in December 2020 despite the fact that this political decision threatened the safety of agreed regulations. The government argued that no one knew when the pandemic would end [10]. The decision to hold regional elections under the pandemic caused public debates: those, who opposed this decision, declared it unrealistic and risky, because the number of positive covid-19 cases in Indonesia was increasing, and the epidemiological experts did not know when the pandemic would end.

On the other hand, the development of the new media technologies is accompanied by the increasingly sophisticated network activism, which produces normative patterns for discussion and critical-rational debate. The new social media destroy boundaries and promote egalitarianism and equality. In Habermas's terms, technologies create a 'political public sphere' that transcends the nation-state and allows the fight for political ideas [8]. Therefore, the authors want to explain how the 2020 regional elections were held in Indonesia under the covid-19 pandemic, and focus on critical debates in the social media to consider the social consequences of the elections. In the social media, the public can present their opinions and arguments, while the government uses various media platforms to promote its policies and regulations.

According to Habermas, public space is a place for information and communication, and a place for public discussion, so the access to this public space is free, because it is a place for freedom of assembly, association and expression — *an ideal communication venue*. The public space has three features: 1) it is an arena for it provides a basis for communities' communication; 2) it is the public itself for it ensures democracy from the grassroots level; 3) it is an agent of conveying aspirations from the top to the bottom [16]. Such social media platforms as Facebook and WhatsApp have revived public spaces by providing an unlimited time and space access which exceeds the technical potential of such conventional public spaces as television and radio [17]. Although the public space is considered an inclusive, egalitarian space and a foundation of democracy, there are both segregation (separation) and negative trends (hate, fraud, fake news, and so on) [15].

The Indonesian government issued the Regulation (Perppu) No. 2 of 2020 to hold the regional elections on December 9, 2020, under the covid-19 pandemic. Previously, the elections were scheduled on September 23, 2020, in 270 regions

(9 governors, 224 regents and 37 mayors). A total of 105,396,460 registered residents had the right to vote [13]. Before the pandemic, the KPU set the stages of the 2020 regional elections. But the necessary political campaigns and voting potentially threatened individual and public health. On September 15, 2020, there were an additional 3,507 new cases, and a total of 225,030 cases with 8,965 fatalities [9]. Many worried that the regional elections in December 2020 would produce a new cluster for the spread of the covid-19.

The number of Internet users in Indonesia increases every year. According to the Indonesian Internet Service Providers Association (APJII), in 2020, the number of Internet users was 196.7 million people, or 73.7% of population, which is by 8.9%, or 25.5 million users, larger than a year before [11]. Users of Java Island still contribute the most to the increase in the number of Internet users (56.4%), followed by Sumatra Island (22.1%), Sulawesi Island (7%), Kalimantan (6.3%), Bali-Nusa Tenggara (5.2%), and Maluku-Papua (3%) [11].

The decision to hold the 2020 regional elections caused public debates in the digital space on its pros and cons. Opponents argued that the decision is unrealistic and risky under the pandemic, while supporters insisted that there was no guarantee that the pandemic would finish quickly. According to the Dorne Emprit Academic (DEA — an online data analysis company based on big data, artificial intelligence and natural learning process [9]) which focused on the key word ‘Pilkada’ on the social media platforms on September 15-22, 2020, there were 208,000 conversations and discussions on 175,000 twitter platforms, 31,000 online news, and 1700 Instagram platforms with the peak on September 21 (112,000 conversations, mainly on Twitter — 101,000, online news — 10,000, and Instagram — 354).

We will consider only the pros and cons of the Indonesian regional elections on Twitter (Table 1). There are five influencers/public figures who wanted the regional elections to be postponed. They have different professional backgrounds, i.e., do not present the position of some particular group. Azyumardi Azra is the biggest employer and academic who criticizes the government policy. He decided not to vote to express solidarity with those who died from or were infected with the covid-19, and argued that the elections endangered the health of voters. Dr. Gunawan and Gia Pratama are doctors who criticize the government and insisted that nobody cared about the elections due to being busy with the pandemic. Farid Gaban is a journalist and political observer, and Jack Sparo Gendeng is a humanist. They tweeted satirically the quotes of the two largest Islamic organizations — Nahdatul Ulama (NU) and Muhammadiyah, which had asked the government to postpone the regional elections to 2021.

Table 2 presents the second cluster of pros based on the calls to the public to follow health protocols during the 2020 regional elections 2020 to stop the spread of the covid-19, and to report any violations in the election process.

Table 1

Cons on Twitter

Influencer	Status	Followers	Retweets	Likes
Azymardi Azra @Prof_Azymardi 21/Sep/2020 18:37	I will not vote in the December 9 regional elections to express my solidarity with those who died from or was infected with the covid-19. Elections under the pandemic are very dangerous for voters' health.	28,247	2,215	6,79
Dr. Gunawan @GundiDr 21/Sep/2020 14:48	How about a win solution, sir @jokowi, all elections are postponed except Solo and Medan? Do you agree? The important thing is that Gibran and Bobby become mayors, other areas don't seem important for you?	39,734	1,899	4,342
Farid Gaban @faridgaban 21/Sep/2020 13:37	NU and Muhammadiyah are nonsense. asking for the election to be postponed. Then what about my son and daughter-in-law who are desperate to become mayor? You have no feelings. The suggestion is yes, the solution	13,599	942	5,139
Jack Separo Gendeng @sudjwotedjo 21/Sep/2020 14:35	NU & Muhammadiyah as large mass organizations asked to postpone the general elections due to the pandemic. This is true for the crowd. The authorities still want the elections to be held. This is truth itself. Let us wait for the third: true truth	1,780,754	868	2,496
Gia Pratama @GiaPratamaMD 21/Sep/2020 19:57	Who cares about elections? Seriously. Those, who are enthusiastic about participating in campaigns, debates, voting, don't care whether there are elections this year	285,880	726	419

Table 2

Pros on Twitter

Influencer	Status	Followers	Retweets	Likes
Polres Trenggalek @1trenggalek 21/Sep/2020 10:01	At the time of the election, follow the health protocol to stop the spread of coronavirus (#TaatProkesSaatPilkada, #TheArieAir, #tjhinfar21)	10,381	103	114
Humas Polres Bukittinggi @Humas_Res_Bkt 21/Sep/2020 10:33	September 23 is the day for announcing the 2020 regional elections' candidates, and September 24 — the day for announcing the candidate pairs' numbers, avoid crowds and keep distance, use a mask and bring a hand sanitizer or wash your hands (#TaatProkesSaatPilkada)	39,734	81	119
Republik Merdeka! Rmol.ID @rmol_id 21/Sep/2020 07:44	Reject postponing of the regional election, Hasto: Leaders must be trained in the midst of the pandemic	13,599	80	186
Prince Spartan @princes_spartan 21/Sep/2020 10:26	We are optimistic about the regional elections in the midst of the covid-19 pandemic, like elections in 40 other countries. Registration of candidates for regional heads in 270 locations is under control. The 2020 regional elections sanctions Perppu is needed, and @kemendagri will soon have a meeting with the DPR	1,780,754	79	87

In addition to the hashtag #TaatProkesSaatPilkada, the pro Twitter accounts used infographics and memes — about the election regulations during the pandemic, applicable articles, and 3M (wearing masks, washing hands, distancing and avoiding crowds) — according to the government's recommendation. The most popular hashtags from the government clusters were #TaatProkesSaatPilkada and #MaklumatKapolriTaatProkes from the public relations network of the police, #PilkadaLanjutProtokolKetat — from the supporters of the regional elections. The most popular public contra hashtags were #PilkadaorMurder and #TundaPilkadaSerentak2020.

The presidential spokesman Fadjoel Rachman explained why the government decided to hold the regional elections in 2020 [1]. First, elections could not be postponed until the end of the pandemic, because the government could not predict this end in Indonesia and the world. Second, elections under the pandemic are possible — Singapore, Germany, France and South Korea held the elections under the strict health protocol. Third, elections were expected to become an innovation [6]. After the 2020 regional elections, the Indonesian government, represented by the Minister of Internal Affairs (Mendagri) Tito Karnavian, informed that the democratic parties in 270 regions were supported by 105 million citizens, and the elections were declared successful — did not produce new covid-19 clusters and involved a high share of voters (76.13%) [18].

However, the situation was different according to the evidence and empirical facts. First, certainly, the elections under the pandemic were not normal: 4 voters died from the covid-19, 70 candidates were tested positive for it, 100 election organizers were infected [6]. There were at least 70,000 campaign activities from September 26 to December, and the number of the covid-19 cases increased significantly from the late November to mid-December 2020 — from 534,266 infected and 16,815 deaths to 650,197 infected and 19,514 deaths [14].

Second, the government insisted on holding the elections by referring to the elections held under the pandemic in other countries such as South Korea and Singapore. Thus, in Katadata (South Korea), the elections were held on April 15, 2020 — when the number of infected decreased by 58% on average; in Singapore, the elections were held on July 10, 2020 — when the average number of cases decreased by 67% [13], i.e., both countries had passed the first wave of the coronavirus outbreak. However, Indonesia held the elections on December 9, 2020 — when the average number of cases increased from September, 28 by 58% [5].

Third, there was no promised success in the innovative election organization. The government does regulate the campaign face-to-face meetings and dialogues on the social media, but on a very limited scale due to the obligation to follow the campaign health protocol if not online. There were many violations, including the face-to-face meetings attended by more than 50 people, not wearing masks and not keeping a social distance [4]. The Election Supervisory Agency (Bawaslu) noted that 43% of the campaign activities of the regional elections' participants were face-to-face meetings, 22% — distribution of campaign materials, 17% — installing props, and only 11% were online activities [2].

In addition, the regional elections led to an increase in the scale of ‘infodemic’ in the political field (post-truth). The Indonesian Anti-Defamation Society (MAFINDO) revealed 47 hoaxes in as if fact-checking articles from April 27 to December 2, 2020. These hoaxes were fake content (34%), manipulated (23.4%), misleading (21.3%), false (17%), artificial or satiric (2.1% each) [3].

Despite the fact that the center of participatory democracy is the citizen, and civil participation is the main pillar of the political system, especially in the era of the new media technology [12], the Indonesian government ignored both the covid-19 outbreak and the public request to postpone the 2020 regional elections. Deliberative democracy has four features: emphasis on the virtue of deliberation to make political decisions, a strong normative character, rejection to reduce politics to the strategic and instrumental, procedural and universalist rationality. The pandemic produced two dilemmas — health vs. economy and health vs. democracy, which are basically political choices. The decision to hold the 2020 regional elections in a crisis situation had to rely on the scientific evidence-based policy and to take into account the public interest. The authorities had to question the very possibility of holding the elections or to transformed the procedure with technology, because election activities inevitably produce crowds which increase the risks of the covid-19 further and wider spread.

According to Jeremy Bentham, the 18th century British philosopher, the highest good is the greatest happiness of people, and the sole purpose of the country, market and scientific community is to increase global happiness. Thus, it is not the people who serve the country, but the country that serves the people.

References

- [1] *Anggraini T.* Hak Pilih Pasien Covid-19 OLEH TITI Anggrain. URL: <https://rumahpemilu.org/hak-pilih-pasien-COVID-19-oleh-titi-anggraini>. (In Indonesian.).
- [2] *Azzahra T.A.* Bawaslu: 43% Kampanye Pilkada 2020 Masih Tatap Muka, Pakai Medsos 11%. URL: <https://news.detik.com/berita/d-5197898/bawaslu-43-kampanye-pilkada-2020-masih-tatap-muka-pakai-medsos-11>. (In Indonesian.).
- [3] Catatan Awal Tahun Perلودem: Refleksi 2020, Teropong 2021 Pelaksanaan Demokrasi di Tengah Pandemi dan Arah Demokrasi ke Depan. *Perdulem*. Jakarta; 2021. (In Indonesian.).
- [4] *Danang M.* Pilkada 2020 di Tengah Pandemi Covid-19. URL: <https://kompaspedia.kompas.id/baca/infografik/kronologi/pilkada-2020-di-tengah-pandemi-COVID-19>. (In Indonesian.).
- [5] *Dewi F.R.* 70 Calon Kepala Daerah Positif Corona, Eks Ketua MK: Besar Pengorbanan untuk Demokrasi. URL: <https://kabar24.bisnis.com/read/20201128/15/1323655/70-calon-kepala-daerah-positif-corona-eks-ketua-mk-besar-pengorbanan-untuk-demokrasi>. (In Indonesian.).
- [6] *Erwanti M.O.* Jubir Jokowi: Pilkada 2020 Tetap Sesuai Jadwal dengan Protokol Ketat. URL: <https://news.detik.com/berita/d-5181604/jubir-jokowi-pilkada-2020-tetap-sesuai-jadwal-dengan-protokol-ketat>. (In Indonesian.).
- [7] *Global Overview of Covid-19 Impact on Elections*. IDEA; 2020.
- [8] Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge; 2015.
- [9] Kholis N. Politik Sains Kebijakan. URL: <http://www.politik.lipi.go.id/kolom/kolom-2/politik-sains-kebijakan/1417-pilkada-serentak-2020-antara-demokrasi-dan-kesehatan-publik>. (In Indonesian.).
- [10] Krisiandi. Komisioner Ungkap 4 Alasan KPU Tetap Gelar Pilkada Saat Pandemi. URL: <https://nasional.kompas.com/read/2020/06/21/22125671/komisioner-ungkap-4-alasan-kpu-tetap-gelar-pilkada-saat-pandemi?page=all>. (In Indonesian.).

- [11] Kumparan O. Jumlah Pengguna Internet Indonesia Tahun 2020 Capai 196,7 Juta, Naik karena WFH. URL: <https://kumparan.com/kumparantech/jumlah-pengguna-internet-indonesia-tahun-2020-capai-196-7-juta-naik-karena-wfh-1uYnJ729dTL/full>. (In Indonesian.).
- [12] Muzykant V., Mfarrej F. Effective readability of news: Comparative analyses of Russian and foreign online newspapers. *Vesntnik Slavyanskikh Kultur*. 2018; 4. (In Russ.).
- [13] Pusparsa Y. Maaf, kami tidak menemukan halaman yang anda cari. URL: <https://katadata.co.id/ariayudhistira/infografik/5f73ddee163a/beda-pemilu-berbagai-negara-saat-pandemi>. (In Indonesian.).
- [14] Rahayu S.R. Ini 6 Kunci Kesuksesan Pilkada Serentak 2020 Versi Mendagri Tito Karnavian. URL: <https://news.detik.com/berita/d-4870812/ini-6-kunci-kesuksesan-pilkada-serentak-2020-versi-mendagri-tito-karnavian>. (In Indonesian.).
- [15] Sabar F. Hoax dan Diskursus Ruang Publik. URL: <https://kupang.tribunnews.com/2017/03/31/hoax-dan-diskursus-ruang-publik>. (In Indonesian.).
- [16] Schluer D.P. *Shaping the Network Society: The New Role of Civil Society in Cyberspace*. London; 2004.
- [17] Subijanto R. Indoprogess. URL: <http://indoprogess.com/2014/04/ruang-publik-dulu-dan-sekarang>.
- [18] Suharso P. *Pemanfaatan Drone Emprit dalam Melihat Trend Perkembangan Bacaan Digital melalui Akun Twitter*. Anuva; 2019.
- [19] Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-536-542

Региональные выборы 2020 года во время пандемии covid-19 в Индонезии и их социальные последствия*

В.Л. Музыкант, М.А. Мукситх

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: muzykant_vl@pfur.ru; munadhil.muqsith@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена анализу региональных выборов 2020 года в Индонезии в условиях пандемии covid-19 и их социальным последствиям, проявившимся в публичном пространстве. Пандемия изменила социальную, политическую и культурную ткань современного мира. Начав с системы здравоохранения, пандемия распространилась на социальные области, спровоцировав политический кризис, и усугубляется распространением дезинформации о коронавирусе, превращаясь в «инфодемию». Пандемия сказалась на проведении выборов, породив многочисленные дебаты об их отсрочке до того времени, пока ситуация не будет взята под контроль. Развитие социальных сетей в Индонезии пробуждает политический активизм — публичная сфера становится все более динамичной, критически относящейся к политике в целом и к проведению региональных выборов в период пандемии. В социальных сетях опубликовано множество мнений «за» и «против» проведения региональных выборов в 2020 году, подчеркивающих приоритет здоровья и безопасности избирателей. Принудительное проведение выборов противоречит процессам демократизации и не соответствует требованиям безопасности избирателей в условиях пандемии covid-19, поэтому региональные выборы в Индонезии сопровождались различными инцидентами. Тем не менее, совещательная демократия считает гражданское участие главным столпом политической системы, что соответствует современным социальным реалиям как основанным на широком распространении новых медиатехнологий.

Ключевые слова: региональные выборы; пандемия; социальные последствия; covid-19; общественная сфера; социальные сети; медиа технологии

* © Музыкант В.Л., Мукситх М.А., 2021

Статья поступила 12.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-543-556

Территориальные образы Казахстана в восприятии студенческой молодежи*

З.Х. Валитова¹, А.Б. Есимова²

¹Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан

²Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
ул. Байтурсынова, 13, Шымкент, 160021, Казахстан
(e-mail: valitova@yandex.ru; ayessimova@gmail.com)

Аннотация. С обретением независимости в Казахстане произошли значительные изменения в территориальном устройстве, что не могло не изменить представления о регионах страны. В статье показано, какие территориальные образы доминируют в представлениях студенческой молодежи, выросшей в условиях суверенного Казахстана. Статья основана на результатах применения метода ментальных карт для страны в целом. Авторы изучали видение территорий страны с двух географических позиций — центра (Караганда) и юга (Шымкент). Исследовательская процедура заключалась в том, что студенты получали задание нарисовать карту страны такой, какой они ее представляют, обозначая важные с их точки зрения территориальные объекты и предлагая слова-ассоциации, наиболее характерные для определенных территорий. В качестве информантов выступили 80 студентов 1–2 курсов, обучающихся в высших учебных заведениях Шымкента и Караганды. В первой части статьи авторы анализируют изображения, представленные на ментальных картах, во второй части — слова-ассоциации, предложенные для каждой области. В результате были выделены три круга территориального видения — ядро, полупериферия и периферия. К ядру авторы отнесли место проживания информантов и города республиканского значения — Алматы и Нур-Султан (южная и северная столицы страны). Доминирующие образы ядра — политические, культурные, топонимические и ресурсные. К полупериферии были отнесены областные центры, для которых характерны природно-ресурсные и природно-климатические образы, к периферии — отдаленные от места проживания информантов города, а также «пустоты» — никак не обозначенные территории. Образы периферии в основном характеризовались климатическими особенностями территорий. Авторы считают, что степень узнаваемости территорий студенческой молодежью отражает иерархическую пространственную структуру, где преобладают статусные города.

Ключевые слова: Казахстан; территории; территориальные образы; слова-ассоциации; ментальная карта; студенческая молодежь; область; город

Представления людей о территориальном устройстве основаны на разных источниках: они формируются с детства, начиная со знакомства с собственным двором, соседними улицами, регулярными маршрутами и т.п., и расширяются при освоении школьных предметов и восприятия материалов средств массовой информации, дополняются собственными практиками.

* © Валитова З.Х., Есимова А.Б., 2021

Статья поступила 12.08.2020 г. Статья принята к публикации 09.02.2021 г.

С обретением независимости в Казахстане произошли значительные изменения в территориальном устройстве: появление новой столицы, переименование части областей и городов, объединение ряда областей, изменение статуса нескольких городов, переименование столицы [9. С. 36–37]. Несмотря на эти изменения, большинство людей, рожденных в советское время, продолжают апеллировать к прежним образам, поэтому интерес представляет молодежь, рожденная в условиях суверенного Казахстана, — ее восприятие территориальных образов.

Мир все чаще «подает» себя изображениями. «Массовость изображений в нашем окружении приводит к тому, что мы наблюдаем окружающую действительность через призму образных стереотипов» [17. С. 7]. Из разных источников выхватываются отдельные клишированные образы территорий. В условиях информационного общества появляется возможность иметь собственные представления даже о тех местностях, где человек не был: виртуальные прогулки в интернет-пространстве, вероятно, позволяют молодым людям создавать собственные представления о регионах. Наш исследовательский вопрос — какие образы доминируют в представлениях студенческой молодежи относительно территорий Казахстана.

Пионерами изучения территориального восприятия были западные ученые. Так, К. Линч ввел метод ментальных карт в изучение образов территориального пространства и разработал методику анализа образа территории, сформировавшегося в сознании ее жителей. В 1960-е годы он исследовал ментальное восприятие города у жителей Лос-Анджелеса, Джерси и Бостона, считая, что «образ одновременно и результат непосредственного ощущения, и память о прошлом опыте, он играет принципиальную роль как в осмыслении информации, так и в руководстве действием... Необходимость распознать и мысленно обрисовать окружающую нас обстановку столь существенна и так глубоко укоренилась в нашем сознании, что такой образ обладает для индивида и практической, и эмоциональной важностью» [23. С. 17].

Ментальная карта — это своеобразный внутренний компас, по которому человек ориентируется в повседневности. Метод ментальных карт достаточно универсален и используется в разных областях — психологии, политологии, социологии, истории, литературе, педагогике и др. [5; 6; 8; 9; 11; 12; 14; 15; 18; 19; 21; 24; 25]. Например, К.А. Лесли отмечает, что «влияние картографических образов на то, как субъекты воспринимают территорию, можно продуктивно теоретизировать, прорабатывая социально-научную концепцию “места”» [22. С. 169]. Б. Алексен и М. Джонс утверждают, что в топографических картах разных частей мира преобладают евроцентрические представления — «все карты являются ментальными в том смысле, что их содержание культурно определено и этноцентрично по происхождению» [18. С. 447]. Вопрос о неточности ментальных карт не ставится, поскольку и в географических картах «приходится мириться с неизбежными искажениями. Придуманно много способов черчения карт, но все карты не свободны от недостатков»

[16. С. 8]. «Ментальные карты применимы к изучению любой местности: мы можем просить информантов изобразить свою деревню или страну, континент или всю землю» [6. С. 27]. Д.Н. Замятин с образно-онтологической позиции рассматривает динамичные пространственные процессы в современных городах, оказывающие существенное влияние на восприятие образов [11]. И.С. Важенина ввела понятие территориальной индивидуальности — то, что отличает одну территорию от другой: официальные «опознавательные» параметры территории/региона (место на карте, топонимика и т.п.) и совокупность особенностей и ресурсов (природно-географические и климатические особенности, сырьевые ресурсы, экология и экономика региона, производственная инфраструктура, традиции и др.) [5]. Соответственно, можно говорить о сосуществовании двух механизмов формирования социальных представлений — спонтанном и целенаправленном (когда официальные лица и СМИ используют различные приемы конструирования образа территории/региона/страны) [24].

За последние годы в Казахстане произошли административно-территориальные изменения: переименование столицы Астаны в Нур-Султан (2019), появление Туркестанской области вместо Южно-Казахстанской (2018), Шымкент (ранее центр Южно-Казахстанской области) стал городом республиканского значения (2018), а областным центром теперь уже Туркестанской области стал Туркестан. Цель статьи — анализ доминирующих территориальных образов в сознании казахстанской студенческой молодежи. Мы не ставили задачу получения репрезентативных данных — только обнаружения стереотипов в представлениях молодежи. В январе 2020 года в Шымкенте и Караганде был проведен опрос 80 студентов (гнездовая выборка) 1–2 курсов вузов, в частности, Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (Шымкент) и Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова. В Шымкенте было опрошено 40 студентов, в основном выходцы из сельской местности (28). Миграционная активность информантов довольно низкая — 42,5% студентов никогда не выезжали на пределы своей области, а те, кто, имеет опыт путешествий, чаще всего посещали Алматы (27,5%). Из 40 опрошенных в Караганде горожане составили 30 человек, миграционная активность респондентов высокая — 87,5%, из них посетили Акмолинскую и Алматинскую области 97,5%.

Мы изучаем видение территорий с двух географических позиций — центра (Караганда) и юга (Шымкент) страны. Выбор вузов этих двух городов связан с тем, что города различаются по многим параметрам: находятся друг от друга на большом расстоянии (около 1500 км), относятся к регионам с различными социально-экономическими и культурными чертами. Караганда — центр индустриального и урбанизированного региона, а Шымкент — преимущественно аграрного региона. Основной состав студентов в Южно-Казахстанском государственном педагогическом университете — из Туркестанской области, в Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова — из Карагандинской области и ряда областей севера страны.

Исследовательская процедура заключалась в том, что информантам были розданы чистые листы А4, на которых их просили нарисовать карту страны в собственном представлении, обозначив важные с их точки зрения территориальные объекты. После того как информанты составили ментальные карты, они получили лист с таблицей областей страны, где их просили написать напротив областей слова-ассоциации, которые наиболее ярко их характеризуют. На каждое задание отводилось от 10 до 15 минут — чтобы ухватить первые представления и мысли информантов. Согласно Таблице 1, территориальные представления информантов отчасти носят инерционный характер — они называют территории, которые претерпели топонимические изменения, хотя частые изменения за короткий период осложняют принятие новых названий.

Таблица 1

Количество областей, изображенных на ментальных картах

	Шымкент		Караганда	
	Область	Количество изображений	Область	Количество изображений
1	Южно-Казахстанская**	4	Карагандинская	13
2	Туркестанская	4	Восточно-Казахстанская	12
3	Восточно-Казахстанская	7	Западно-Казахстанская	11
4	Северо-Казахстанская	7	Северо-Казахстанская	11
5	Западно-Казахстанская	6	Южно-Казахстанская**	7
6	Жамбылская	2	Туркестанская	3
7	Мангистауская	1	Кызылординская	7
8	Карагандинская	1	Алматинская	7
9	Акмолинская	1	Павлодарская	7
10	Алматинская	1	Акмолинская	7
11	Центрально-Казахстанская*	1	Костанайская	7
12			Атырауская	5
13			Актюбинская	5
14			Жамбылская	4
15			Мангистауская	4
16			Шымкентская*	1
17			Семипалатинская*	1

* Области, не существующие на физической карте страны

** Переименована в 2018 году в Туркестанскую, Шымкент вышел из ее состава

Ментальные карты позволяют зафиксировать подходы информантов к изображению территориальной структуры: видимо, это ее пространственное видение, которое отражает знания о территории страны. Первый критерий территориальной узнаваемости — школьные «компасные» знания (восток, запад, север, юг) (Рис. 1): Восточно-, Западно-, Северо- и Южно-Казахстанская области.

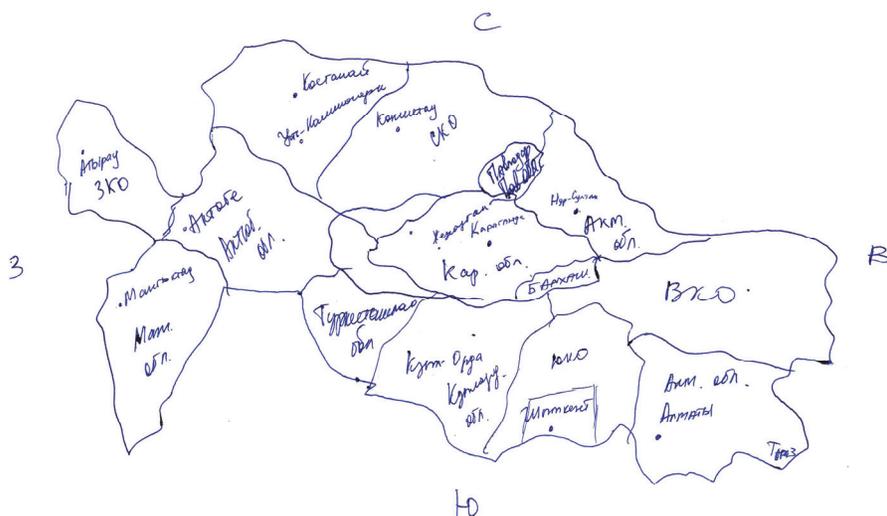

Рис. 1. Ментальная карта № 7

Второй критерий — расстояние: «собственная» область (место, где проживает информант) присутствует на всех ментальных картах, количество изображений «собственных» областей значительно превышает остальные, и чем дальше находятся области от места проживания, тем реже они обозначаются. Вместе с тем были изображены и официально не существующие области — Центрально-Казахстанская, Шымкентская и Семипалатинская: первые две области информанты, вероятно, указали из-за элементарного незнания, а Семипалатинская область действительно существовала, но была присоединена к Восточно-Казахстанской.

Следующие значимые объекты в ментальных картах — города (Табл. 2). Почти все изображенные города являются статусными — республиканского значения или областные центры. У информантов из Шымкента исключение составляют три города — Семей, Риддер, Кентау, а из Караганды — пять: Семей, Балхаш, Темиртау, Байконур, Экибастуз. Всего 5 респондентов отметили Туркестан, который в 2018 году стал областным центром Туркестанской области и не успел занять статусное место в представлениях казахстанцев. Степень узнаваемости городов отражает определенную иерархическую пространственную структуру, где приоритет городов можно определить по частоте их упоминаемости.

Подсчет изображений на ментальных картах показал различия в степени территориальной узнаваемости, что позволило разделить территории на условные ядро, полупериферию и периферию. К ядру были отнесены места проживания информантов и города республиканского значения: их обозначил на ментальной карте каждый второй. Территория проживания является некой начальной точкой, своего рода центром, ядром — от него информант прокладывает расстояние до других точек. Города республиканского значения — столица Нур-Султан (бывшая Астана) и бывшая столица Алматы — как и

родные города, воспринимаются информантами как самые узнаваемые. От ядра, вероятно, во многом зависит видение территориальной структуры страны, понимание ее социального устройства, экономического состояния, культурных особенностей, политических процессов. Ядро, скорее всего, наименее подвержено изменениям в территориальных представлениях информантов [9]. Например, часть информантов все еще воспринимает столицу Нур-Султан как Астану. Так, 23 информанта из Караганды написали на картах «Астана», 10 — «Нур-Султан», а в Шымкенте — 11 и 6 соответственно, что подтверждает инерционность восприятия образов.

Таблица 2

Количество городов, изображенных на ментальных картах

	Шымкент		Караганда	
	Город	Количество изображений	Город	Количество изображений
1	Шымкент	22	Нур-Султан (Астана)	33
2	Нур-Султан (Астана)	19	Караганда	30
3	Алматы	15	Алматы	25
4	Павлодар	7	Шымкент	13
5	Караганда	5	Петропавловск	12
6	Актау	4	Павлодар	12
7	Кызылорда	4	Усть-Каменогорск	11
8	Актобе	4	Актау	11
9	Тараз	3	Атырау	11
10	Туркестан	3	Костанай	11
11	Петропавловск	3	Тараз	11
12	Семей	2	Актобе	8
13	Кокшетау	2	Кокшетау	8
14	Атырау	2	Уральск	8
15	Усть-Каменогорск	2	Жезказган	7
16	Костанай	1	Кызылорда	6
17	Уральск	1	Семей	6
18	Талдыкорган	1	Балхаш	3
19	Риддер	1	Талдыкорган	2
20	Кентау	1	Темиртау	2
21			Туркестан	2
22			Байконур	2
23			Экибастуз	1

Узнаваемость остальных регионов резко снижается, что позволяет отнести их к полупериферии и периферии. Для информантов из Караганды полупериферийными являются города Шымкент, Павлодар, Петропавловск, Усть-Каменогорск, Актау, Атырау, Костанай и Тараз, а для информантов из Шымкента — Павлодар, Караганда, Актау, Кызылорда и Актобе. К воображаемой полупериферии относятся, прежде всего, областные центры, с которыми налажено транспортное сообщение, и известные образовательные и индустриальные центры, а к периферии — отдаленные от места проживания информантов города и «невидимые» места, «пустоты», которые информантами на картах никак не обозначены. У студентов из Шымкента на 19 картах

отсутствуют обозначения на западе страны, на 14 картах — на востоке, на 13 — на севере, на 9 — в центре страны. Информанты из Шымкента изобразили 8 «пустых» карт: на 4 обозначены только границы страны, на 3 — лишь Каспийское море, на 1 — Каспийское море и Шымкент (Рис. 2). В половине ментальных карт информантов из Караганды некоторые регионы не обозначены на западе или востоке страны — они лучше «видят» центр, север и юг, а информанты из Шымкента — юг и центр.

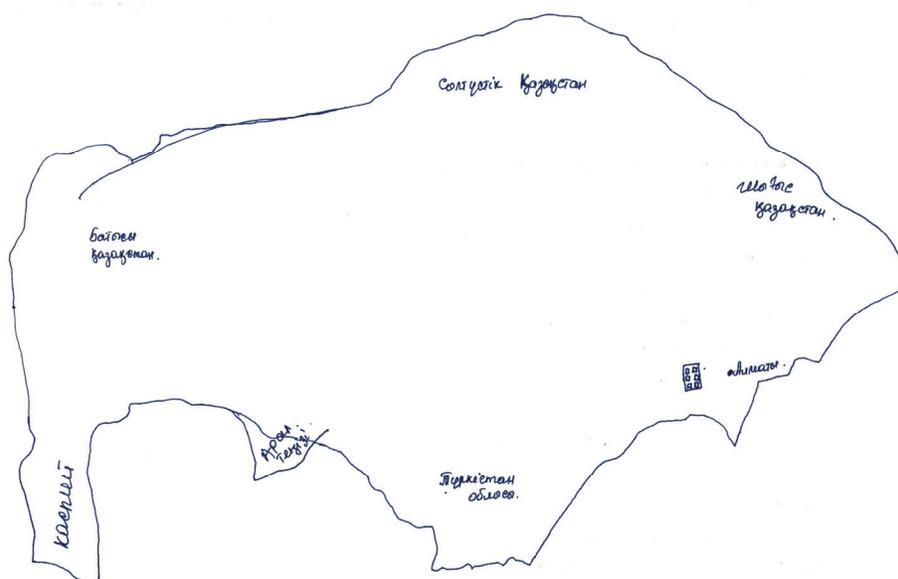

Рис. 2. Ментальная карта № 30

Информативно не только количество упоминаний регионов, но и размещение их на карте, и на ряде ментальных карт наблюдаются значительные искажения, свидетельствующие об особенностях территориальных представлений. Так, информанты из Караганды и Шымкента (3 и 2 ментальные карты соответственно) Нур-Султан разместили близко к северной границе, хотя столица расположена в центральной части, на 2 картах карагандинцев столица оказалась южнее Караганды; южные Кызылорда и Алматы на картах шымкентцев оказались в центре страны, а центрально-казахстанская Караганда — на востоке; на большинстве карт карагандинцы меняют местами Петропавловскую, Павлодарскую и Костанайскую области.

Заполнение объектами ментальных карт также различается. Кроме обозначения областей и городов, студенты изобразили водные пространства, чаще это Каспийское море (28 информантов из Караганды, 22 — из Шымкента), далее идут озеро Балхаш (19 и 9) и Аральское море (16 и 5), а названия гор и рек встречаются редко. Кроме того, студенты чаще обозначают города, чем области, — по всей видимости, города несут всю имиджевую «нагрузку» и репрезентируют соответствующий регион.

Ментальные карты демонстрируют узость восприятия территориальных образов молодежью. Вероятно, одна из причин — незнание историко-фактологических оснований и социально-политической реальности, отсутствие опыта путешествий и общения с людьми из других регионов и др. Вместе с тем следует признать осознание молодыми людьми региональных различий внутри огромной страны — экономических, природно-ресурсных, климатических, демографических, архитектурных. «Ментальные карты как инструмент изучения представлений о пространстве выдвинули на передний план образы, которые... обладают физическими референтами с конкретными объектами и локациями, но, тем не менее, к ним не сводятся. В отличие от физической реальности, социальная не обладает абсолютной однородностью, напротив, склонна сжиматься и растягиваться в зависимости от ситуативных факторов» [7. С. 50].

Важно не только наличие географического объекта на ментальной карте, но и его смысловая наполненность. Студентам было дано задание записать те спонтанные ассоциации, которые приходят им в голову при упоминании наименований областей. Анализ слов-ассоциаций для областей и трех городов республиканского значения показал, что по наполненности ассоциативного ряда лидирует область, в которой проживает информант. Так, у студентов из Шымкента число ассоциаций с городом — 83, из них 21 слово относится к топонимике: недавно открытая пешеходная улица Арбат (6), торговый центр Шымкент-Плаза (5), третий мегаполис (5) и собственный вуз — ЮКГПУ (5). Образ родного региона наиболее эмоционально-положителен: родной, красивый, дом, родина, место больших возможностей, место рождения, моя родина. У карагандинцев также доминирует своя Карагандинская область — 115 ассоциаций, среди которых чаще упоминаются природно-ресурсные, индустриальные, топонимические и эмоциональные характеристики: уголь (14), дом (10), шахтеры (8) родной город (8) семья (5), Караганда (4), шахты (4), Жезказган (3), Темиртау (3), родина (2), Балхаш (2) и др.

Следующими по содержательности имиджевых характеристик у информантов из Шымкента стали Нур-Султан (110 слов) и Алматы (80): столица ассоциируется с монументом Байтерек (31), а Алматы — это горный каток Медеу (15), гора Коктобе (10), яблоки апорт (6). У информантов из Караганды также лидируют нынешняя (северная) и бывшая (южная) столицы — Нур-Султан (125) и Алматы (114). Столица чаще вызывает ассоциации, связанные со статусностью, динамизмом большого города, политическим центром, архитектурой и климатом: столица (16), Астана (9), Байтерек (8), холод (6), Экспо–2017 (5), ветер (4), президент (3), торговый центр Хан-Шатыр (3), красивые здания (3), торговый центр Мегасилквэй (3), резиденция президента Аккорда (2), бывшая Акмола (2), Целиноград (2), возможности (2), высокие здания (2), деньги (2) и др. Ассоциации для бывшей столицы Алматы — горы (15), Медео (9), апорт яблоки (7), веселье (3), вторая столица (2), Большое Алматинское озеро (2), Коктобе (2), город-миллионник (2), блогеры и вайнеры

(2), город республиканского назначения (2), тепло (2), а также ассоциации, характеризующие Алматы как культурный центр.

Слова-ассоциации для городов Нур-Султан и Алматы переносятся и на их области — Акмолинскую и Алматинскую: они оказались в тени городов республиканского значения, которые «позволяют всему остальному сиять и наполняться значением» [3. С. 114]. Так, Алматинскую область (39 слов) символизируют, как и Алматы, яблоки апорт (6) и Коктобе (5); Акмолинскую область (19) — Нур-Султан и Астана. У карагандинских информантов ассоциации для Акмолинской области также ограничиваются столицей (18), Астаной (7), Нур-Султаном (5), Байтереком (5), холодом (5), Целиноградом (2) и Акмолой (2). И только единичные описания характерны для Акмолинской области — красивая природа (2), Кокшетау (2), Щучинск, курортный отель Дискавери-Боровое, национальный парк Боровое и т.д. Аналогична характеристика Алматинской области — преобладают слова-ассоциации, описывающие Алматы: горы (19), Алматы (11), яблоки (5), Медео (5), тепло (5), вторая столица (2) и т.п., и лишь несколько скудных описаний области в целом — Чарынский каньон (2), жара, источники, озера, город Талдыкорган, граница с Китаем, каньон.

У карагандинских информантов следующими по узнаваемости стали Туркестанская область и Шымкент (66 и 60 слов-ассоциаций). Шымкент вызывает следующие ассоциации: жара (8), тепло (4), традиции (4), узбеки (2), кража невест (2), большой город (2); Туркестанская область — мавзолей (8), юг (5), история (4), Туркестан (3), культурные памятники (3), мечети (3), мавзолей Яссауи (2), жара (2), тепло (2), древний город Туркестан (2) и др. У информантов из Шымкента на третьей позиции находится Туркестанская область (69 слов-ассоциаций), ее ассоциативная насыщенность объясняется тем, что среди информантов оказалось 70% выходцев из ее районов.

Наименьшее число слов-ассоциаций у студентов из Шымкента оказалось с Костанайской (13 слов) и Актюбинской (17) областями: Костанайская область — это, прежде всего, погодные условия — неприятный климат, очень холодно, постоянные ветра, а также пшеница (2), то Актюбинская — четвертый мегаполис (2). Меньше всего ассоциаций у карагандинских студентов относительно южных областей — Жамбылской (35) и Кызылординской (30), они ограничены преимущественно климатическими характеристиками: Жамбылская область — это Тараз (5), тепло (4), юг (4), жара (3), Кызылординская — жара (7), тепло (2) и т.п.

Относительно большинства областей-регионов страны в ассоциациях карагандинских студентов доминируют топонимические, природно-ресурсные и климатические характеристики. Восточно-Казахстанская область (57 слов) — Семей (4), горы (4), красивая природа (4), Усть-Каменогорск (2), красивые пейзажи (2); Павлодарская (56) — рэпер Скриптонит (7), север (5), холод (4), национальный парк Баянаул (4); Костанайская (43) — Костанай (3), Боровое (3), север (3), Костанайская Академия МВД (2), лес (2); Северо-Казахстанская

(43) — холод (6), граница с Россией (6), леса (5), Петропавловск (3). Запад страны, представленный Западно-Казахстанской (46), Атырауской (40), Мангистауской (36) и Актюбинской (36) областями, характеризуется в основном такими ассоциациями, как нефть и Каспийское море.

Как правило, студенты ассоциируют области с их индустриальной и аграрной базой. Если у шымкентских информантов Карагандинская область (45 слов) — это уголь (11), то Западно-Казахстанская (30), Мангистауская (28) и Атырауская (22) — нефть. Другое ассоциативное представление — климатическое: так, Северо-Казахстанская (31) и Павлодарская (33) области ассоциируются с холодом и снегом.

Ментальные образы отдельных регионов выглядят «обезличенными» — среди слов-ассоциаций очень мало имен. В частности, информанты из Караганды назвали Н. Назарабаева, О. Сулейменова и Скриптонита (9), из Шымкента — Н. Назарбаева, М. Макатаева, Асфендиярова, Г. Головкина, К. Сатпаева, Ж. Жабаяева, Абая Кунанбаева, Ш. Кудайбердыулы, А. Ниязымбетова и Скриптонита (3), Байдибека би (6). В совокупности все эти имена упомянули лишь 10 информантов из Караганды и 5 из Шымкента. Лидирует Скриптонит (сценический псевдоним рэпера) — его назвали 12 информантов, что, видимо, связано с возрастом и увлечениями информантов. В словах-ассоциациях мало имен выдающихся деятелей-уроженцев той или иной области: можно предположить, что такие личности представляют всю страну, а не отдельный регион.

Среди ассоциаций доминируют топонимические, природно-климатические и природно-ресурсные. Вероятно, эти образы основаны на школьных знаниях, полученных на уроках географии и истории. Сопоставление ассоциаций с ментальными картами показывает: чем чаще изображен регион, тем больше и шире образные представления о нем — это подтверждает феномен территориальной индивидуальности. Образы территорий связаны с их «опознавательными» особенностями и ресурсами [5. С. 36].

В ментальных картах и слова-ассоциациях чаще фигурируют города и признаки городского пространства, хотя среди информантов немало выходцев из сельской местности: образовательные учреждения, торговые и развлекательные центры, высотные здания, парки и скверы, городские улицы. «Уличное... пространство — это лицо города, отражение сути городской жизни, место шопинга, променада и т.п. В сельской местности такое пространство, как правило, отсутствует. Есть свой дом, двор. Все, что за ним, — чужое» [1. С. 50]. Несмотря на сельское происхождение половины информантов, по их ментальным картам создается впечатление, что они не имеют отношения к сельской местности. Можно предположить, что стремление сельчан к урбанистической идентификации побуждает их акцентировать внимание на городских объектах и прелестях торгово-развлекательного мира.

Исследование показало и различную «видимость» регионов, которая зависит от места нахождения наблюдателя. Жители центра страны обозначили

большее число регионов как на ментальных картах, так и в словах-ассоциациях, тогда как жители юга в силу своего географического положения (периферия) не «видят» так много, как жители центра. Различия в «видимости» регионов усиливаются протяженностью страны и сложной транспортной логистикой (чтобы посетить регион, приходится прокладывать маршрут через Алматы или Нур-Султан).

Место проживания информантов, а также города республиканского значения Алматы и Нур-Султан являются своего рода ядром, от которого рассеивается внимание к территориям. От него зависит, что воспринимается как полупериферия и периферия. Основными характеристиками ядра, в частности столиц, является экономическая, социальная, культурная, политическая аттрактивность — эти центры монополизируют медийное внимание, сосредотачивают интересы разных групп — от занятости до досуга, как воздушные и наземные транспортные узлы связывают регионы страны. Доминирующие образы ядра — политические, культурные, топонимические и ресурсные.

К полупериферии относятся областные центры — образовательные и промышленные центры, с которыми налажено интенсивное наземное транспортное сообщение: «во внутриреспубликанской миграции наиболее интенсивный обмен происходит между соседними экономическими районами и областями» [10. С. 45]. По сравнению с ядром они менее привлекательны в социально-культурном и экономическом отношении, поэтому для них характерны природно-ресурсные и климатические образы. К периферии относятся отдаленные от места проживания информантов города, с которыми не налажено транспортное сообщение, и «пустоты»: они почти «невидимы» и потому получают наименьшее число слов-ассоциаций, в основном климатического характера.

В результате миграционные потоки в стране отражают иерархичное территориальное восприятие молодежи. Миграция в Казахстане имеет «два полюса притяжения»: новая столица Нур-Султан (Астана) и прежняя столица Алматы [10. С. 45; 13]. «Внутренние миграционные потоки не способствуют смягчению территориальных диспропорций в распределении населения» [2. С. 50]. Физическое пространство является отражением социального, следовательно, социальное неравенство воспроизводится в территориальном. Согласно П. Бурдьё, «в иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции... вызывающей устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир» [4. С. 36]. Степень узнаваемости территорий отражает иерархическую пространственную структуру представлений авторов ментальных карт и ассоциаций.

Библиографический список

- [1] *Алексеевко А.Н.* Миграция и эволюция визуального пространства Усть-Каменогорска // Вестник ТГУ. История. 2015. № 5.

- [2] *Архангельский В.Н., Денисенко М.Б., Елизаров В.В., Жусупов Б.С., Молдакулова Г.М.* Мы, Казахстан. Анализ положения в области народонаселения Республики Казахстан. Нур-Султан, 2019.
- [3] *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
- [4] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [5] *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Территориальная индивидуальность региона // Журнал экономической теории. 2017. № 3.
- [6] *Веселкова Н.В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31.
- [7] *Глазков К.П.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3.
- [8] *Гравер А.А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3.
- [9] *Есимова А.Б., Валитова З.Х.* Представления студенческой молодежи Казахстана о регионах страны (опыт использования ментальных карт) // Социологические исследования. 2018. № 4.
- [10] *Жусупова А.С., Кенесов А.А.* Внутренние мигранты и современный Казахстан // Вестник КазНУ. Серия: Философия. Культурология. Политология. 2012. № 3.
- [11] *Замятин Д.Н.* Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Политические исследования. 2018. № 3.
- [12] *Замятина Н.Ю.* Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4.
- [13] *Махмутова М.* Статистика внутренней миграции и молодежной миграции в г. Алматы // Demoscope Weekly. 27.01.2014.
- [14] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Образы стран-соседей в восприятии студенческой молодежи (по результатам социологических исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 4.
- [15] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социологическая оценка образов стран-соседей в восприятии российской студенческой молодежи: методические и содержательные компоненты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 4.
- [16] *Перельман Я.И.* Занимательная астрономия. М., 2019.
- [17] *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М., 2007.
- [18] *Axelsen B., Jones M.* Are all maps mental maps? // GeoJournal. 1987. Vol. 14. No. 4.
- [19] *Clowes E.W.* Branding Tiumen': Official image and local initiatives // Region. 2016. Vol. 5. No. 2.
- [20] *Erforth B.* Mental maps and foreign policy decision-making Eurafrique and the French military intervention in Mali // European Review of International Studies. 2016. Vol. 3. No. 2.
- [21] *Henrikson A.K.* The geographical "mental maps" of American foreign policy makers // International Political Science Review. 1980. Vol. 1. No. 4.
- [22] *Leslie C.A.* Territoriality, map-mindedness, and the politics of place // Theory and Society. 2016. Vol. 45. No. 2.
- [23] *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge–London, 1960.
- [24] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth // RUDN Journal of Sociology. 2017. Vol. 17. No. 3.
- [25] *Siwek T., Bogdova K.* České kulturně-historické regiony ve vědomí svých obyvatel // Sociologický Časopis — Czech Sociological Review. 2007. Vol. 43. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-543-556

Territorial images of Kazakhstan in the perception of the student youth*

Z.Kh. Valitova¹, A.B. Yessimova²

¹Academician E.A. Buketov Karaganda State University
Universitetskaya St., 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan

²South-Kazakhstan State Pedagogical University
Baytursynova St., 13, Shymkent, 160021, Kazakhstan
(e-mail: valitova@yandex.ru; ayessimova@gmail.com)

Abstract. Since gaining independence, Kazakhstan has undergone significant changes in the territorial structure, which affected social representations of its regions. The authors reconstruct the dominant territorial images of the younger generations that grew up in independent Kazakhstan. The article is based on the results of the mental maps method applied for revealing images of the country. The authors studied the representations of the country's territories from two geographical positions — the center (Karaganda) and the south (Shymkent). According to the research procedure, the informants drew their version of the country's map with the most important territorial objects, and proposed associations for the features of certain territories. 80 first- and second-year students were questioned in the higher educational institutions of Shymkent and Karaganda. In the first part of the article, the authors examine the images presented on mental maps, in the second part — associations for regions of the country. Thus, the authors identify three circles of the territorial vision: core, semi-periphery and periphery. The core consists of the place of residence and the cities of republican significance — Almaty and Nur-Sultan (the so-called southern and northern capitals). The dominant images of the core are political, cultural, toponymical and resource. The semi-periphery consists of regional centers with the natural-resource and climatic images, the periphery — of cities far from the students' place of residence and of the “voids” — territories not indicated on the map. The images of the periphery reflect mainly the climatic features of territories. The authors argue that the ‘recognizability’ of territories in the perception of the student youth reflects a certain hierarchical spatial structure in which the status cities dominate.

Key words: Kazakhstan; territories; territorial images; associations; mental map; student youth; region; city

References

- [1] Alekseenko A.N. Migratsii i evoliutsiia vizualnogo prostranstva Ust-Kamenogorska [Migration and evolution of the visual space of Ust-Kamenogorsk]. *Bulletin of the Tomsk State University. History*. 2015; 5 (37). (In Russ.).
- [2] Arkhangelsky V.N., Denisenko M.B., Elizarov V.V., Zhusupov B.S., Moldakulova G.M. *My, Kazakhstan. Analiz polozheniia v oblasti narodonaseleniia Respubliki Kazakhstan* [We, Kazakhstan. Analysis of the Demographic Situation in the Republic of Kazakhstan]. Nur-Sultan; 2019. (In Russ.).
- [3] Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
- [4] Bourdieu P. *Sociologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow; 1993. (In Russ.).
- [5] Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Territorialnaia individualnost regiona [Territorial individuality of the region]. *Journal of Economic Theory*. 2017; 3. (In Russ.).

* © Z.Kh. Valitova, A.B. Yessimova, 2021

The article was submitted on 12.08.2020. The article was accepted on 09.02.2021.

- [6] Veselkova N.V. Mentalnye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispolzovaniia [Mental maps of the city: Issues of methodology and practical application]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. 2010; 31. (In Russ.).
- [7] Glazkov K.P. Mentalnye karty: sposoby analiza, pogreshnost i prostranstvennaia metrika [Mental maps: Ways of analysis, errors, and space metrics]. *Sociology of Power*. 2013; 3. (In Russ.).
- [8] Graver A.A. Obraz, imidzh i brend strany: ponyatiya i napravleniya issledovaniy [Image and brand of the country: Concepts and directions of research]. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2012; 3. (In Russ.).
- [9] Yessimova A.B., Valitova Z.Kh. Predstavleniia studentcheskoi molodezhi Kazakhstana o regionakh strany (opyt ispolzovaniia mentalnykh kart) [Representations of the Kazakhstan student youth about the regions of the country (the research based on mental maps)]. *Sociological Studies*. 2018; 4. (In Russ.).
- [10] Zhusupova A.S., Kenesov A.A. Vnutrennie migranty i sovremenny Kazakhstan [Internal migrants and contemporary Kazakhstan]. *Bulletin of the Al-Farabi Kazakh National University. Philosophy. Cultural Studies. Political Science*. 2012; 3. (In Russ.).
- [11] Zamyatin D.N. Postgorod: prostranstvo i ontologicheskie modeli voobrazheniia [Post-city: space and ontological models of imagination]. *Political Studies*. 2018; 3. (In Russ.).
- [12] Zamyatina N.Yu. Smysl polozheniia: mesto v mentalno-geograficheskikh prostranstvakh [The meaning of position: The place in mental-geographical spaces]. *International Journal of Cultural Studies*. 2011; 4 (5). (In Russ.).
- [13] Makhmutova M. Statistika vnutrennei migratsii i molodezhnoi migratsii v g. Almaty [Statistics of internal migration and youth migration in Almaty]. *Demoscope Weekly*. 27.01.2014. (In Russ.).
- [14] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Obrazy stran-sosedey v vospriyatii studentcheskoy molodezhi (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Images of neighboring countries in the perception of students (results of sociological studies)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2011; 4. (In Russ.).
- [15] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsiologicheskaya otsenka obrazov stran-sosedey v vos-priyatii rossiyskoy studentcheskoy molodezhi: metodicheskie i soderzhatelnye komponenty [Sociological evaluation of neighbor countries' images as perceived by Russian students: Methodological and content components]. *RUDN Journal of Sociology*. 2012; 4. (In Russ.).
- [16] Perelman Ya.I. *Zanimatel'naiia astronomiia* [Entertaining Astronomy]. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [17] Sztompka P. *Vizual'naiia sotsiologiia. Fotografiiia kak metod issledovaniia* [Visual Sociology. Photography as a Method of Research]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [18] Axelsen B., Jones M. Are all maps mental maps? *GeoJournal*. 1987; 14 (4).
- [19] Clowes E.W. Branding Tiumen: Official image and local initiatives. *Region*. 2016; 5 (2).
- [20] Erforth B. Mental maps and foreign policy decision-making eurafrique and the French military intervention in Mali. *European Review of International Studies*. 2016; 3 (2).
- [21] Henrikson A.K. The geographical "mental maps" of American foreign policy makers. *International Political Science Review*. 1980; 1 (4).
- [22] Leslie C.A. Territoriality, map-mindedness, and the politics of place. *Theory and Society*. 2016; 45 (2).
- [23] Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge–London; 1960.
- [24] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3).
- [25] Siwek T., Bogdova K. České kulturně-historické regiony ve vědomí svých obyvatel. *Czech Sociological Review*. 2007; 43 (5).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-557-566

Генезис социологии медиапространства*

Ф.И. Шарков^{1,2}, В.В. Силкин²

¹Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119606, Россия
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@igsu.ru)

Аннотация. Социология медийного пространства (медиапространства) — новое и не устоявшееся социологическое направление, как и базовая отрасль социологического знания — социология пространства. Если предметом исследования социологии пространства является природная структура, в которой формируются общественные связи и отношения, то социология медиапространства рассматривает его как часть социального пространства, но не как некую протяженность, а как метафору. Природная протяженность превращается в социальное пространство, когда в нем размещаются люди и начинают им пользоваться. На пространство накладываются социальные границы и смыслы, превращающие его в социальный феномен. Хотя социология медиапространства все еще находится в стадии становления, нет никаких сомнений в том, что средства массовой информации (СМИ), размещая сообщения в социальном пространстве, внесли значительный вклад в развитие общественных связей и отношений, а также социологической науки. Медиапространство — это платформа, на основе которой осуществляются коммуникации в обществе, ключ к его развитию и позитивному влиянию на жизнь личностей, групп и организаций. Все социальное расположено в пространственно-временном континууме, и социологический подход к теории сетевого медиапространства основан на предположении, что существует устойчивая связь между сетевыми медиакommunikациями и социальными изменениями. Становление социологии медиапространства происходит не путем «отпочкования» от социологии пространства: развивающееся медийное пространство, изучаемое с помощью социологических методов, проявляется в своих социальных координатах — так расширяется социологическое знание, которое рассматривает не только различные аспекты размещения социального в пространстве, но и особенности формирования специальных контентов и их прохождения по информационной цепи, созданной посредством конвергенции различных СМИ и разных способов распространения информации.

Ключевые слова: пространство; социальное пространство; медиапространство; генезис; СМИ; социология пространства; социология медиапространства; сетевое медиапространство

* © Шарков Ф.И., Силкин В.В., 2021

Статья поступила 02.06.2021 г. Статья принята к публикации 14.07.2021 г.

Несмотря на то, что социальное пространство сегодня насыщается контентом в основном посредством цифрового поля, формируемого в медиапространстве, в России (как и в мире) проведено лишь несколько академических исследований медиапространства [2; 20]. Актуальность изучения свойств сетевого медиапространства и генезиса социологии медиапространства трудно переоценить, однако интерпретации понятия «медиапространство» неоднозначны. Хотя медиапространство включает в себя практически любые социальные события, явления и процессы, а медиа функционируют в социальном пространстве, проведено лишь несколько фундаментальных и прикладных социологических исследований медиапространства. Даже само понятие «социология медиапространства» (тем более «социология сетевого медиапространства») отечественные и зарубежные авторы используют исключительно редко.

Для обоснования основных концептов социологии медиапространства охарактеризуем предметное поле социологии пространства. Одним из первых ее представителей можно назвать Г. Зиммеля, который ввел само это понятие в 1903 году в работе «Социология пространства». Он отмечал, что любая социальная организация предполагает пространственную организацию явлений и процессов. Органы управления вынуждены осуществлять территориальный контроль, а коммуникация между субъектами зависит от их пространственного расположения. Понимание пространства в социологии отличается от его физического толкования: пространство используется людьми для социальных целей и в процессе жизнедеятельности обрамляется разными границами. Социальное пространство зависит от конфигурации и исключительности физического пространства, а также разнообразия характеристик людей и сообществ, заселяющих различные территории. В отличие от естественных границ, социальная граница — это «не пространственный факт с социологическими последствиями, а социологический факт, который формируется пространственно», т.е. социальные границы обеспечивают особые конфигурации опыта и взаимодействия [25].

Ф. Теннис рассматривал социальное пространство в контексте общей социологии как науки о человеческой витальности, изучающей взаимоотношения людей друг с другом в пространстве и во времени [12]. А. Лефевр [27] полагал, что (социальное) пространство — это (социальный) продукт, или третье пространство — жизненное пространство, которое является социальным продуктом. П. Бурдье в книге «Физическое и социальное пространство» уточнил соотношение физического и социального пространства: «Социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным... Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как, например, кабилский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных

отношений» [3. С. 39–40]. Соответственно, пространственное измерение физического/социального мира обладает тремя характеристиками: исключительность, подвижность или неподвижность (мобильность), дистанция [30].

А.Ф. Филиппов выделяет следующие основные признаки социального пространства: порядок социальных позиций, например, статусов, сосуществующих таким образом, что занятие одной позиции исключает занятие другой, подобно тому как в физическом пространстве вещи одной и той же природы не могут занимать в одно и то же время одно и то же место; характеристика пространства (зоны, территории, места, региона), поскольку его составляющие (границы, объекты) имеют социальное происхождение; физическое пространство, поскольку на него проецируется принцип распределения и соотношения социальных позиций [14. С. 4].

Таким образом, социальное пространство — это «сложный многоаспектный пространственно-временной конструкт, включающий внешние, собственно социальные и персональные, личностные поля и объективные и субъективные параметры времени. Психологическая сущность данного конструкта связана с субъективным отношением к его составляющим, выражающимся в социальных и персональных переживаниях, ценностях и интенциях» [8]. Следовательно, необходимо рассматривать становление и развитие социологии медиапространства, отталкиваясь от базовых определений физического и социального пространства и фокусируясь на взаимосвязях медиапространства и общества: способах, посредством которых медиапространство влияет на социальные процессы, жизнедеятельность личностей и организаций; факторах, превращающих социальное пространство в медийное; свойствах цифрового сетевого пространства, которые позволяют размещать в нем различные медиаконструкты, вбирающие в себя физических носителей и размещаемые с их помощью контенты.

Социальная жизнь существует в пространстве и протекает в определенных временных границах. Современное социальное пространство, в которое «вдыхают жизнь» медийные средства (прежде всего СМИ) уже не является только физическим пространством, но медиапространство разнообразными способами связано с реальным пространством и изменяет со временем опыт людей и сообществ, чья жизнедеятельность осуществляется в физическом пространстве, накладывая на природное (физическое) пространство социальные границы и смыслы, когда люди и сообщества вступают во взаимодействие. В домедийную эпоху социальные пространства были ограничены своими физическими пределами. «Третья волна» [13], «четвертая волна» [18] и цифровизация [26] расширили границы формирования и развития социального пространства, породив и «цифровой поворот в социологии», требующий сместить акцент глобальных технологических преобразований с рациональности, прагматизма и меркантилизма. Соответственно, социология изучает как цифровые методы познания социального, так и социальные аспекты цифровизации, ее факторы и последствия для человека, социальных групп и общества в целом.

Понятие «медиапространство» получило лаконичное определение в словаре «Коммуникология» в 2009 году [17]: «социальное пространство, формируемое и информационно-насыщаемое средствами массовой информации». С одной стороны, именно в физическом пространстве размещаются технические медиасредства, посредством которых распространяется информация в социальном пространстве. С другой стороны, медиапространство как элемент социального пространства представляет собой особую среду, в которой осуществляются общественные связи и отношения, взаимодействия, в которые могут быть вовлечены любой человек, общность и общество. Медиапространство формируется на «скрепах» социального пространства: множество медиаполей, охватывающих некую социальную совокупность, «скрепляют» носителей информации в социальное информационное пространство — это не социальное пространство в чистом виде, а та его часть, в которой люди получают информацию и воспринимают воздействие медиа (различая СМИ и медиа, следует признать, что воздействие медиа шире, чем влияние СМИ).

Современное медиапространство формируют традиционные, новые и конвергентные медиа, в частности, блоги, подкасты, вики, Википедию. В литературе и электронных источниках эти понятия трактуются вольно и не всегда обоснованно, поэтому необходимо уточнить их значения. Блоги — это комментарии или новости на определенную тему (например, еда, политика или местные новости), некоторые блоги функционируют как личные онлайн-дневники. Типичный блог объединяет текст, изображения и ссылки на другие блоги, веб-страницы и другие СМИ, связанные с его темой. Videоблог использует видео в качестве основного контента: типичная запись видеоблога объединяет встроенное видео или видеосвязь с поддерживающим текстом, изображениями и метаданными.

Подкастинг — это способ распространения мультимедийных файлов (аудиопрограммы или музыкальные клипы) с использованием форматов RSS или Atom Syndication для воспроизведения на мобильных устройствах и компьютерах. Термин «подкаст», как и радио, может означать как содержание, так и способ доставки сообщения, но подкаст может загружаться автоматически — с помощью программного обеспечения, способного читать RSS-каналы или каналы Atom.

Вики (wiki) — это часть серверного программного обеспечения, которое позволяет пользователям создавать и редактировать содержимое веб-страниц с помощью любого веб-браузера. Wiki поддерживает гиперссылки и имеет простой текстовый синтаксис для моментального создания новых страниц и перекрестных ссылок между ними. Wiki — необычный механизм групповой коммуникации в том смысле, что позволяет редактировать и дополнять вклады в контент.

Википедия — это международный веб-проект свободной энциклопедии контента. Он существует как wiki — веб-сайт, который позволяет посетителям редактировать его содержимое. Википедия составляется совместно добровольцами, что позволяет изменять большинство статей любому, кто имеет

доступ к веб-сайту. Интернет делает каждого издателем и библиотекарем в том смысле, что каждый может как производить, так и извлекать беспрецедентное количество информации [22. С. 4–5].

Медиапространство активируется в социальном пространстве лишь благодаря воздействию контента медиаисточников — активные элементы социальной структуры активизируют медиапространство. Оно проявляется в пределах конкретного социального пространства в виде совокупности ключевых узлов (точек), которые представляют собой людей и/или их совокупностей (сообществ) лишь при превращении их в реципиента (получателя информации из медиаисточников). Медиапространство подразумевает наличие статичных социальных форм — основы для «нанизывания» на них информационной паутины. Медиапространство активизирует жизнедеятельность сообщества посредством обрушивания на него потока информации. В данном контексте информация — часть циклического процесса коммуникации, порождаемого восходящим потоком (поиск новостей и их отбор) и нисходящим (информационная база масс-медиа). Иными словами, создатель контента не становится автоматически субъектом медиа — необходимо, чтобы направляемый в СМИ контент был активирован его реципиентом.

Индивиды и группы, включаясь во взаимодействие с другими коммуникантами посредством массмедиа, превращают социальное пространство в информационно-насыщенное медиапространство, которое, в свою очередь, позволяет оценивать реакцию индивидов и групп на социальные процессы, т.е. обеспечивает обратную связь между отправителем медиаконтента и массовой аудиторией. Медийное пространство дискретно, что объясняет разные подходы к его изучению. Социология объясняет саму возможность представления медиапространства в виде явления, существующего в совокупности своих разделенных фрагментов.

«Функционирование медиа происходит в социальном пространстве, а пространственность является одной из основных характеристик социального бытия, и социальная теория в своем развитии оказалась перед необходимостью интерпретировать социальную реальность в пространственном контексте» [2]. Медиапространство — это социальное пространство, в котором мы живем и создаем отношения с другими людьми, обществами и окружением посредством медийных средств, т.е. медиапространство существует как акт социального конструирования. Метафорически медиапространство — это некое расширение социального пространства, и в этом смысле оно относительно, изменчиво и конституируется посредством взаимодействия практики, концептуализации и репрезентации. Такое понимание медиапространства требует от социологов изучения факторов и мотивов возникновения нового социально-сетевого пространства, взаимопроникновения и взаимообусловленности медиа- и социального пространств, устраняющих саму возможность непреодолимых физических (географических) и административных границ. Таким образом, медийное пространство обуславливает интегративный и полипарадигмальный статус самой социологии.

Общество представляет собой совокупность локальных связей, образующих локальные «узлы» (привычных для восприятия сетей). В 1954 году Дж. Барнс включил в понятие «социальная сеть» существующий и потенциальный круг социальных связей: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, а эти друзья имеют, в свою очередь, собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие — нет. Такого рода круги можно называть сетями... — системой точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками системы являются люди, а линии соединения точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом» [20. С. 43].

В социальном пространстве личность включается в сетевые связи и отношения, всегда выступая как явный или неявный представитель (лидер, организатор, аутсайдер и т.д.) сетей, «завязывающий узлы» — образующий тесные связи с ближайшими коммуникантами. Рационализировать целевое (избирательное) воздействие контента на желаемые узлы сети позволяет медиапланирование. Посредством разделения аудитории, на которую нацелено воздействие медиа, на структурные элементы в конкретной точке медиaproстранства (например, путем выделения пенсионеров того или иного региона, регулярно просматривающих конкретную телепередачу) можно оценить эффективность информационного воздействия в обозначенных сегментах медиaproстранства. Социальные сети, вобравшие в себя медиасредства, имеют широчайший спектр распространения благодаря Интернету: предоставляют возможность интерактивных онлайн-коммуникаций с расширенными сетями потенциальных коммуникантов, включая как деловые, так и «мягкие» — ни к чему не обязывающие — взаимодействия.

Сетевое медиaproстранство, которое формируется благодаря напряженной и непрерывной работе субъектов по выбору каналов, способов и методов медийных коммуникации, опосредует взаимодействие субъектов с помощью медиа. Причем медиaproстранство, включенное в социальные сети, наполняется содержанием посредством как целенаправленного, так и стихийного воздействия на различные сегменты и элементы социального пространства, формируя его сетевую структуру. В сетевом обществе технологические и социальные изменения объединяются, а все его сферы гибридизируются, чему способствуют цифровизация, конвергенция и гипертекстуализация.

Таким образом, медиaproстранство существует лишь благодаря восприятию медиасообщений получателями информации, что возможно лишь при проявлении активности субъектов, представляющих медиаисточники. Такими источниками чаще всего являются СМИ, которые выступают одновременно средствами массовой коммуникации (СМК) — они распространяют информацию в не идентифицируемую субъектом коммуникации медиасреду и являются субъектами медиaproстранства. Третий элемент, претендующий на роль такого субъекта, — активные медиа (посредники), не являющиеся по своим отличительным признакам СМИ, но оказывающие воздействие на медиaproстранство (кино, массовые неперіодические издания, видеоигры, публичные пространства YouTube, Twitter). Соотнесение медийных пространств,

сформированных с помощью различных типов и видов медиа, создает определенное сетевое медиaprостранство, включающее в себя конечное число медийных средств, направляющих (переправляющих) информацию. Массовые потоки информации, перемещающиеся в медиaprостранстве, создают новые формы и пространства социальной деятельности.

Для целенаправленного движения потоков информации субъекты коммуникации формируют интерфейсы — программы и принципы взаимодействия между элементами медиaprостранства, определяют совокупность средств, методов и правил управления и контроля. Можно сказать, что формирование медиaprостранства — это выбор формы нового жизненного пространства, в котором на информационной платформе создаются условные (виртуальные) границы между сетевым и физическим пространствами. Для сетевого медиaprостранства Интернет — это не просто коммуникационная сеть, а средство формирования на основе информационного воздействия сложной социальной конструкции, которая базируется на совокупности ценностей и социальном производстве смыслов и влияет на пространственные практики и восприятия контента.

Безусловно, на этапе формирования теоретических основ социологии медиaprостранства неизбежна противоречивость в оценках новых теорий и их статуса в социологии. Поэтому статья уточняет значения понятий «социальное пространство» и «медиaprостранство», включая их сетевое измерение, и закладывает основания для дальнейшего теоретического и методического поиска в изучении сетевого медиaprостранства, включая отбор общетеоретических принципов и эмпирических методик изучения (виртуальных) сетевых пространств, интегрирующихся с медиaprостранствами.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 21-011-31572 «Усложняющиеся риски и уязвимости медиaprостранства России: методологические инновации анализа влияния современной информационной среды на политическое сознание молодежи».

Библиографический список

- [1] Фейк-ньюс: масштаб проблемы. 18.04.2019 // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660>.
- [2] Бузин В.Н. Гуманизация социума как императив управления медиaprостранством // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 2.
- [3] Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993.
- [4] Бурдые П. Социология социального пространства. М.–СПб., 2007.
- [5] Бутусов А.В. Социальные сети как инструмент политического противоборства и информационных войн // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. № 13.
- [6] Куликов С.Б. Дискретизация социального пространства и парадигмы в социологии // Социологические исследования. 2014. № 9.
- [7] Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. М., 2017.
- [8] Могилевская Г.И. Информационная война в социальных сетях // Молодой ученый. 2015. № 15.
- [9] Музыкант В.Л., Музыкант П.В. Социальное измерение современного медиaprостранства и его контента // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 1.

- [10] Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. № 1.
- [11] Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013.
- [12] Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М.–СПб., 2002.
- [13] Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.
- [14] Филиппов А.Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3.
- [15] Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2008.
- [16] Философия и методология науки (понятия, категории, проблемы, школы, направления). Терминологический словарь-справочник. М., 2017.
- [17] Шарков Ф.И. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.
- [18] Шарков Ф.И. Четвертая волна (интерактивные электронные коммуникации). М., 2005.
- [19] Юдина Е.Н. Медиапространство как культурная и социальная система. М., 2005.
- [20] Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7.
- [21] Bustillos J. The Digital Divide. Neoliberal Imperatives and Education. S. Isaacs (Ed.). L.–N.Y., 2017.
- [22] Ciacu Grasu N. The impact of new media on society // URL: https://www.researchgate.net/publication/215489586_The_impact_of_new_media_on_society.
- [23] Hakim Khalid Mehraj, Akhtar Neyaz Bhat, Hakeem Rameez Mehra. Impacts of media on society: A sociological perspective // International Journal of Humanities and Social Science Invention. 2014. Vol. 3, No. 6.
- [24] Herbert J.G. The Sociology of Space: A Use-Centered View. N.Y., 2002.
- [25] Fearon D. Georg Simmel. The Sociology of Space // URL: <https://escholarship.org/uc/item/7s73860q>.
- [26] Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
- [27] Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, 1991.
- [28] Marres N. Digital Sociology. The Reinvention of Social Research. Cambridge, 2017.
- [29] Mosco V. Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley, 2017.
- [30] Vanderberg W.H. Our Batter for the Human Spirit: Scientific Knowing, Technical Doing, and Daily Living. Toronto, 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-557-566

Genesis of sociology of media space*

F.I. Sharkov^{1,2}, V.V. Silkin²

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, Russia, 119454
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@igsu.ru)

Abstract. Sociology of media space is a new and still developing branch of sociology, just like sociology of space — a basic branch of sociological knowledge. Sociology of space focuses on natural space as a framework for the development of social connections and relations; while

* © F.I. Sharkov, V.V. Silkin, 2021

The article was submitted on 02.06.2021. The article was accepted on 14.07.2021.

sociology of media space considers this space as a part of social space, not as its measurement but as a metaphor. Some natural space turns into a social space only if people use it and live in it. Social boundaries and meanings are added to natural space, which transforms it into a social phenomenon. Although sociology of media space is still developing, there is no doubt that the mass media have made a significant contribution to the development of social relations and sociology by filling social space with messages of all kinds. Media space is a platform that serves as a basis for social communications, a key to the social development, and a means of positive impact on the life of individuals, groups and organizations. Everything social is located in a space-time continuum, and the sociological approach to the theory of network media space is based on the assumption that there is a strong connection between network media communications and social changes. Sociology of media space does not emerge from sociology of space: the developing media space, which is studied with sociological methods, manifests itself in its social coordinates — this is how sociological knowledge expands to consider not only various spatial aspects of social life, but also the features of different contents and information chains created by the convergence of various media and ways of disseminating information.

Key words: space; social space; media space; genesis; mass media; sociology of space; sociology of media space; network media space

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21-011-31572 “Complicated risks and vulnerabilities of the Russian media space: Methodological innovations in the analysis of the impact of the contemporary information environment on the youth’s political consciousness”.

References

- [1] Feik-nyus: masshtab problemy [Fake news: The scale of the problem]. 18.04.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660>. (In Russ.).
- [2] Buzin V.N. Gumanizatsiya sotsiuma kak imperativ upravleniya mediaprostranstvom [Humanization of society as an imperative of media space management]. *Communicology*. 2020; 8 (2). (In Russ.).
- [3] Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology]. Sost., obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moscow; 1993. (In Russ.).
- [4] Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow–Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
- [5] Butusov A.V. Sotsialnye seti kak instrument politicheskogo protivoborstva i informatsionnykh voyn [Social networks as a means of political confrontation and information wars]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Obshchestvennye Nauki*. 2018; 13. (In Russ.).
- [6] Kulikov S.B. Diskretizatsiya sotsialnogo prostranstva i paradigmy v sotsiologii [Discretization of social space and paradigms in sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 9. (In Russ.).
- [7] *Mir 2035. Globalny prognoz* [The World of 2035. Global Forecast]. Pod red. A.A. Dynkina. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [8] Mogilevskaya G.I. Informatsionnaya vojna v sotsialnykh setyakh [Information war in social networks]. *Molodoy Ucheny*. 2015; 15. (In Russ.).
- [9] Muzykant V.L., Muzykant P.V. Sotsialnoe izmerenie sovremennogo mediaprostranstva i ego kontenta [The social dimension of modern media space and its content]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 1. (In Russ.).
- [10] Nitsevich V.F. Tsifrovaya sotsiologiya: teoretiko-metodologicheskie istoki i osnovaniya [Digital sociology: Theoretical-methodological origins and foundations]. *Tsifrovaya Sotsiologiya*. 2018; 1. (In Russ.).

- [11] *Sistemny monitoring globalnykh i regionalnykh riskov: Arabsky mir posle Arabskoy vesny* [System Monitoring of Global and Regional Risks: The Arab World after the Arab Spring]. Otv. red. A.V. Korotaev, L.M. Isaev, A.R. Shishkina. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [12] Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo: Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology]. Moscow–Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
- [13] Toffler A. *Tretiya volna* [The Third Wave]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [14] Filippov A.F. *Prikladnaya sotsiologiya prostranstva* [Applied sociology of space]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2009; 8 (3). (In Russ.).
- [15] Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
- [16] *Filosofiya i metodologiya nauki (ponyatiya, kategorii, problemy, shkoly, napravleniya)* [Philosophy and Methodology of Science (Concepts, Categories, Issues, Schools, Directions)]. Terminologicheskyy slovar-spravochnik. Moscow; 2017. (In Russ.).
- [17] Sharkov F.I. *Kommunikologiya* [Communicology]. Entsiklopedichesky slovar-spravochnik. Moscow; 2009. (In Russ.).
- [18] Sharkov F.I. *Chetvertaya volna (interaktivnye elektronnye kommunikatsii)* [The Fourth Wave (Interactive Digital Communications)]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [19] Yudina E.N. *Mediaprostranstvo kak kulturnaya i sotsialnaya sistema* [Media Space as a Cultural and Social System]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [20] Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 1954; 7.
- [21] Bustillos J. *The Digital Divide. Neoliberal Imperatives and Education*. S. Isaacs (Ed.). London–New York; 2017.
- [22] Ciacu Grasu N. The impact of new media on society. URL: https://www.researchgate.net/publication/215489586_The_impact_of_new_media_on_society.
- [23] Hakim Khalid Mehraj, Akhtar Neyaz Bhat, Hakeem Rameez Mehra. Impacts of media on society: A sociological perspective. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. 2014; 3 (6).
- [24] Herbert J.G. *The Sociology of Space: A Use-Centered View*. New York; 2002.
- [25] Fearon D. Georg Simmel. The Sociology of Space. URL: <https://escholarship.org/uc/item/7s73860q>.
- [26] Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
- [27] Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford; 1991.
- [28] Marres N. *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge; 2017.
- [29] Mosco V. *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley; 2017.
- [30] Vanderberg W.H. *Our Batter for the Human Spirit: Scientific Knowing, Technical Doing, and Daily Living*. Toronto; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-567-579

Малое предпринимательство: роль в социально-экономической системе*

Ж.Г. Голодова, П.А. Смирнов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: golodova-zhg@rudn.ru, smirnov-pa@rudn.ru)

Аннотация. Оптимизация структуры экономики и обеспечение стабильной занятости населения — важнейшие составляющие политики формирования гибкой и конкурентоспособной экономики. Стратегии экономического развития стран ЕАЭС подчеркивают необходимость увеличения доли малого и среднего предпринимательства (МСП) в ВВП и доли занятых в этом секторе. Однако запланированные параметры развития ни разу не были достигнуты, что обусловлено не только длительным периодом экономической нестабильности и недостаточной государственной поддержкой субъектов МСП, но и отношением населения к предпринимательству. В статье рассмотрена роль предпринимательства, прежде всего малого, в социально-экономической системе. На основе обобщения трактовок предпринимательства показано, что наряду с экономической значимой и его социальной составляющей, особенно для стран с развивающимися рынками. Малое предпринимательство, выполняя многочисленные функции и обладая такими чертами, как массовость, инновационность, рисковость и ответственность, является институтом социального развития, фактором экономического роста и политической стабильности. Анализ результатов деятельности субъектов малого предпринимательства в странах ЕАЭС (Белоруссии, Казахстане и России) в 2015–2019 годы показал их существенное отставание от развитых стран. Однако в последние годы возрастает социальная роль МСП, учитывающего потребности местных потребителей и возможности локальных рынков. Это связано как с числом занятых и уровнем их квалификации, так и в внедрении наукоемких технологий. Данные социологических исследований показывают изменение восприятия предпринимательской деятельности в странах ЕАЭС: она признается удачным вариантом карьеры и социального статуса, но осознаются и проблемы, сдерживающие развитие малого предпринимательства. В статье использованы данные органов статистики стран ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии, аналитические материалы рейтинговых агентств и исследовательских центров.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство (МСП); социальная ответственность; мотивация предпринимательства; восприятие малого предпринимательства

В течение длительного процесса становления предпринимательство рассматривалось как деятельность, основная цель которой — производство товаров, а также получение и максимизация прибыли как плата за риск (по сути, предпринимательство стало восприниматься как дополнительный фактор производства). Такой точки зрения придерживались представители классической

* © Голодова Ж.Г., Смирнов П.А., 2021

Статья поступила 15.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

и неоклассической теории [15; 23; 31] и марксизма [14], и предприниматель изначально отождествлялся с собственником капитала [3; 21; 23; 38]. В рамках неоклассической теории предпринимательство было обозначено как совокупность четырех основных факторов производства — земли, труда, капитала и организации, причем в «организацию», помимо способностей предпринимателя, состояния и величины капитала компании, были включены репутация компании и ее контрагенты [15]. Согласно теории предпринимательства и неопределенности, среди функций предпринимательства особенно выделялись управление (деятельностью других) и контроль, но предприниматель должен быть собственником компании [16].

Противоположная точка зрения характерна для представителей теории экономического развития: предприниматель был отделен от собственности, а предпринимательство стало считаться главным фактором экономического развития. Фактор «организация» было предложено заменить фактором «предприниматель» (предпринимательские способности) [26. С. 170]. Подчеркивалась роль предпринимательства в создании новых продуктов и разработке новых способов их производства, выявлении новых источников сырья, использовании новых комбинаций факторов производства, т.е. предпринимательство рассматривалось как двигатель инноваций и структурных изменений.

Основатели теории фирмы были солидарны с представителями институционализма, подчеркивая, что «рынкам присуща организация и координация производства», а «предприниматели играют основную роль в создании самих рынков» [9. С. 13]. Сочетание получения прибыли с удовлетворением достигнутыми результатами отражено в теории предпринимательства, сторонники которой отмечали, что предпринимательская деятельность определяет локальную местную экономическую ситуацию [25. С. 9]. В то же время важным стимулом предпринимательства было признано нежелание подчиняться, обретение самостоятельности при принятии решений.

Впоследствии периодически предпринимались попытки «раздвинуть» восприятие предпринимательства: любую целенаправленную деятельность в силу неопределенности будущих обстоятельств можно считать предпринимательской. Предприниматель участвует в формировании рыночных цен, «производя» новые знания, и спонтанное обучение превращается в сознательное знание [8. С. 9–10]. Особая бдительность «активного предпринимателя», достигаемая, в том числе, с помощью деловой информации, и понимание ситуации на местах позволяют ему создавать виды деятельности и обмена, невозможные без его посредничества.

Обобщая трактовки предпринимательства, следует признать наличие в них в течение длительного времени акцента на экономической роли предпринимателя. Однако еще представители классической политической экономии справедливо полагали, что капитал и предприимчивость обращаются к тем отраслям промышленности, в которых «естественные условия и другие факторы обеспечивают особые преимущества» [21. С. 180–183], но

подчеркивали, что цель предпринимательской деятельности — не только получение прибыли, поскольку наряду с личной выгодой должна быть ощутимая польза для общества, т.е. впервые была обозначена проблема социальной ответственности предпринимательства. Только в последние десятилетия произошло переосмысление роли и функций предпринимательства, в результате чего его социальная составляющая стала восприниматься как не менее значимая, чем экономическая роль.

В социологии предпринимательство выступает субъективным элементом развития рыночного хозяйства, хотя отдельные авторы пессимистично оценивали перспективы капитализма: «в природе самого капиталистического духа заложена тенденция, стремящаяся разлагать и убивать его изнутри» [4. С. 354–355]. Основным источником становления капитализма считался «дух буржуа», который имел двойственную природу: предпринимательский дух, определяемый личностными характеристиками предпринимателя и факторами социальной среды, и мещанский дух, формируемый под воздействием внешних факторов (национальной принадлежности) [4. С. 118–121]. При раскрытии моральных норм в области хозяйствования (часть «духа») делался акцент на таких чертах предпринимателя, как благоразумие, энергичность, правдивость и др. [5. С. 28]. Предприниматель, нацеленный на успех, должен быть одновременно завоевателем, организатором и торговцем [5. С. 86].

Согласно М. Веберу, предпринимательство — рациональный вид деятельности, и в рыночной экономике «предприятие, не ориентированное на рентабельность, неминуемо осуждено на гибель». Сам предприниматель — трудолюбивый, сдержанный и скромный человек, мотивацией которого является также «исполнение профессионального долга в рамках своего призвания» [3. С. 38, 336; 38. С. 5, 27], т.е. получение прибыли перестало быть частным стимулом индивида и превратилось в признак системы хозяйствования. Предпринимательская «деятельность, направленная внешне только на получение прибыли, стала подводиться под категорию “призвания”, по отношению к которому индивид ощущает известное обязательство, а предприниматель испытывает радость и гордость от осознания предоставления работы многим людям, содействия процветанию родного города» [3. С. 40–41]. Кроме того, капиталистический предприниматель считался единственным социальным типом, который смог сохранить «относительный иммунитет» от подчинения рациональному бюрократическому знанию, — остальное население, как правило, организовано в крупные корпоративные группы, которые неизбежно подвержены бюрократическому контролю [38. С. 339].

Социальный аспект предпринимательства усилился в процессе развития малого предпринимательства, которое доминирует по числу субъектов. Малое предпринимательство играет важную роль в социальной, экономической, политической и инновационной деятельности, и его роль во многом определяется функциями, среди которых преобладают социально-экономические. Неслучайно в качестве основных параметров, раскрывающих роль субъектов

малого предпринимательства в социально-экономической системе, используют два показателя — его долю в ВВП и количество новых рабочих мест.

Значимость социальной составляющей малого предпринимательства обусловлена его особенностями: массовость — создание рабочих мест, повышение уровня занятости в регионе; сокращение дифференциации населения по уровню доходов, снижение социальной напряженности; формирование конкурентной среды; становление среднего класса, обеспечивающего стабильность общества; формирование условий для развития творчества и предпринимательской инициативы; инновационность (новаторство) — разработка и внедрение новых технологий, стимулирующих научно-техническую деятельность; повышение качества жизни посредством создания новых видов деятельности, товаров и услуг; совершенствование культуры управления; рисковость — реализация новых проектов; организация новых производств; ответственность — выполнение обязательств перед субъектами экономической системы.

В психологической теории предпринимательства (теории потребностей) подчеркивается готовность предпринимателя к разным видам рисков — производственным, финансовым, психологическим и др. [28; 29; 37 и др.]. Как следствие, делается вывод о наличии у предпринимателей, помимо способностей объединять рынки и сглаживать рыночные сбои, таких свойств, как амбициозность и самоуверенность, позволяющих им удовлетворить потребность в достижении успеха (удовлетворение от успешности) и решении проблем [10. С. 176, 224, 257–258]. Соответственно, получение прибыли не является мотивацией деятельности, а служит подтверждением ее успешности. Предприниматель стимулирует рост производительности работников посредством учета таких потребностей людей, как потребность в причастности, достижениях (успехе) и власти, — устанавливая соответствующие цели и вознаграждения за их достижение.

Социальная ответственность субъектов предпринимательства, прежде всего малого, проявляется в разных аспектах: ответственность перед государством — соблюдение законодательства, осуществление налоговых платежей, соблюдение норм хозяйственной деятельности и деловой этики, предоставление необходимой информации; ответственность перед контрагентами — соблюдение договорных отношений и правил расчетов, обеспечение своевременности поставок, поддержание стабильных партнерских отношений, производство качественной продукции, учет интересов потребителей; ответственность перед персоналом — соблюдение трудового законодательства, порядка и сроков выплаты вознаграждения, обеспечение охраны и безопасности труда, использование легальных схем выплат заработной платы; ответственность перед обществом — содействие экономическому росту, решение социальных проблем территории, повышение качества жизни.

В конце XX — начале XXI века в развитых странах были проведены новые исследования роли предпринимательства и особенностей малого

предпринимательства [27; 34; 36], позволившие выявить новые тенденции. Во-первых, на фоне развития стартапов возросла роль предпринимательства в развитии бизнес-образования [34. С. 7]. С одной стороны, в процессе обучения развиваются черты предпринимателя, а, с другой стороны, обучение (дополнительное образование) мотивирует предпринимателя на достижения более высокого уровня [31]. Во-вторых, был сделан вывод, что предприниматели менее экстравертны по сравнению с менеджерами и им не требуется постоянно общаться с бюрократическими структурами, что трансформирует формат управления — удобным становится управление малым бизнесом «из дома» [36]. В-третьих, был отмечен рост неоднородности субъектов предпринимательства с точки зрения мотивации и типичных свойств: форма деятельности (малые предприятия, микропредприятия, индивидуальные предприниматели) обуславливает различия личностных черт [33]. В-четвертых, было показано, что потребности в принадлежности (аффилиации), избегании, власти и достижении успеха не зависят от пола или возраста, а пропорциональны жизненному опыту и культуре [35]. В-пятых, была расширена мотивация субъектов малого бизнеса (финансовые и моральные мотивы) — увеличение прибыли или желание получить дополнительный доход, владение собственным бизнесом и нежелание подчиняться (быть себе начальником, иметь гибкий график), реализация бизнес-идеи или создание нового продукта, получение удовольствия от работы (хобби), отсутствие иной возможности трудоустройства, продолжение семейной традиции, получение государственной поддержки [33. С. 26, 27–28, 36]. Причем «моральные мотивы создания малого бизнеса становятся преобладающими» [28. С. 16–17]. В-шестых, оказалось, что мужчины-предприниматели чаще сталкиваются с неудачами по сравнению с женщинами, поскольку «чаще рискуют даже в ситуациях, когда изначально была очень велика вероятность негативных последствий» [30. С. 378].

Социально-экономические реформы 2015–2020 годов позволили некоторым странам ЕАЭС улучшить свои позиции в мировом рейтинге «Doing business»: Армения переместилась с 35 на 47 позицию, Белоруссия — с 44 на 49, Казахстан — с 41 на 25, Кыргызстан — с 102 на 80, Россия — с 62 на 28. Если в странах ОЭСР, Индии и Китае на долю МСП приходится около 50–60% ВВП, 90% предпринимательских структур и 70% экономически активного населения, то в большинстве развивающихся стран доля МСП в ВВП — около 33%. Несмотря на тенденции роста, параметры развития МСП в странах ЕАЭС существенно ниже по сравнению с показателями развитых и многих развивающихся стран, хотя доля предприятий МСП довольно велика в таких отраслях, как строительство и торговля [11; 12; 13; 22] (Табл. 1). В качестве негативной тенденции развития МСП следует отметить периодическое сокращение численности работников.

Развитие малого предпринимательства способствует оптимизации структуры экономики, расширению объема и перечня услуг и, как следствие, росту

численности занятого в этой сфере населения: его доля возросла в Белоруссии с 58,9% в 2015 году до 61,2% в 2019, в Казахстане — с 62,8% до 66,8%, в России — с 66,1% до 66,5% [24. С. 49]. Увеличение числа субъектов МСП сопровождалось снижением уровня безработицы в Белоруссии с 5,2% до 4,2%, Казахстане — с 5% до 4,8%, России — с 5,6% до 4,6%. Уровень занятости вырос за аналогичный период в Белоруссии с 68,2% до 75,4%, Казахстане — с 72,2% до 74%, России — с 70,3% до 71,6%. Следует отметить, что увеличение численности работников МСП во многом обусловлено отсутствием других возможностей получения дохода, что косвенно подтверждается динамикой коэффициента Джини, который незначительно снизился в Белоруссии и России (на 0,004 и 0,001 соответственно), но увеличился на 0,012 в Казахстане [24. С. 72]. Однако малое предпринимательство характеризуется меньшей имущественной дифференциацией.

Таблица 1

Параметры развития МСП в 2015–2019 годы в Белоруссии, Казахстане и России

Факторы	РБ		РК		РФ*	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Доля в ВВП (включая ИП), %	23,4	26,1	24,9	30,8	19,9	22,9
Доля МСП в численности работающих, %	31,9	35	37,8	38,9	27	15,8
Доля МСП в промышленности, %	15,7	18,4	21	22	10,7	8,6
Прирост рабочих мест за год, тыс.	-60	34	377	131	-412	-574
Число субъектов МСП, тыс.	107	111	1243	1330	2242	2529
Доля субъектов МСП в общем количестве предприятий, %						
– промышленность	90,4	89,5	8,6	4,9	51,3	71,4
– сельское хозяйство	85,8	89,6	3,6	8	40,3	47,6
– строительство	91,9	83,4	17,7	14,6	51,7	71,6
– оптовая и розничная торговля	91,3	95,9	30,9	31,8	46	72,6
– финансовая деятельность	81	89	–	2,3	0	0
– операции с недвижимым имуществом	68,7	48,7	4,1	3,7	51,3	58,3
– транспорт и складирование	95,3	96,9	4,7	4,3	46,6	71,1
Численность занятых в ИП, тыс. чел.	240,8	257	1408	1379	2524	2451

* Данные за 2018 год

В то же время имеет место негативная тенденция: на фоне роста занятых в ИП доля государственных расходов на социальную защиту в совокупных расходах консолидированного бюджета Белоруссии сократилась с 8,8% до 7,9%, России — с 35,2% до 34,8%, а в Казахстане наблюдалась обратная ситуация — при сокращении численности ИП показатель увеличился с 21,6% до 25,6% [24. С. 390–392].

Социальная составляющая малого предпринимательства, помимо обеспечения занятости и самозанятости, важна для повышения профессиональной грамотности и квалификации работников, поскольку малым предпринимательством занимаются, как правило, люди с высшим образованием (доля «устоявшихся» предпринимателей с высшим образованием возросла в России с 44,3% до 51,1%), владеющие современными методами управления и

способные оперативно адаптироваться на рынке. Кроме того, развитие малого предпринимательства способствует возрождению национальных традиций, народных промыслов и ремесленничества, стимулируя творческие возможности и создавая условия для обеспечения занятости, в том числе неполной, наименее защищенных слоев — пенсионеров, инвалидов, несовершеннолетних, учащихся. А все большее распространение информационных технологий позволяет организовать надомную работу независимо от места жительства и графика работы.

Повышается, хотя и медленными темпами, инновационная активность малых предприятий. Так, количество малых предприятий, осуществляющих технологические инновации, увеличилось в Белоруссии с 45 до 48 (обрабатывающие производства), Казахстане — с 1485 до 1779, России — с 10104 до 13227 (обрабатывающие производства).

Активно развивается женское предпринимательство — в условиях отсутствия иных возможностей трудоустройства или недостаточного дохода по основному месту работы. Ключевые сферы бизнеса в Белоруссии, где женщины выступают одновременно собственниками, руководителями и лицами, принимающими решения, стали образование, здоровье и личные услуги (доля женщин-предпринимателей 37%); бизнес-услуги, недвижимость, туризм, информация (32%); промышленность (26%) [6; 19]. По мере стабилизации бизнеса женщина-предприниматель в меньшей степени заинтересована в его росте или наращивании экспортной составляющей. Доля субъектов МСП, возглавляемых женщинами, составила в Казахстане в 2019 году 41,3% (в 2015 — 42%), и в основном женское предпринимательство представлено в торговле (42,5%), сельском и рыбном хозяйстве (10,5%), операциях с недвижимостью (8,5%) [1; 17]. Доля женского предпринимательства растет и в России: к концу 2019 года доля женщин-предпринимателей увеличилась до 54,4% [2; 7; 18; 20].

Опрос 400 субъектов МСП (собственники и менеджеры; 24,9% — микро-предприятия, 11,3% — малые, 13,8% — средние), проведенный Исследовательским центром Института приватизации и менеджмента (ИПИМ) Белоруссии в 2019 году, показал, что 2,5% готовы прекратить или сократить свою деятельность (в 2015 — 8,4%), 57,4% решили сохранить достигнутые параметры (63,9%), а 40,1% планировали развивать бизнес (27,6%) [6; 19]. В 2020 году под влиянием пандемии ухудшилась экономическая ситуация, что наиболее серьезно отразилось на МСП: к концу 2020 года у более 50% субъектов МСП (опрошено 700 человек) произошло сокращение производства, а 46,7% ожидали сокращения в 2021 году. Среди основных проблем МСП в 2019 году были названы высокие налоги (50%), сложные административные процедуры (50,9%), неравные условия по сравнению с государственными предприятиями (44,3%), изменчивость законодательства (43,5%), высокие процентные ставки по кредитам (40,6%), а в 2020 году к ним добавились неопределенность экономической ситуации (62,9%), низкий спрос (53,8%), макроэкономическая нестабильность, включая колебания валютного курса (52,6%), финансовые

проблемы, в том числе ограниченность финансов, высокая кредиторская задолженность (31,3%) и недоверие к правовой системе (19,5%).

Высокий статус предпринимателя в Казахстане отметили в 2018 году более 80% из 2100 респондентов (в 2014 — 74%), доля считающих предпринимательство успешной карьерой сократилась с 78,6% до 59,7% [1; 17]. Почти в два раза возросла доля лиц, имевших возможность осуществлять предпринимательскую деятельность, более чем в три раза возросла доля лиц, выразивших желание стать предпринимателями. По данным Национальной палаты предпринимателей «Атамекен», в 2020 году все респонденты (представители 37 тысяч предприятий сферы услуг и торговли, из которых 99% — малые) признали сокращение рабочих мест более чем на треть [1]. «Оптимизация» рабочих мест коснулась, прежде всего, сфер общественного питания, туризма, отдыха и развлечений. 86% (из 3 тысяч представителей малого и микробизнеса) отметили сокращение выручки в связи со снижением спроса на товары и услуги и ростом валютного курса. В результате у 52% предпринимателей были нарушены договоренности, 36% не смогли оплатить аренду помещений, 30% — выплатить вознаграждение работникам. В качестве необходимых мер 30% назвали налоговые послабления, 27% — отсрочки по кредитам, 23% — признания ситуации форс-мажорной, 20% — поддержку персонала.

В России опросы субъектов МСП проводят разные организации. Согласно данным университета «Синергия» (2019 год), у 41,6% бизнес рос, а 12% были вынуждены его сократить [20]. 80% позитивно оценивают деятельность МСП как создающего рабочие места. В качестве мотивации деятельности были названы стремление работать на себя (64,7%), увеличение доходов (53,7%), желание заниматься делом своей мечты (39%), единоличное принятие решений (34,9%), управление рабочим временем (30,4%). Для мужчин-предпринимателей важны независимость в решении задач и проблем (59,4%) и получение более высокого дохода (57,5%), для женщин — самостоятельность (56%) и реализация творческих планов (52,7%). В то же время мужчины более склонны к риску, поэтому доля мужчин-собственников бизнеса, доходы которого превышают 500 тысяч рублей, составляет 64%, а у женщин — 36%. Высшее образование имели 76% собственников бизнеса, и была обнаружена связь уровня образования и величины дохода: каждый десятый собственник с ежемесячным доходом более 100 млн рублей окончил аспирантуру (каждый шестой из десяти имел ученую степень), а доход лиц, окончивших только среднюю школу, не превышал 100 тысяч [20. С. 12]. В качестве своих проблем предприниматели назвали недостаток финансовых ресурсов и капитала (42,6%), отсутствие необходимых знаний и стратегии (40,5%), низкий спрос (35%), высокую конкуренцию (26,9%). Опрос Левада-центра выявил следующие самые важные проблемы МСП: высокие налоги (42%), коррупция (29%), отсутствие стартового капитала и дорогие кредиты (26%), а также низкий потребительский спрос.

По данным опроса предпринимателей Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), основная роль МСП — создание рабочих мест (68%), уплата налогов (42%) и удовлетворение спроса на товары и услуги (15%) [2]. 71% оценивает условия ведения бизнеса в стране как

неблагоприятные, но 76% не готовы отказаться от собственного бизнеса. 18% готовы прекратить или сократить свою деятельность, 33,1% решили сохранить достигнутые параметры, 49,1% планировали развивать бизнес. Ответственное признание статуса предпринимателя с 2009 по 2019 годы возросло с 63,1% до 73,7%, позитивная оценка карьерных перспектив предпринимателей — с 60,1% до 70,8% [18. С. 26], причем особенно сильно в «столичных» регионах: так, в Москве в конце 2019 года 93% респондентов отметили положительное отношение к предпринимателям (в 2009 — 79%). В качестве угроз развитию малого предпринимательства были названы снижение спроса на товары и услуги (72%), повышение цен на энергоресурсы (71%), незащищенность бизнеса (62%), нормативно-правовое регулирование деятельности субъектов предпринимательства (62%).

Таким образом, предпринимательство — фактор экономического и инновационного развития, а также институт социального развития. Некоторые современные тенденции развития МСП, характерные для развитых стран, проявляются и в странах с формирующейся рыночной экономикой, в том числе в странах ЕАЭС: это влияние уровня образования на успехи бизнеса, трансформация мотивации предпринимательства, активизация женского предпринимательства и рисковость предпринимателей-мужчин. Результаты социологических опросов субъектов МСП в странах ЕАЭС подтверждают как возросшее позитивное восприятие предпринимательской деятельности, так и схожие существенные проблемы предпринимателей.

Библиографический список

- [1] Без работы осталась треть работников предприятий — участников опроса НПП «Атамекен» // URL: <https://kursiv.kz/news/biznes/2020-08/bez-raboty-ostal-as-tret-rabotnikov-predpriyatij-uchastnikov-oprosa-npp-atameken>.
- [2] Бизнес в России: взгляд изнутри // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossii-vzglyad-iznutri>.
- [3] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Экономическая социология // URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf.
- [4] Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004.
- [5] Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. СПб., 2005.
- [6] Исследование IFC «Деловая среда в Белоруссии, 2019» // URL: <https://ru.scribd.com/presentation/441683682/IFC-SME-Survey-2019>.
- [7] Как заниматься бизнесом в России // URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Otchet-Kak-Delat-Biznes-2020-1.pdf>.
- [8] Кирицнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск, 2010.
- [9] Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007.
- [10] Макклеланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007.
- [11] Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь в 2020 году // URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_17467.
- [12] Малое и среднее предпринимательство в России // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>.

- [13] Малый бизнес в Казахстане // URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>.
- [14] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6.; Т. 23. М., 1955–1974.
- [15] Маршалл А. Принципы политической науки. М., 1993.
- [16] Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003.
- [17] Национальный доклад: Казахстан 2018/2019 // URL: <https://gsb.nu.edu.kz/storage/files/shares/GEM%20project/ru-2018.pdf>.
- [18] Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2019/2020» // URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_2020-red-2n-04-06.pdf.
- [19] Опрос: Развитие малых и средних предприятий Беларуси, январь-февраль 2020 г. // URL: <http://www.research.by/publications/surveys-of-business/2001>.
- [20] Результаты социологического исследования, проведенного на портале «Мой бизнес» (сентябрь-декабрь 2019 г.) // URL: <https://mbnso.ru/upload/iblock/fa7/fa7d68f922f8875d63c2086ec0561838.pdf>.
- [21] Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения М., 2020.
- [22] Российский статистический ежегодник // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.
- [23] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997.
- [24] Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf.
- [25] Хизрич Р., Пумперс М. Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха. М., 1993.
- [26] Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.
- [27] Baron R.A. The cognitive perspective: A valuable tool for answering entrepreneurship's basic "why" questions // *Journal of Business Venturing*. 2004. Vol. 19. No. 2.
- [28] Baum J., Frese M., Baron R. *The Psychology of Entrepreneurship*. N.Y., 2014.
- [29] Bodill K., Roberts L. Implicit theories of intelligence and academic locus of control as predictors of studying behavior // *Learning and Individual Differences*. 2013. Vol. 27. No. 1.
- [30] Byrnes J.P., Miller D.C., Schafer W.D. Gender differences in risk taking: A metaanalysis // *Psychological Bulletin*. 1999. No. 3.
- [31] Clark J.B. Essentials of economic theory // URL: https://cdn.mises.org/Essentials%20of%20Economic%20Theory_2.pdf.
- [32] Hisrich R. Entrepreneurship and intrapreneurship: Methods for creating new companies that have an impact on the economic renaissance of an area // *Entrepreneurship, Intrapreneurship and Venture Capital*. R.D. Hisrich (Ed.). Lexington, 1986.
- [33] Hurst E., Pugsley B.W. What Do Small Businesses Do? Working Paper 17041. Cambridge, 2011.
- [34] Kerr S.P., Kerr W.R., Xu T. Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature. Working Paper 18-047. Harvard, 2017.
- [35] Khurana H., Joshi V. Motivation and its impact on individual performance: A comparative study based on McClelland's three need model // *International Journal of Research in Commerce & Management*. 2017. Vol. 8. No. 7.
- [36] Lofstrom M., Bates T., Parker S.C. Why are some people more likely to become small-businesses owners than others? Entrepreneurship entry and industry-specific barriers // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. No. 2.
- [37] Longenecker J. *Small Business Management: An Entrepreneurial Emphasis*. Cincinnati, 1934.
- [38] Weber M. *Theory of Social and Economic Organization*. N.Y., 1947.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-567-579

Small entrepreneurship: The role in the social-economic system*

Zh.G. Golodova, P.A. Smirnov

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: golodova-zhg@rudn.ru, smirnov-pa@rudn.ru)

Abstract. Optimizing the structure of the economy and ensuring the stable employment are the most important components in the policy of developing a flexible and competitive economy. The economic development strategies of the EAEU countries emphasize the need to increase the share of small and medium-sized enterprises (SMEs) in GDP and the share of the employed in this sector. However, the planned development parameters have never been achieved, which is determined not only by a long period of economic instability and insufficient government support for SMEs, but also by the social perception of entrepreneurship. The article considers the role of entrepreneurship, primarily small business, in the social-economic system. Based on the generalization of the entrepreneurship interpretations, the authors show that it has both economic and social significance, especially in the countries with developing markets. Small business performs numerous functions and has such features as mass character, innovations, riskiness and responsibility; it is an institution of social development, and a factor of economic growth and political stability. The analysis of the activities of small business in the EAEU countries (Belarus, Kazakhstan and Russia) in 2015-2019 shows their significant lag behind the developed countries. However, in recent years, the social role of SMEs has increased for they take into account the needs of local consumers and the possibilities of local markets, which is due both to the number of employees and their qualifications, and to the introduction of science-intensive technologies. The sociological data prove a change in the social perception of entrepreneurship: it is recognized as a successful career option and social status, but also as facing challenges that hinder its development. The article is based on the statistical data of the EAEU countries and the Eurasian Economic Commission, analytical materials of rating agencies and research centers.

Key words: small and medium-sized entrepreneurship (SMEs); social responsibility; motivation for entrepreneurship; perception of small entrepreneurship; social-economic system

References

- [1] Bez raboty ostalas tret rabotnikov predpriyatiy — uchastnikov oprosa NPP “Atameken” [A third of employees of enterprises-participants of the survey by NPP “Atameken” lost jobs]. URL: <https://kursiv.kz/news/biznes/2020-08/bez-raboty-ostalas-tret-rabotnikov-predpriyatiy-uchastnikov-oprosa-npp-atameken>. (In Russ.).
- [2] Biznes v Rossii: vzglyad iznutri [Business in Russia: An insider view]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossii-vzglyad-iznutri>. (In Russ.).
- [3] Weber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Ekonomicheskaya sotsiologiya. [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Economic sociology]. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_dukh_kapital.pdf. (In Russ.).

* © Zh.G. Golodova, P.A. Smirnov, 2021

The article was submitted on 15.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

- [4] Sombart W. *Burzhua. Evrei i khozyaystvennaya zhizn* [Bourgeois. Jews and Economic Life]. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [5] Sombart W. *Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois: Studies on History of Spiritual Development of Modern Economic Man]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
- [6] Issledovanie IFC “Delovaya sreda v Belorussii, 2019” [IFC research “Business Environment in Belarus, 2019”]. URL: <https://ru.scribd.com/presentation/441683682/IFC-SME-Survey-2019>. (In Russ.).
- [7] Kak zanimatsya biznesom v Rossii [How to do business in Russia]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Otchet-Kak-Delat-Biznes-2020-1.pdf>. (In Russ.).
- [8] Kirzner I. *Konkurentsia i predprinimatelstvo* [Competition and Entrepreneurship]. Chelyabinsk; 2010. (In Russ.).
- [9] Coase R. *Firma, rynek i parvo* [The Firm, the Market and the Law]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [10] McClelland D. *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
- [11] Maloe i srednee predprinimatelstvo v Respublike Belarus v 2020 godu [Small and medium-sized business in the Republic of Belarus in 2020]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_17467. (In Russ.).
- [12] Maloe i srednee predprinimatelstvo v Rossii [Small and medium-sized business in Russia]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>. (In Russ.).
- [13] Maly biznes v Kazakhstane [Small business in Kazakhstan]. URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection>. (In Russ.).
- [14] Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 6.; Vol. 23. Moscow; 1955–1974. (In Russ.).
- [15] Marshall A. *Printsipy politicheskoy nauki* [Principles of Political Science]. Moscow; 1993. (In Russ.).
- [16] Knight F. *Risk, neopredelennost i pribyl* [Risk, Uncertainty and Profit]. Moscow; 2003. (In Russ.).
- [17] Natsionalny doklad: Kazakhstan 2018/2019 [National report: Kazakhstan 2018/2019]. URL: <https://gsb.nu.edu.kz/storage/files/shares/GEM%20project/ru-2018.pdf>; <https://msb.atameken.kz/images/pdf/GEM.pdf>. (In Russ.).
- [18] Natsionalny otchet “Globalny monitoring predprinimatelstva. Rossiya 2019/2020” [National report “Global Entrepreneurship Monitoring. Russia 2019/2020”]. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_2020-red-2n-04-06.pdf. (In Russ.).
- [19] Opros: Razvitie malyykh i srednikh predpriyatiy Belarusi, yanvar-fevral 2020 g. [Survey: Development of small and medium-sized enterprises in Belarus, January-February 2020]. URL: <http://www.research.by/publications/surveys-of-business/2001>. (In Russ.).
- [20] Rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya, provedennogo na portale “Moy biznes” (sentyabr-dekabr 2019 g.). [Results of the sociological survey conducted on the “My Business” portal (September-December 2019)]. URL: <https://mbnso.ru/upload/iblock/fa7/fa7d68f922f8875d63c2086ec0561838.pdf>. (In Russ.).
- [21] Ricardo D. *Nachala politicheskoy ekonomii i podatnogo oblozheniya* [On the Principles of Political Economy and Taxation]. Moscow; 2020. (In Russ.).
- [22] Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>. (In Russ.).
- [23] Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow; 1997. (In Russ.).
- [24] Statisticheskiy ezhegodnik Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Statistical Yearbook of the Eurasian Economic Union]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2020.pdf. (In Russ.).
- [25] Khizrich R., Peters M. *Predprinimatelstvo, ili rak zavesti sobstvennoe delo i dobitsya uspekha* [Entrepreneurship, or How to Start Your Own Business and Succeed]. Moscow; 1993. (In Russ.).

- [26] Schumpeter J.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demo-kратиya* [The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [27] Baron R.A. The cognitive perspective: A valuable tool for answering entrepreneurship's basic "why" questions. *Journal of Business Venturing*. 2004; 19 (2).
- [28] Baum J., Frese M., Baron R. *The Psychology of Entrepreneurship*. New York; 2014.
- [29] Bodill K., Roberts L. Implicit theories of intelligence and academic locus of control as predictors of studying behavior. *Learning and Individual Differences*. 2013; 27 (1).
- [30] Byrnes J.P., Miller D.C., Schafer W.D. Gender differences in risk taking: A metaanalysis. *Psychological Bulletin*. 1999; 3.
- [31] Clark J.B. Essentials of economic theory. URL: [https://cdn.mises.org/Essentials%20of%20Economic%20Theory 2.pdf](https://cdn.mises.org/Essentials%20of%20Economic%20Theory%202.pdf).
- [32] Hisrich R. Entrepreneurship and intrapreneurship: Methods for creating new companies that have an impact on the economic renaissance of an area. *Entrepreneurship, Intrapreneurship and Venture Capital*. R.D. Hisrich (Ed.). Lexington; 1986.
- [33] Hurst E., Pugsley B.W. What Do Small Businesses Do? Working Paper 17041. Cambridge; 2011.
- [34] Kerr S.P., Kerr W.R., Xu T. Personality Traits of Entrepreneurs: A Review of Recent Literature. Working Paper 18-047. Harvard; 2017.
- [35] Khurana H., Joshi V. Motivation and its impact on individual performance: A comparative study based on McClelland's three need model. *International Journal of Research in Commerce & Management*. 2017; 8 (7).
- [36] Lofstrom M., Bates T., Parker S.C. Why are some people more likely to become small-businesses owners than others? Entrepreneurship entry and industry-specific barriers. *Journal of Business Venturing*. 2014; 29 (2).
- [37] Longenecker J. *Small Business Management: An Entrepreneurial Emphasis*. Cincinnati; 1934.
- [38] Weber M. *Theory of Social and Economic Organization*. New York; 1947.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-580-589

Права человека и информационный экстремизм*

В.А. Карташкин¹, Е.П. Быков²

¹Институт государства и права РАН
ул. Знаменка, 10, Москва, 119019, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: v.kartashkin@mail.ru; eg.bykov@inbox.ru)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме научно-практического характера — соотношению и взаимосвязи института прав человека и такого сложнейшего социально-правового феномена, как информационный экстремизм, который авторы рассматривают с позиции теории сложных социальных систем — как одну из разновидностей интеллектуального экстремизма в информационном обществе. Используя аксиологический подход, авторы позиционируют права человека в качестве общечеловеческих ценностей. Соответственно, информационный экстремизм — это законодательно запрещенная деятельность (совокупность деяний, действий) в информационном пространстве, имеющая противоправный характер, несущая угрозы основам конституционного строя, безопасности личности и общества, грубо нарушающая права и свободы человека. Информационный экстремизм нацелен на деструкцию и дискредитацию социальных и личных ценностей, навязывание индивиду и обществу чуждых им ценностей и симулякров, а потому является общечеловеческой антиценностью. Информация — это конструкт реальности и одна из социальных ценностей, поэтому информационный экстремизм, намеренно использующий заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения, создает условия для искаженного восприятия реальности. Таким образом, в нынешний период глобальных геополитических и социокоммуникативных трансформаций информационные права человека представляют собой главный объект целенаправленного и деструктивного воздействия для информационного экстремизма. В статье делается акцент на том, что право человека на информацию в условиях современных реалий и пандемии нуждается в существенной корректировке — авторы предлагают разработать новую хартию прав человека в интересах развития механизмов защиты его информационных прав. В условиях постоянного расширения телекоммуникаций, нарастания информационных потоков и цифровизации практически всех сфер жизни необходимо обеспечивать право человека на достоверную информацию: Комитет по правам человека ООН может подготовить соответствующее Замечание общего порядка в соответствии со статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, чтобы уточнить характер и качество информации, право на поиск, получение и распространение которой закреплено в пункте 2 данной статьи.

Ключевые слова: права человека; информационный экстремизм; информация; информационные права; право на достоверную информацию; социальные ценности

* © Карташкин В.А., Быков Е.П., 2021

Статья поступила 04.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

В современной научно-экспертной среде сложилось неоднозначное восприятие прав человека в качестве предмета исследования: доминирует точка зрения, согласно которой они — предмет юридических и политических наук. Эта точка зрения имеет дискуссионный характер, поскольку права человека, будучи многомерным, «всеобъемлющим общественным явлением», «социальной ценностью» [15. С. 204], «аксиологической философско-правовой концепцией», «глубокой ценностной категорией» [17. С. 65], «объектом философской рефлексии» [20. С. 94], «философским концептом» [5. С. 102] и т.п., в последние десятилетия привлекают пристальное внимание представителей разных общественных и гуманитарных наук [см.: 1; 5; 8; 13; 15; 17; 20; 22; 23; 25 и др.]. Кроме того, противоречивость оценок природы прав человека обуславливается тем, что авторы используют широкий набор научных подходов: формационный, цивилизационный (культурологический), универсалистский, традиционный, институциональный, социокультурный, аксиологический (ценностный), историко-правовой, политико-правовой, естественно-правовой, позитивистский, сравнительно-правовой, международно-правовой, конституционно-правовой, философско-правовой, системный, формальный, функциональный и др. Этот список — убедительное доказательство того, что права человека представляют собой многогранный, многомерный, глобальный феномен. Так, например, с позиций институционального подхода права человека — самостоятельный институт, аксиологического подхода — традиционные [24], общечеловеческие ценности [22. С. 200].

Права человека как институт

Права человека как самостоятельный институт, регулируемый международным правом, сложился относительно недавно. Практически до середины прошлого века их провозглашение и защита находились в компетенции государств. Устав ООН представляет собой первый в истории человечества многосторонний универсальный договор, заложивший фундамент для широкого взаимодействия государств в области прав человека. Учреждение ООН и принятие ее Устава ознаменовали начало нового этапа межгосударственных отношений в данной сфере. Устав ООН, провозгласивший принцип уважения и соблюдения основных прав и свобод человека, не содержал их перечня. Впервые Каталог прав человека (гражданских, политических, социально-экономических и культурных) был закреплен во Всеобщей декларации прав человека в 1948 году. Этот документ разрабатывался на перспективу и провозглашал права, которые ранее не содержались в международных документах. Ценности и права, перечисленные в Декларации, отражают вклад и компромисс разных цивилизаций и культур. Всеобщая декларация, принятая как резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, впервые в истории международных отношений провозгласила перечень основных прав и свобод «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства» [17]. Принципы и нормы, провозглашенные в Декларации, имели сначала

рекомендательный характер, но со временем они были закреплены в международных договорах и стали обязательными для всех государств мира.

В научно-экспертном сообществе доминирует точка зрения, согласно которой «анализ понятия “права человека” выделяет ряд признаков, которые раскрывают его смысловое значение и относят его к разряду социологических понятий: среди них — обеспечение достоинства личности. Свобода и достоинство личности являются условием соблюдения основных прав человека. Обязанность по обеспечению достоинства личности возлагается на государство» [1. С. 165]. В частности, Е.М. Мчедлова предложила концепцию прав человека как их «расширенное толкование, исходя из социологической позиции, т.е. рассматривая разные стороны общественной жизни, социальные группы и страты, многосторонние межличностные и межнациональные связи, коммуникационные отношения, глобальные процессы современности, с необходимостью предполагая обеспечение достоинства личности и защищаемое государством и обществом поведение» [14. С. 20].

Коммуникационные отношения, взаимный обмен информацией между индивидами и группами — базовый элемент во взаимосвязи института прав человека и информационного экстремизма. Мы используем аксиологический подход и позиционируем права человека как общечеловеческие ценности. В свою очередь, информационный экстремизм — это законодательно запрещенные действия в информационном пространстве, несущие угрозу безопасности личности и общества, нарушающие права и свободы человека. Информационный экстремизм нацелен на дискредитацию социальных и личных ценностей, а потому выступает общечеловеческой антиценностью. Согласно А. Молю, «информацией в строгом смысле слова называют количество непредсказуемого, содержащегося в сообщении. По сути дела, это количество есть мера того нового, что данное сообщение вносит в среду, окружающую получателя» [13. С. 107]. Информационный экстремизм, намеренно искажающий информацию и/или использующий недостоверные данные, создает условия для искаженного восприятия реальности.

Специфика и трудности определения информационного экстремизма

Сложность определения информационного экстремизма обусловлена рядом обстоятельств [см.: 2; 11; 12; 19]. Во-первых, данный вид экстремизма, как и экстремизм в целом, по-разному трактуется и даже называется: «информационный экстремизм», «экстремизм в информационном пространстве», «экстремизм в информационной среде». Во-вторых, подобно «общему» экстремизму, информационный экстремизм позиционируется главным образом как деятельность и как социальное явление. Скажем, как деятельность информационный экстремизм — это «социально-психическое деструктивное воздействие граждан через использование информационных технологий для достижения противоправных целей» [3. С. 71], а как социальное явление —

«аморален, так как зачастую противоречит принципам духовно-нравственного социального регулирования, направлен на их деградацию и уничтожение» [6. С. 114]. Мы согласны с В.Э. Мозговым, согласно которому «информационный экстремизм — весьма эклектичное явление социума, обладающее противоречивым содержанием. Контурсы информационного экстремизма, его значимые теоретические и эмпирические индикаторы в настоящее время еще недостаточно исследованы» [11. С. 16]. В связи с этим весьма перспективно применение междисциплинарного подхода к его изучению, что позволит всесторонне исследовать характеристики, отличающие информационный экстремизм от иных видов экстремизма. Например, философия трактует информационный экстремизм как «неравноправную коммуникацию», а «экстремистские сообщества — как субъектов этой коммуникации» [7. С. 169], тогда как социологи — в качестве «социально-дезорганизационного процесса» [11. С. 6]. «Информационный экстремизм в Интернете может рассматриваться в качестве собирательного понятия, которое объединяет в себе проявления агрессивного коммуникативного воздействия: манипуляцию сознанием, информационный терроризм, распространение искусственно созданных слухов, киберпреступления» [4. С. 10].

Безусловно, указание на интегральный характер информационного экстремизма — сильная сторона данного определения, но, с другой стороны, оно становится излишне расширительным и в определенной степени эклектичным, поскольку охватывает несколько разнокачественных и разномасштабных деяний и социальных явлений. В частности, информационный терроризм представляет собой самостоятельный социально-правовой феномен, а, если рассматривать его как одну из разновидностей «информационного экстремизма в Интернете», то должен быть отнесен к так называемому «кибертерроризму», тем более что в рассматриваемом определении присутствуют и киберпреступления — как составляющие информационного экстремизма. Ряд современных исследователей относит понятия «киберпреступление» и «киберпреступность» к разряду кибер-атак, «в результате чего может быть нарушена система жизнеобеспечения целого государства и даже подорвана работа системы противоракетной обороны, что является нарушением государственного суверенитета и актом агрессии» [21. С. 67].

В научной литературе обозначено два базовых направления (разновидности) информационного экстремизма: материальный (физический) и интеллектуальный. В качестве основного «оружия» материального информационного экстремизма выступает нарушение коммуникаций, деформация важнейших коммуникационных связей в целях создания хаоса в информационном обществе [9. С. 107]. Такое разделение видов информационного экстремизма представляется не вполне корректным, поскольку «материальный информационный экстремизм» является кибертерроризмом.

В большинстве научных публикаций, посвященных проблематике информационного экстремизма и противодействия ему, авторы ссылаются на

определение, которое еще в 2007 году сформулировал Р.В. Упорников: «Информационный экстремизм — это деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которой является достижение публично нелегитимных и противоправных целей» [21. С. 7]. В качестве ключевого критерия «информационного экстремизма» выступает нанесение законным интересам, правам и свободам граждан физического, материального, морального и иного психологического ущерба. Кроме того, современная специфика информационного экстремизма заключается в том, что он приобретает, посредством технологий информационной коммуникации, безличный, анонимный характер, поскольку направлен на достижение определенных целей, на которых концентрируется внимание общества, жертвуются отдельные ценности, права, свободы, а нередко и жизни индивидов» [21. С. 26].

Таким образом, с позиции теории сложных социальных систем информационный экстремизм — разновидность интеллектуального экстремизма в сложной социальной системе информационного обществ. Вероятно, понятие «информационный экстремизм» сложилось в научном дискурсе, подчиняясь очевидным законам словообразования: переход «общего» экстремизма в сферу информационных технологий, в так называемое «информационное пространство», обусловил возникновение термина «информационный экстремизм» [9. С. 106]. «Экстремистские сообщества не только захватывают все новые сферы информационного пространства, но и с успехом прививают собственные аксиологические установки широкой аудитории. И, таким образом, информационный экстремизм — это подготовительная ступень для других видов экстремизма, формирующая благоприятную среду для распространения и принятия экстремистских идей и идеалов» [7. С. 169].

Вместе с тем информационный экстремизм выступает не только в качестве своеобразной «подготовительной ступени» для иных типов экстремизма, но и находит проявление в каждом из этих типов — вероятно, в этом состоит главная специфика информационного экстремизма. Само понятие «информационный экстремизм» полисеманлично: любой экстремизм (политический, национальный, религиозный и т.п.), по сути, является информационным. Так, представители и последователи политического экстремизма оперируют той или иной информацией (распространяют ее, используют в своих интересах, в частности, для рекрутинга новых сторонников). Информация выступает инструментом пропаганды («продвижения») ценностных установок, идеологем, ключевых составляющих экстремистского мировоззрения.

В то же время информационный экстремизм представляет собой самостоятельный социально-правовой феномен, который имеет не только внутренний (национальный) формат, но и геополитический контекст. Однако до сих пор в Российской Федерации отсутствует законодательное закрепление информационного экстремизма, что явно не содействует его эффективному

противодействию (административно-правовому, уголовно-правовому и т.п.) и не обеспечивает консолидированное и справедливое правоприменение. Таким образом, важной проблемой остается правовое определение информационного экстремизма. Отсутствие четкой и однозначной дефиниции «общего» экстремизма в действующем антиэкстремистском законодательстве (прежде всего, речь идет о Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ) серьезным образом затрудняет «идентификацию» информационного экстремизма с помощью правовых средств.

Учитывая, что в ближайшее десятилетие информационный экстремизм будет набирать обороты в глобальном виртуальном пространстве, видоизменяясь и мимикрируя, но по своей антисоциальной сущности оставаясь крайне негативным социально-правовым феноменом, российскому законодателю следует уточнить в федеральном законе № 114-ФЗ основные разновидности экстремизма, в том числе дать определение информационного экстремизма.

Концепция прав человека в области информации основывается на положении, что основным субъектом права на свободу слова и информации является индивид. Государство несет ответственность за распространение противоправной информации его гражданами, и его основная задача — уравнивание прав пользования свободой информацией отдельными лицами [15. С. 50]. Право человека на информацию в современных реалиях нуждается в существенной корректировке: в контексте разработки и принятия Хартии прав человека для XXI века и дальнейшего развития информационных прав (в том числе цифровых) следует говорить о праве на достоверную информацию (не вводящую в заблуждение). Поэтому Комитету по правам человека ООН следует подготовить соответствующее Замечание общего порядка согласно статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, содержащее развернутое уточнение характера и качества информации, право на поиск, получение и распространение которой закреплено в пункте 2 статьи 19: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно, посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Пользование предусмотренными... правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: для уважения прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения» [10].

В тот период, когда разрабатывались и принимались международные пакты о правах человека, не было столь мощных информационных потоков, и разработчики пактов полагали, что речь идет о достоверной информации, не вводящей в заблуждение. Соответственно, государства-участники пактов

в докладах о выполнении взятых на себя обязательств имели в виду именно объективную и достоверную информацию.

Таким образом, в настоящее время, в период глобальных геополитических и социокоммуникативных трансформаций, информационные права человека стали главным объектом целенаправленного и деструктивного воздействия со стороны информационного экстремизма. Мировому сообществу (под эгидой ООН и ее специализированных учреждений) следует принимать решительные меры, направленные на эффективное противодействие международному информационному экстремизму, не забывая о том, что непродуктивно опираться исключительно на силовые методы — нужна кропотливая и грамотная работа (образовательного и воспитательного плана) с широкими слоями населения, прежде всего молодежью, а также полноценное обеспечение и защита прав и свобод человека, надлежащее выполнение государствами всех взятых на себя обязательств в правозащитной сфере.

Библиографический список

- [1] Бражников Д.А. Права человека: социологический аспект // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 7.
- [2] Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 111.
- [3] Воробьев В.В., Амбросий А.В. Понятие информационного экстремизма, его проявления в сети Интернет // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. Пенза, 2018.
- [4] Воронович Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России: Дисс. к.с.н. Краснодар, 2012.
- [5] Гигаури Д.И., Стульба И.А. Права человека как философский концепт с позиции представителей юснатурализма // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 1.
- [6] Городенцев Г.А. Информационный экстремизм как феномен общества начала XXI в. // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Краснодар, 2016.
- [7] Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 314. № 6.
- [8] Исакова Г.К. Социокультурный контекст прав человека: диалог культур Восток-Запад // Академический вестник. 2012. № 2.
- [9] Карягина А.В. Информационный экстремизм в современном государственно-правовом пространстве // Философия права. 2010. № 4.
- [10] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Резолюцией 2200А(XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
- [11] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: Дисс. к.с.н. Краснодар, 2015.
- [12] Мозговой В.Э. Особенности информационной экстремистской деятельности: социологический анализ // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 7.
- [13] Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008.
- [14] Мчедлова Е.М. Социология прав человека: теоретико-методологический анализ: Дисс. д.с.н. М., 2006.
- [15] Невинский В.В. Права человека как социальная ценность в контексте мировой истории // Вестник СГЮА. 2013. № 4.

- [16] Нугманов Н.А. Международно-правовое регулирование информационных прав человека и границы их возможного правового ограничения // *European Science*. 2016. № 11.
- [17] Пушкарева Е.А. Права человека как аксиологическая философско-правовая концепция в современной социальной ситуации // *Сибирский международный журнал*. 2018. № 20.
- [18] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 217А(III) от 10 декабря 1948 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
- [19] Стадников М.Г., Щеглов А.А. Социальная психология современного экстремизма. М., 2014.
- [20] Сулов А.В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам // *Философская мысль*. 2021. № 3.
- [21] Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: Дисс. к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2007.
- [22] Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. Ценности общества и права человека // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4.
- [23] Ignatieff M. Human Rights as Politics: Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Princeton University on April 4–7, 2000 // URL: <https://tannerlectures.utah.edu/lecture-library.php>.
- [24] Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65.
- [25] Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-580-589

Human rights and information extremism*

V.A. Kartashkin¹, E.P. Bykov²

¹Institute of State and Law of RAS
Znamenska St., 10, Moscow, 119019, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: v.kartashkin@mail.ru; eg.bykov@inbox.ru)

Abstract. The article considers the urgent issue of a scientific-practical nature — the relationship between the institution of human rights and such a complex social-legal phenomenon as information extremism, which the authors consider from the standpoint of the theory of complex social systems — as one of the varieties of intellectual extremism in information society. The authors apply the axiological approach to position human rights as universal values. Therefore, information extremism is a legally prohibited activity (a set of acts, actions) in the information space, which is illegal in nature, threatens the foundations of the constitutional order and security of the individual and society, and violates human rights and freedoms. Information extremism aims at destroying and discrediting social and personal values, imposing values and simulacra that are unacceptable for the individual and society, i.e., information extremism is a universal human anti-value. Information is a construct of reality and one of social values; therefore, information extremism, which deliberately uses fake information, creates conditions for a distorted perception of reality. Thus, under the current global geopolitical and social-communicative transformations, information human rights are the main object of the purposeful and destructive influence for information extremism. The article

* © V.A. Kartashkin, E.P. Bykov, 2021

The article was submitted on 04.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021

focuses on the fact that in the contemporary pandemic realities, the human right to information needs to be significantly changed — the authors propose to develop a new charter of human rights in order to develop mechanisms for protecting information rights. Under the constant expansion of telecommunications, the growth of information flows and digitalization of almost all spheres of life, it is necessary to ensure the human right to reliable information: the UN Human Rights Committee should make an appropriate General Comment in accordance with the Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights to clarify the nature and quality of information which can be sought, received and distributed according to the Paragraph 2 of this article.

Key words: human rights; information extremism; information; information rights; right to reliable information; social values

References

- [1] Brazhnikov D.A. Prava cheloveka: sociologicheskyy aspekt [Human rights: A sociological aspect]. *Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2015; 7. (In Russ.).
- [2] Vekhov I.V. Ekstremizm kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Extremism as an object of sociological research]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2009; 111. (In Russ.).
- [3] Vorobiev V.V., Ambrosiy A.V. Ponyatie informatsionnogo ekstremizma, ego proyavleniya v seti Internet [The concept of information extremism, its manifestation on the Internet]. *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatelstvo*: sb. st. Penza; 2018. (In Russ.).
- [4] Voronovich N.K. *Internet kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti Rossii* [Internet as a Threat to the Information Security of Russia]: Diss. k.s.n. Krasnodar; 2012. (In Russ.).
- [5] Gigauri D.I., Stulba I.A. Prava cheloveka kak filosofskiy kontsept s pozitsii predstavitelej yusnaturalizma [Human rights as a philosophical concept from the standpoint of jusnaturalism]. *Manuskript*. 2019; 12 (1). (In Russ.).
- [6] Gorodentsev G.A. Informatsionnyy ekstremizm kak fenomen obshchestva nachala XXI v. [Information extremism as a social phenomenon of the early 21st century]. *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii*. Krasnodar; 2016. (In Russ.).
- [7] Dil V.A. Tendentsii razvitiya sovremennogo ekstremizma: molodezhnyy i informatsionnyy ekstremizm [Trends in the development of contemporary extremism: Youth and information extremism]. *Izvestiya Tomskogo Politekhnicheskogo Universiteta*. 2009; 314 (6). (In Russ.).
- [8] Iskakova G.K. Sotsiokulturnyy kontekst prav cheloveka: dialog kultur Vostok-Zapad [Social-cultural context of human rights: Dialogue of cultures East-West]. *Akademicheskyy Vestnik*. 2012; 2). (In Russ.).
- [9] Karyagina A.V. Informatsionnyy ekstremizm v sovremennom gosudarstvenno-pravovom prostranstve [Information extremism in the contemporary state-legal space]. *Filosofiya Prava*. 2010; 4. (In Russ.).
- [10] Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Prinyat Rezolyutsiej 2200A(XXI) Generalnoy Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda [International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by the General Assembly Resolution 2200A(XXI) of December 16, 1966]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (In Russ.).
- [11] Mozgovoy V.E. Informatsionnyy ekstremizm v usloviyakh sotsiokommunikativnykh transformatsiy rossijskogo obshchestva [Information extremism under the social-communicative transformations of the Russian society]: Diss. k.s.n. Krasnodar; 2015. (In Russ.).
- [12] Mozgovoy V.E. Osobennosti informatsionnoy ekstremistskoj deyatel'nosti: sotsiologicheskyy analiz [Features of the information-extremist activity: A sociological analysis]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2014; 7. (In Russ.).
- [13] Moles A. *Sotsiodinamika kultury* [Sociodynamics of Culture]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [14] Mchedlova E.M. *Sotsiologiya prav cheloveka: teoretiko-metodologicheskyy analiz* [Sociology of Human Rights: A Theoretical-Methodological Analysis]: Diss. d.s.n. Moscow; 2006. (In Russ.).

- [15] Nevinsky V.V. Prava cheloveka kak sotsialnaya tsennost v kontekste mirovoj istorii [Human rights as a social value in world history]. *Vestnik SGYuA*. 2013; 4. (In Russ.).
- [16] Nugmanov N.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie informatsionnyh prav cheloveka i granitsy ih vozmozhnogo pravovogo ogranicheniya [International legal regulation of human information rights and their possible legal limitations]. *European Science*. 2016; 11. (In Russ.).
- [17] Pushkaryova E.A. Prava cheloveka kak aksiologicheskaya filosofsko-pravovaya kontsepsiya v sovremennoj sotsialnoj situatsii [Human rights as an axiological philosophical-legal concept in the contemporary social situation]. *Sibirsky Mezhdunarodny Zhurnal*. 2018; 20. (In Russ.).
- [18] Rezolyutsiya Generalnoj Assamblei OON 217A(III) ot 10 dekabrya 1948 goda [Resolution of the UN General Assembly 217A(III) of December 10, 1948]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (In Russ.).
- [19] Stadnikov M.G., Shcheglov A.A. *Sotsialnaya psihologiya sovremennogo ekstremizma* [Social Psychology of Contemporary Extremism]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [20] Suslov A.V. Prava i svobody cheloveka kak ob`ekt filosofskoj refleksii: ot klassicheskikh istokov k neklassicheskim perspektivam [Human rights and freedoms as an object of philosophical reflection: From classical origins to non-classical perspectives]. *Filosofskaya Mysl*. 2021; 3. (In Russ.).
- [21] Upornikov R.V. *Politiko-pravovye tekhnologii protivodejstviya informatsionnomu ekstremizmu v Rossii* [Political-Legal Technologies for Countering Information Extremism in Russia]: Diss. k.yu.n. Rostov-on-Don; 2007. (In Russ.).
- [22] Chulyukin L.D., Guriyanova V.V. Tsennosti obshchestva i prava cheloveka [Social values and human rights]. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*. 2016; 4. (In Russ.).
- [23] Ignatieff M. *Human Rights as Politics: The Tanner Lectures on Human Values*. Delivered at Princeton University on April 4–7, 2000. URL: <https://tannerlectures.utah.edu/lecture-library.php>.
- [24] Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000; 65.
- [25] Wendt A. *Social Theory of International Politics*: Cambridge; 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609

Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития*

А.С. Рындина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: ablagva@mail.ru)

Аннотация. С момента становления общества и формирования первых моделей его осмысления понятие ценности оказалось в центре концептуальных построений теоретического и практического плана. С одной стороны, на быденном уровне мы все понимаем важность ценностного многообразия, с другой стороны, не вполне понятно, как можно совместить это разнообразие с социальным порядком. В статье представлена попытка обозначить те междисциплинарные истоки теории ценностей, которые наиболее значимы для концептуального определения понятия «ценность» и эмпирического изучения ценностного самосознания современного общества в рамках социологической дисциплины. Автор обозначает два условных вектора развития теории ценностей, которые принципиально важны для социологической работы: первый вектор — это обогащение своего рода аксиологической концепции, которая первоначально сформировалась как исключительно философская. Как правило, ее истоки связывают с работами И. Канта (мораль как должное, ее взаимоотношения со свободой и естественными стремлениями человека, объективные цели, абсолютные ценности и т.д.), поскольку все последующие философские течения были или последователями, или критиками его трансцендентального подхода. Так, представители неокантианства сосредоточились на таких понятиях, как «переоценка ценностей», «ценностное обесценивание», «мнимые ценности» и «руководящие культурные ценности», «ценности и оценки». Считается, что классические социологические теории ценностей берут начало в работах Э. Дюркгейма: для него ценности образуют некую объективную реальность, на которой может и должно основываться социальное согласие, поэтому основные социальные явления (религия, мораль, право, экономика, эстетика) он считал ничем иным, как системами (очень разных) ценностей, или социальных идеалов. Эволюция социологических трактовок ценностей двигалась в направлении постепенного отхода от сугубо теоретических концепций к обобщенно-методологическим построениям, позволяющим описывать роль ценностей в институционализированном выполнении социальными системами функций сохранения и воспроизводства культурного образца, а затем к эмпирико-инструментальным моделям, которые используют понятия ценностных ориентаций и социальных установок. Здесь формируется второй условный вектор развития теории ценностей в социологии, связанный с разработкой методик эмпирической изучения ценностного многообразия общества в исторической и сопоставительной перспективах.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; социальные установки; социологическая трактовка; философская традиция; иерархия ценностей; методика измерения ценностных ориентаций

* © Рындина А.С., 2021

Статья поступила 15.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

Предмет теории ценностей находится на стыке нескольких дисциплин — философии, психологии, социальной психологии, культурологии, антропологии, экономики и др., что определяет междисциплинарность понятия ценности. Во многих источниках теория ценностей определяется как аксиология — особый раздел проблемного поля философии, но сегодня только философского понимания ценностей недостаточно уже хотя бы потому, что как фундаментальные нормы ценности способствуют интеграции общества, помогая индивидам делать социально одобряемый выбор [16. С. 105–107]; формируют фокус социальных устремлений. Обобщенное определение ценностей включает в себя следующие их характеристики [39. С. 137–138]: ценности определяют смысл жизни по целям-принципам; образуют ядро культуры; связаны с целеполагающей деятельностью людей и общества; имеют надличностный, а иногда и внеисторический характер; позволяют разделить мир сущего и мир должного; задают одну из возможных предельных рамок социальной деятельности; являются важным фактором социальной регуляции.

В становлении теории ценностей до XX века важную роль играла философия, рассматривая некий «идеальный» опыт. Так, трансценденталистский подход И. Канта обосновывал категорию морали как должного и сталкивал ее со свободой и естественными стремлениями человека. Последующие философские течения были или последователями, или критиками трансцендентального подхода. Понятие ценности у Канта коррелирует с понятием целей: ценности зависимы от целей и не самостоятельны, но обладают значимостью. Объективные цели, по Канту, — это «предметы, существование которых само по себе есть цель» [12]. Ценности соотносятся с объективностью высших целей человеческого существования, а не с объективностью природных вещей. Кант не принимает за истинные ценности, которые основаны на субъективных интересах. Для него абсолютной ценностью является не счастье, благополучие и наслаждение, а сам человек, его «добрая воля», «свобода своей способности желания» [13]. Понятия ценности и культуры связаны, так как в культуре можно вычленил всеобщий ценностно-регулятивный элемент, а ее высшая ценность — моральное развитие человека [14].

Важный этап в развитии теории ценностей связан с работами Р.Г. Лотце: признавая трансцендентальное мировоззрение, в том числе определяя человека как «звено духовного царства» [20], он добавляет, что идеальные образы, кантовские цели «сами в себе» субъективизируются в процессе взаимодействия. Лотце описывает бытие ценностей как идеальное, сверхприродное и объективное и относит ценности к сфере долженствования [37]. В рассуждениях Лотце прослеживается и социокультурный аспект: он отмечает, что разные условия развития общества являются импульсом для возникновения различных ценностных приоритетов, нравственных законов. Рассуждая о совести, нравственности и справедливости, он отмечает их некую формальность и иллюзорность: «среди крови и всех ужасов жестокости можно, в некотором смысле, формально также хорошо блюсти веру, верность и

справедливость, как и среди неги мирных наслаждений, среди грязи упоительного сластолюбия» [20].

Представители неокантианства, развивая идеи Канта и Лотце, наделили понятие ценности системными смыслообразующими характеристиками. Так, представители Баденской школы неокантианства рассматривают ценность как идеальное бытие, не зависящее от субъективности человека. В. Виндельбанд трактовал ценность как идеальные нормы, на основе которых оценивается то, что совершается с естественной необходимостью [6. С. 201]. Соответственно, философия — наука о необходимых и общезначимых определениях ценностей [7. С. 44]. Высшие абсолютные ценности — это истина, благо, добро и красота, и ценности не только влияют на нравственность человека, но и составляют основу его эстетической и теоретической деятельности. Разделяя мир на сферу действительности и сферу ценностей, Виндельбанд считал, что ценности должны пониматься не как объективные, а как значащие категории [8. С. 90–91]. Поскольку ценности — это нормы культуры, возможна их «переоценка», которая «устанавливает новые идеалы воления» в результате культурного прогресса, нравственной или социальной реформы [7. С. 323].

Другой представитель Баденской школы, Г. Риккерт, разделяет понятия ценности и долженствования, объясняя это тем, что, когда ценность соотносится с познающим субъектом, она противостоит ему как норма и правило в сфере долженствования [31. С. 55]. Он относит ценности к «третьему царству» — вне «царств» бытия и мыслей: «о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат или не имеют значимости» [32]. Ценности «придают жизни осмысленную “жизненность” и тем самым превращают ее в нечто иное, чем просто жизнь», поэтому философия — это учение о ценностях, которое «дает нам знание о нашем жизневоззрении, освещая перед нами совокупность ценностей, из-за которых дорога жизнь» [33]. По Риккерту, «истолковать смысл человеческой жизни удастся лишь тогда, когда мы знаем ценности, придающие ей смысл. Таким образом, рядом с проблемами бытия становятся проблемы ценностей», и «то, что индифферентно по отношению к ценности, исключается как несущественное» [32], и, напротив, «универсальные проблемы бытия превращаются в теоретические вопросы о ценностях» [33].

Риккерт подчеркивает трансцендентальный характер ценности, отделяя ее от актов оценки и от объектов, которые люди называют благами: ценности могут быть оценены, но не являются оценкой. Он вводит категорию трансцендентального понимания — отнесения к ценностям, когда понятным становится то, что является общезначимым, относится к ценностям. Культура — это «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей» [32]. Трансцендентность ценностей, обозначающая их принадлежность к надындивидуальному и надэмпирическому миру, означает их объективность, поэтому ценности не могут меняться — только наше отношение к ним [33]. Ценности становятся нормами

при взаимодействии с субъектами, а с нормой появляется элемент долженствования, соотносящийся с внутренним миром субъекта. Без идеала человек не может правильно жить, и ценности составляют этот идеал: «прогресс означает, если вообще придавать этому слову точный смысл, повышение в ценности культурных благ» [32].

Риккерт также ввел понятия «переоценка ценностей», «ценностное обесценивание», «противоценности», «мнимые ценности» и «руководящие культурные ценности». Согласно Риккерту на человеческие оценки и отношения к ценностям можно влиять, но не следует смешивать их с самими ценностями — они не «переоцениваются», а только заменяют друг друга. Проблему разоблачения мнимых ценностей Риккерт предлагал решать путем исследования, устоит ли их значимость перед критикой. Под руководящими ценностями он понимал ценности, «относительно которых утверждается значимость, принципиально выходящая за пределы чисто фактического признания» [32].

Противостоит трансцендентальному направлению натуралистический психологизм, объясняющий формирование ценностей биопсихологическими потребностями: ценность — то, что необходимо для обеспечения эффективной жизнедеятельности. Р.Б. Перри отмечал, что аксиология как ветвь знания включает в себя элементы этики, эстетики, юриспруденции, политики, экономики, философии, религии [58. С. 9]. Познание через аксиологию делает человека более свободным, как и знание законов природы. Человек — основание ценностей, так как индивид может накапливать опыт и использовать его для интерпретации настоящего и осмысливания будущего.

Реальность — источник ценностей: если нет интереса и его практического осуществления, то нет и ценностей: «Интерес является объединяющим понятием для инстинкта, побуждения, чувства, удовольствия и боли, эмоций и другим отделам моторно-аффективной жизни» [58]. Интересы подразделяются на идеальные и экзистенциальные: для первых ценность не является функцией существования (во время войны мир для людей становится высшей ценностью); для вторых ценность зависима от объекта (можно наслаждаться запахом и цветом, только если они существуют). Ценности зависят от интересов человека и изменяются в соответствии с ними. Однако и ценности могут формировать интересы: например, ценность семьи является источником многих интересов. Общество в целом не имеет собственных интересов, интерес общества — это свод интересов отдельных личностей, поэтому необходима гармония интересов всех членов общества.

М. Шелер опирался на априоризм И. Канта и феноменологию Э. Гуссерля: ценности — это феномены объективные, их нельзя создать или уничтожить, но можно обнаружить в процессе познания. Ценности, будучи «априорными» и трансцендентными, «усматриваются» человеком и предписывают ему определенные нормы долженствования [48. С. 294]. По Шелеру, невозможно применять к ценностной проблематике логические законы, так как ценность может быть выражена через эмоциональное содержание

[48. С. 286–287]. Шелер разделяет ценности на два класса — позитивные и негативные, но не в зависимости от их субъективного восприятия. Иерархия ценностей представляет собой ряды модальности по возрастанию: ценности приятного и неприятного, витальные ценности, духовные ценности, ценности святыни. Наивысшей модальностью характеризуются ценности святыни, они приближены к абсолютным ценностям — тем, что существуют для “чистого” чувства (предпочтения, любви), т.е. для чувства, независимого в способе и законах своего функционирования от сущности чувственности и от сущности жизни. Таковы, например, нравственные ценности» [48. С. 317].

Другой представитель феноменологического направления Н. Гартман полагает, что, «будучи абсолютными в идеальной сфере, ценности отнюдь не абсолютны по силе детерминации в действительном мире людей» [9] — человек имеет свободу следовать ценности или нет. Человек является поверенным ценностей и долженствования в реальном мире, он внедряет их в действительность. Столкновение ценностей долженствования и реальной детерминации — это «многозначный моральный конфликт», в нем «увязаны все актуальнейшие проблемы, с которыми человек в собственной жизни должен постоянно разбираться» [9]. Новая ситуация ставит перед человеком новые задачи, и именно ценностное сознание говорит ему, что он должен делать, «но это его не детерминирует, а дает ему простор решать за или против воспринимаемой ценности» [9].

Гартман различает эстетические и этические ценности: «ценности, которые присущи эстетическим предметам, вообще не являются ценностями в себе сущего — как в случае ценностей блага или нравственных ценностей, а ценностями только предмета как предмета, явления как явления» [9]. Эстетические ценности «бессильнее» нравственных, они не приникают в реальность. «Не ценности возникают и исчезают в истории, а изменяется ценностное сознание» [9]. Закон «сужения ценностного сознания» — это «прогрессирование» ценностного сознания, т.е. «открывая новые ценности, оно закрывает глаза на другие стороны других ценностей, которые ранее были открыты» [9].

Согласно М. Хайдеггеру, человеческие оценки, наделение чего-то смыслом и значимостью зависимы от человека: мышление человека субъективно и не позволяет открыть для мысли «просвет бытийной истины» [45]. Хайдеггер критикует основные ценности западного мира — антропоцентризм, рационализм и гуманизм — как мешающие в поиске сокрытой сущности бытия, который возможен через мышление, и трактует нигилизм как изъятие ценностей из культуры. Для него нигилизм — «приходящая к господству истина о том, что все прежние цели сущего пошатнулись. Но с изменением прежнего отношения к ведущим ценностям нигилизм достигает также полноты, становится свободной и чистой задачей установления новых ценностей..., обесценки прежних верховных ценностей», но тогда лишается ценности и опиравшееся на них сущее [46]. «Всякое истолкование мира, будь то наивное или совершенное расчетливое, есть полагание ценностей и тем самым

формирование и образование мира по образу человека... своеобразное униформирование разнообразной до сих пор западноевропейской истории... дает знать о себе метафизически в спаривании “идеи” и “ценности” как ведущего инструмента мировоззренческого истолкования мира» [46].

Классические социологические теории ценностей берут начало в работах Э. Дюркгейма: для него ценности образуют реальность «*sui generis*», некую объективную реальность, на которой может и должно основываться согласие. «Ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом. Но и идеал дан нам в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность. Выражаемая связь, стало быть, соединяет два понятия точно так же, как в “реальном” суждении» [11. С. 113]. Подвергая критике теологическую гипотезу, Дюркгейм полагает, что «ценность, конечно, проистекает из связи вещей с различными аспектами идеального, но идеальное — это не воспарение к таинственным потусторонним сферам, оно заключено в природе и происходит из нее» [11. С. 113]. Идеал изменчив, а вместе с ним должна меняться шкала ценностей: великие идеалы, на которых базируются цивилизации, создавались «в моменты эмоционального возбуждения» — «творческие и новаторские периоды». «Основные социальные явления: религия, мораль, право, экономика, эстетика, — суть не что иное, как системы ценностей, следовательно, это идеалы» [11. С. 114]. Существуют разные ценности: «одно дело — экономическая ценность, другое — ценности нравственные, религиозные, эстетические, метафизические» [11. С. 109].

Социологическое истолкование понятие ценности у М. Вебера опирается на концепцию неокантианства, но, в отличие от Риккерта (ценность как надысторическая категория), Вебер трактует «мирские ценности» как свойственное эпохе направление интереса. Однако «высшие ценности» «обрели значение “вневременных”, и их реализация в рамках “культуры” стала независимой от реализации во времени» [4]. В свою очередь, «понятие культуры — ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас “культура” потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те — и только те — компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [5]. Для индивида особенно важна «ничтожная» часть действительности, которая окрашена собственным интересом, но также связана с ценностными идеями. «Конкретные формы отнесения к ценности не могут быть поэтому постоянными, они подвержены вечному изменению, которое уходит в темное будущее человеческой культуры» [5]. Вебер констатирует существование множества ценностных сфер, а потому и постоянного конфликта между ними: «столкновение ценностей везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе» [2]. По Веберу, ценности являются не только мотивом человеческого действия, но и фундаментальными нормами любых видов действий [3].

В трудах Т. Парсонса ценности обретают обобщенно-методологический смысл. Парсонс рассматривал социальные системы как сочетание ценностей,

норм, коллективов и ролей [57], и именно ценностям отводил ведущую регулятивную роль в выполнении социальными системами функции сохранения и воспроизводства образца. Парсонс отмечал, что ценности являются регуляторами в процессах, где субъекты действия принимают на себя определенные обязательства, т.е. это представления о желаемом для той или иной социальной системы. Независимые переменные в структуре социальных систем — конкретные ценности и нормы — необходимы для стабильной институционализации коллективов и ролей, поскольку сами ценности и нормы институционализируются при «воплощении в жизнь» конкретными ролями и коллективами [28]. Таким образом, абстрактные общие ценности могут «узаконивать» отличающиеся друг от друга нормы в разных социальных общностях. «Системы ценностных эталонов (критериев выбора) и других моделей культуры, если они институционализированы в социальных системах и интернализированы в системах личности, руководят актором как в ориентации на цели и нормативные регуляторы значений, так и в экспрессивных действиях, везде, где диспозиция потребностей актора требует выбора в обстановке действия» [29].

Согласно Парсонсу «культурная система (или система поддержания паттерна) выстраивается вокруг институционализации культурных ценностных паттернов, которые на общем культурном уровне могут рассматриваться как моральные», последние посредством интернализации встраиваются в структуры личности и ее поведения, «а на более высоком уровне генерализации сочленяются с религией, науками и искусствами внутри культурной системы» [30]. Под институционализацией ценностного образца Парсонс понимал «консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества», но отмечал, что степень консенсуса может быть разной. Соответственно, ценностное своеобразие и самодостаточность «определяется степенью, в которой институты общества легитимизированы согласованными ценностными приверженностями его членов» [28].

Р. Мертон выделил два важных элемента в социальной и культурной структуре: первый — «определенные культурой цели, намерения и интересы, выступающие как требуемые законные цели для всех членов общества либо некоторых» [24. С. 245], второй — нормы, регулирующие допустимые процедуры продвижения к данным целям. Цели связаны между собой и складываются в «строгую иерархию ценностей», которая называет для общества вещи, «за которые стоит бороться». Общества различаются тем, «насколько эффективно народные обычаи, нравы и институциональные требования интегрированы с целями, занимающими высокое положение в иерархии культурных ценностей» [24. С. 248]. Культурная структура «формирует ряд нормативных ценностей, регулирующих поведение, общее для членов общества или группы» [24. С. 284].

Аномия — это распад в культурной структуре, т.е. сами ценности порождают поведение, которое не соответствует их направленности: социально структурированные возможности членов общества действовать определенным образом не совпадают с ценностно одобренными нормами. Простая

аномия — «это состояние нарушения порядка в группе или обществе, в которых между системами ценностей происходят конфликты, проявляющиеся в некоторой степени беспокойства и ощущении разобщенности с группой» [24. С. 284]. Острая аномия — «девальвация и в крайнем случае дезинтеграция системы ценностей, которая проявляется в значительной тревоге». Часто не совместимые друг с другом ценности могут оказаться совместимыми, если будут распределены между разными статусами в социальной структуре, т.е. не будут приводить к противоречащим требованиям к человеку, и ценностный конфликт будет устранен.

Ч. Миллс, отвечая на вопрос «как возможен социальный порядок?», соглашался с Парсонсом, что общепринятые ценности играют важную роль. Говорить об общих ценностях можно, «когда большая часть членов институционального порядка принимает узаконения этого порядка и когда такие узаконения успешно выражают или по крайней мере благодушно охраняют подчинение» [56]. Социальное равновесие поддерживается двумя инструментами: социализацией и контролем, т.е. введенные «высокими теоретиками» понятия «ценностные ориентиры» и «нормативная структура» — это то, что помогает узаконивать власть. «Если ценности не оправдывают институтов и не побуждают личностей исполнять институциональные роли, то какими бы важными они ни были в частных областях, исторически и социологически они не имеют значения» [56]. Миллс считает, что общепризнанные ценности не наследуются, а воспитываются обществом — так «социально ожидаемое» становится индивидуальной потребностью.

Н. Луман связывает ценности с наиболее предпочтительными последствиями действия, называя их «общими позициями относительно предпочтительных состояний и событий, символизированными как единицы» [21. С. 418]. Коммуникация создает реальность, а внутри социальной системы обуславливает формирование и функциональные характеристики ценностей на локальном уровне, потому что ценностный консенсус невозможен для общества в целом. Например, в процессе коммуникации обладающий властью способен побудить зависимых от него к усвоению или неусвоению неких ценностных установок. Аксиологические структуры социальных систем также являются и их границами: «уже спецификация функций и кодов приводит к отвержению других системных ориентаций, т.е. постоянно наводит на мысль о присутствии исключенного, и в связи с этим формулировки ценностей обладают тем смыслом, что они проясняют каждой системе на специфическом для нее языке, от чего она отклоняется» [22. С. 185].

Луман отмечает такую особенность ценностей, как изолированность от верификации — ценности нельзя окончательно опровергнуть или принять: они встраиваются в память социальной системы, и случаи отклонения тех или иных ценностей не «забываются системой», что вызывает новое обсуждение этих ценностей в подходящий период времени. На ситуацию «подтасовки ценностей» социальная система может отреагировать раздражением, поэтому в

социальном управлении Луман предлагает делать акцент на «неоспоримых ценностей» — путем включения их в повседневное языковое обращение, в законотворчество, партийные программы и т.д. [21. С. 218].

В теории Лумана СМИ формируют социальную память, избирательно фиксируя то, о чем следует помнить, а что следует забыть. Знания, полученные через СМИ, как бы сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого заменяют иные ценностные ориентиры [23. С. 104]. В социальной системе, охваченной аутопойетическими процессами, должен выработываться достаточный ценностный консенсус и согласие, для чего необходимо создавать ценностные логические иерархии. В качестве примера Луман приводит «транзитивность отношения множества ценностей... — сохранение свободы важнее сохранения мира, мир важнее культуры, культура важнее прибыли, причем невозможно было бы утверждать, что прибыль важнее свободы» [21. С. 418].

Благодаря работам Ф. Знанецкого и У. Томаса, в социологии появляется понятие социальной установки, т.е. ценностные идеалы неокантианской традиции обретают эмпирико-инструментальное значение. Они сформулировали «две фундаментальные практические проблемы, которые составляют ядро рефлексивной социальной практики»: «зависимость индивида от социальной организации и культуры и зависимость социальной организации и культуры от индивида» [38]. Соответственно, нужно различать объективные культурные элементы социальной жизни и субъективные характеристики членов социальной группы, т.е. социальные ценности и личностные установки.

Под ценностью понимается «любой факт, имеющий доступные членам некой социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которых он есть или может стать объектом деятельности» [63]. Ценность многогранна, ее содержание может выражаться чувственно, частично чувственно и частично вообразимо, а также вообразимо, т.е. ценность противопоставляется естественной вещи, которая имеет лишь содержание, но не значение. Под социальной установкой понимается ориентация индивидуального сознания на реальную или возможную активность в социальном мире, т.е. установка является индивидуальным двойником общественной ценности. «Через свое отношение к деятельности и тем самым к индивидуальному сознанию ценность отлична от природной вещи. Через свое отношение к деятельности и тем самым к социальному миру установка отлична от физического состояния» [63]. Понятие социальной установки обозначает индивидуальные ориентации членов группы на определенные ценности, и одна из задач социологического исследования — установить причины и закономерности изменения этих установок [64].

Разделение на ценности и ценностные установки у Знанецкого и Томаса схоже с классификацией ценностей по критерию «цель — средство» у М. Роккича, согласно которой ценности разделяются на два класса. Терминальные

ценности — это убеждения, что конечные цели существования с личной и общественной точек зрения заслуживают того, чтобы стремиться к ним (жизненные ценности-цели). Инструментальные ценности — это убеждения в том, что определенный образ действий предпочтителен в любых ситуациях как с личной, так и с общественной точек зрения (ценности-средства) [59. С. 160].

В теории социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау ценности рассматриваются как предметы обмена: социальное действие — процесс взаимодействия индивидов, строящийся на принципе рациональности, в процессе которого происходит обмен ценностями. Поскольку не существует равностоящих социальных ценностей, то обмен получается неравновесным, что приводит к социальному неравенству. Исследуя малые группы, Хоманс пришел к выводу, что основа социального действия — обмен вознаграждениями и наказаниями, а основные его переменные — ценность и количество: «ценность получаемой единицы деятельности и число таких единиц, получаемых в некоторый период времени» [47. С. 132]. Сама же ценность, состоящая из двух компонентов — постоянного и изменчивого, представляет исследовательский интерес именно вторым — «тем, что меняется в своей ценности, всегда является нечто, получаемое от другого человека или из среды» [47. С. 119–120].

Блау, переходя на макроуровень, рассматривает ценности и нормы как основания властных отношений, способ поддержания стабильности социальной системы: большее вознаграждение получают власть имущие, поэтому социальные отношения упорядочиваются по принципу иерархии, и власть становится основной единицей анализа социальных структур. Вознаграждением власть предержащих за предоставляемые нижестоящим выгоды становится их нормативное и ценностное одобрение [53. С. 253], поэтому стратегическая цель любого политического режима — создание системы базовых ценностей, которые бы воспринимались подавляющим большинством. Наличие нормативно-ценностной системы, принимаемой большинством, — показатель эффективного выполнения властью своих социальных функций [53. С. 301].

Таким образом, очевиден исторический переход теории ценностей от онтологических и гносеологических акцентов к методологическим и инструментальным. В последние десятилетия к ним добавился и методический компонент. Например, одной из известнейших методик изучения иерархии ценностных ориентаций является методика М. Рокича, основанная на прямом ранжировании и уже много лет доказывающая свою валидность и надежность [35. С. 136–137]: респонденты должны проранжировать два списка ценностей (терминальные и инструментальные — по 18 ценностей) в соответствии с их значимостью: респонденты присваивают наименьший ранг той ценности, которая наиболее значима для них, т.е. именно ею они руководствуются в жизни. Основная проблема данной методики состоит в эффекте, который получил название «кошелек Миллера»: не все испытуемые могут одновременно воспринимать более 5–7 элементов, что осложняет для респондентов

процедуру ранжирования 18 ценностей. Поскольку не все респонденты имеют высокий уровень образования, формулировки опросника могут быть сложны для понимания. Существенным недостатком методики является возможность получения неискренних ответов, поэтому исследователям приходится полагаться на добрую волю испытуемых. Неоднозначны и критерии ранжирования: одна часть респондентов может руководствоваться критерием абсолютности групп ценностей, другая — соотносить ценности с индивидуальным жизненным опытом.

Для преодоления недостатков методики предлагается дополнительно ранжировать ценности по степени их доступности или реализованности в жизни индивида [43], модифицировать методику посредством метода парных сравнений — когда предпочтения респондентов распределяются между парами ценностей, и можно оценить последовательность его суждений и выстроить картину предпочтений. Методические эксперименты показали, что респонденты не могут оценить предлагаемые им пары альтернативных ценностей однозначно и последовательно, поэтому можно использовать интервью — чтобы снизить степень сложности методики; что ответы испытуемых часто являются случайными; что нередко различные основания сопоставления ценностных пар. Тем не менее, методика Рокича хорошо себя зарекомендовала, поскольку отличается гибкостью и позволяет менять список ценностей и инструкции в зависимости от задач исследования. Также важна оперативность сбора данных и обработки результатов.

Первоначальный набор ценностей в методике Рокича был рассчитан на представителей американской культуры, а впоследствии был адаптирован для разных обществ, например, для российского. Так, Д.А. Леонтьев предложил разбить ценности на определенные блоки, чтобы показать соотношение ценностных систем: задача исследователя — уловить закономерность в построении субъективной системы ценностных ориентаций. Если невозможно выделить ни одну закономерность, значит, система ценностных ориентаций не сформировалась (подростковый возраст или фальсификации) [19. С. 17]. Е.Б. Фанталова предлагает заменить ранжирование парными сравнениями [43; 44]: сначала респонденты должны сравнить попарно ценности по критерию значимости и привлекательности, а затем по степени доступности — в результате можно оценить в баллах степень значимости и доступности ценности для индивида. Если будет выявлен значительный разрыв между показателями значимости какой-либо ценности и ее доступности, то это говорит о рассогласовании в мотивационно-личностной сфере, наличии внутренних конфликтов, неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией.

Другой пример модификации методики Рокича — методика Ш. Шварца, основанная на идее, что список базовых ценностей человечества универсален, а набор ценностных ориентаций индивида или социальной группы преследует разные цели. Включая в опросник базовые ценности, понимаемые как универсальные потребности человека, Шварц отбирал их по результатам

предшествующих исследований и ценностно насыщенных произведений религиозной и философской направленности. Базовые ценности были сгруппированы Шварцем в соответствии с их близостью к разным мотивационным типам [60] — он разработал модель динамических отношений между ценностными типами: это круг, в котором конфликтующие ценности расположены в противоположенных направлениях от центра, а дополнительные типы — в зависимости от близости их значений. Шварц полагал, что действия индивида основаны на определенном типе ценностей и имеют социальные, практические и психологические последствия, поэтому вступают в противоречие друг с другом или, напротив, становятся совместимыми. Например, ценности доброты могут вступать в конфликтные отношения с ценностями достижений, т.е. стремление к личному успеху может противоречить таким ценностям, как лояльность, снисходительность, поддержание благополучия других и т.д.

Исследования Шварца показали, что выбранные им десять мотивационных типов относятся к двум биполярным осям измерения: открытость изменениям (ценности стимуляции и самостоятельности) и консерватизм (ценности безопасности, конформности, традиций); самовозвышение (ценности власти, достижений) и самотрансцендентность (ценности доброты и универсализма) [61]. Так, мотивационный тип гедонизма сочетает в себе элементы самовозвышения и открытости изменениям. Мотивационные типы порождают общую мотивационную систему, в которую можно включить такие переменные, как поведение, установки и т.д.

На основе теории динамических отношений между мотивационными типами ценностей Шварц составил опросник, который включил 57 ценностей, разбитых на 10 ценностных типов. Первая часть опросника, «обзор ценностей», состоит из двух списков ценностей (терминальные и инструментальные), вторая часть, «профиль личности», состоит из 40 пунктов, в которых дается описание человека, соответствующего одному из 10 мотивационных типов, — респондент должен оценить степень своей похожести на описанного человека (индивидуальные приоритеты, которые проявляются в социальном поведении). Две части опросника позволяет охарактеризовать два уровня функционирования ценностей: ценности, возникающие в результате давления процессов социализации; ценности, воспринятые в составе своей группы, а также связанные с традициями. По результатам исследований Шварц сделал вывод, что ценности личности подразделяются на два уровня: уровень нормативных идеалов характеризуется большей стабильностью и отражает представления индивида о возможной модели поведения; уровень индивидуальных приоритетов более подвижен и зависим от внешней среды [62]. Это разделение подвергалось критике, потому что некоторые синонимичные ценности (вежливость — уважение других — самоуважение; равенство — социальная справедливость; жизнь, полная впечатлений — изменчивая жизнь; наслаждающийся жизнью — потворствующий своим желаниям и т.д.) повторяются в опроснике как совершенно различные.

Методика Р. Инглхарта основана на концепции А. Маслоу, согласно которой ценности можно разделить на высшие Б-ценности (бытия, саморазвития — добро, справедливость, красота, истина) и низшие Д-ценности (защитные — безопасность, покой, сон, мир). Инглхарт также разделил ценности на «материалистические» и «постматериалистические»: доминирование в обществе той или иной группы показывает общие тенденции его экономического и социального развития [54]. Ценности постматериалистического характера распадаются на ценности «присоединения» и ценности самоактуализации, саморазвития. А.П. Вардомацкий дополняет методику Инглхарта описанием ценностей через «гипотезу идеализации» — уровень образования увеличивает потребность личности в ментальной деятельности [1. С. 80–84].

По мнению Р. Инглхарта и К. Вельцеля, социально-экономическое развитие связано с различием ценностных ориентаций, и можно выделить два основных измерения межкультурной изменчивости: традиционные ценности против светско-рациональных; ценности выживания против ценностей самовыражения. Проект «Глобальная культурная карта» [55] показывает, как десятки обществ размещены в этих двух измерениях: движение вверх по карте отражает сдвиг от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, а движение вправо — от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Методика исследования основана на том, какую ценность выберет респондент из предлагаемого списка ценностей-индикаторов материалистической и постматериалистической направленности, однако более половины опрошенных нельзя однозначно отнести к «материалистам» или «постматериалистам» [10], т.е. типология Инглхарта недостаточно дифференцирована. Так, Х. Клагес различает ценности общественного долга и признания (порядок, послушание, дисциплина) и ценности самореализации (творчество, свобода, самоутверждение) [49], т.е. разводит нормоцентрическую ориентацию (приверженность общественным нормам) и аутоцентрическую (приоритет своего «я»). Иными словами, следует говорить не о двух противоречащих, а о трех взаимодополняющих ценностных типах (потребности витальные, социальные и в самореализации).

Для изучения как осознаваемых, так и не вполне осознаваемых индивидом ценностных предпочтений используются проективные методики, например, метод неоконченных предложений, свободное высказывание на заданную тему, сочинение и т.д. [36]. В методике Г. Олпорта респондентов просят написать «автобиографию будущего», проецируемую на несколько десятилетий вперед. Результаты обрабатываются с помощью контент-анализа, чтобы выявить набор базовых ценностей представителей культурной группы и различия в списке базовых ценностей представителей разных групп [26]. А.П. Вардомацкий предложил методику изучения жизненных ценностей, «которые определяют жизненный путь человека на достаточно больших отрезках биографии и представляют собой стратегические детерминанты поведения личности как во времени, так и в ценностном пространстве» [1. С. 80],

в форме полуструктурированного аксио-биографического интервью представителей малой группы. После введения «Под событием будем понимать любое изменение в Вашей жизни. Оно может быть и как бы вне Вас — в связи с работой, семьей, друзьями, сменой места жительства, переменами в обществе, так и внутри — смена Вашего образа мыслей, чувств, системы ценностей и т.п. Это могут быть также какие-то Ваши отдельные поступки...» [1. С. 81–82] респондентов просят зафиксировать 15 событий — произошедших и будущих, последовательно выбирая сначала пять наиболее важных, затем пять менее важных, после — еще пять. Далее в ходе интервью респондента просят прояснить ценностное содержание выделенных событий, что позволяет составить список его жизненных ценностей в его собственных формулировках. После этого перечень схожих индивидуальных определений жизненных ценностей стандартизируется для использования на репрезентативной выборке (можно также группировать ценности по частоте встречаемости).

Исследовательская группа В.А. Ядова изучала соотношения личностных диспозиций и реального поведения в течение 1970–1971 годов в 9 проектно-конструкторских институтах Ленинграда на выборке в 1100 человек [49]. Ядов [51] разработал диспозиционную модель регуляции поведения, согласно которой личность обладает структурированной иерархией диспозиций — это продукт столкновения потребностей и ситуаций, в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены. Ядов рассматривает диспозиции как состояния предрасположенности, поведенческие готовности к восприятию условий действительности [52]. Низший уровень диспозиции включает в себя не осознаваемые и лишённые модальности установки, т.е. переживания, на основе потребностей физического существования. Социальные фиксированные установки образуют следующий уровень диспозиции и формируются на основе оценки социальных ситуаций и объектов. Общая направленность интересов личности в какой-либо области социальной активности формирует следующий уровень диспозиции, за которым идет уровень ценностных ориентаций — это элементы саморегуляции поведения, конструирующие особый образ мыслей личности, ее мировоззрение.

«Ключевым для уяснения вклада В.А. Ядова является предложенное им понимание системной природы ценностных ориентаций» [18. С. 88], поскольку обобщенный ценностно-ориентационный вектор целенаправленного поведения регулирует выбор человеком того или иного типа (сферы и способа) деятельности. Однако, согласно Н.И. Лапину, «не произошел и не мог совершиться прорыв в поисках методов прогнозирования, тем более целенаправленного преодоления противоречий между ценностными ориентациями и реальным поведением личности» [18. С. 91]: какие-то гипотезы получили частичное подтверждение, другие — нет, но все же концепция диспозиционной структуры личности показала системный характер ценностных ориентаций и стала основой методик их эмпирического исследования.

Лапин являлся руководителем проекта «Наши ценности и интересы сегодня» — это всероссийский социологический мониторинг ценностей населения,

который проводился Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИКСИ ИФРАН) с 1990 года каждые четыре года. Методом исследования стало формализованное интервью: 70% вопросов не менялись — блок ценностных суждений (44 вопроса) сохранялся неизменным [17. С. 78–79]. Согласно результатам мониторинга, «ни одна из базовых ценностей не исчезла из сознания россиян» [17. С. 82], но изменились позиции многих ценностей в общей аксиологической структуре: так, из четырех «слоев базовых ценностей» (интегрирующее ядро, два срединных слоя и конфликтногенная периферия) устойчивостью характеризуются ядро и периферия, а срединные слои подвижны. Эти результаты совпадают с концепцией Ядова (терминальные ценности устойчивее инструментальных): меньшая устойчивость инструментальных ценностей облегчает адаптацию к социальным изменениям.

Таким образом, прослеживается многовариантность методик эмпирического изучения ценностных ориентаций, обусловленная их ограничениями теоретического и практического характера. Сочетание разных методических решений может стать решением [см., напр.: 25; 40–42], однако не всегда это возможно — в силу методологических, процедурных, финансовых и временных ограничений.

Библиографический список

- [1] Вардомацкий А.П. Аксио-биографическая методика // Социологические исследования. 1991. № 7.
- [2] Вебер М. Избранные произведения. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/07.php.
- [3] Вебер М. Избранные произведения. Основные социологические понятия // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php.
- [4] Вебер М. Избранные произведения. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/03.php.
- [5] Вебер М. Избранные произведения. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/04.php.
- [6] Виндельбанд В. Прелюдии. Философские речи и статьи. СПб., 1904.
- [7] Виндельбанд В. Философия культуры. М., 1994.
- [8] Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993.
- [9] Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра. СПб., 2001.
- [10] Дилленгенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.
- [11] Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2.
- [12] Кант И. Основы метафизики нравственности // URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn/01.php.
- [13] Кант И. Критика способности суждения // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000499/st009.shtml>.
- [14] Кант И. К вечному миру // URL: <https://iknigi.net/avtor-immanuil-kant/175827-kvechnomu-miru-immanuil-kant/read/page-2.html>.
- [15] Латин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.

- [16] *Лапин Н.И.* Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. М., 2010.
- [17] *Лапин Н.И.* Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3.
- [18] *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6.
- [19] *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.
- [20] *Лотце Р.* Микрокосм. Т. 2. М., 1866.
- [21] *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
- [22] *Луман Н.* Общество общества: Кн. 4: Дифференциация; Кн. 5: Самоописания. М., 2010.
- [23] *Луман Н.* Реальность массмедиа. М., 2005.
- [24] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- [25] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [26] *Олпорт Г.В.* Личность в психологии. СПб., 1998.
- [27] *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php.
- [28] *Парсонс Т.* Система современных обществ // URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5395>.
- [29] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. Ч. 2. Ценности, мотивы и системы действия // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/10.php.
- [30] *Парсонс Т.* Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. № 1.
- [31] *Риккерт Г.* Два пути познания // Новые идеи в философии. Сб. 7. СПб., 1913.
- [32] *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
- [33] *Риккерт Г.* Философия жизни. СПб., 1922.
- [34] *Риккерт Г.* О понятии философии // Логос. 1910. Кн. I.
- [35] *Саганенко Г.И.* Эксперимент на сопоставление различных методов ранжирования качественных признаков // Личность и ее ценностные ориентации. М., 1969. Вып. I.
- [36] *Смирнов Л.М.* Анализ опыта разработки экспериментальных методов изучения ценностей // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1.
- [37] *Столочич Л.Н.* Красота. Добро. Истина. М., 1994.
- [38] *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1994.
- [39] *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни. М., 2016.
- [40] *Троцук И.В., Гребнева В.Е.* Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3.
- [41] *Троцук И.В., Савельева Е.А.* Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.
- [42] *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.
- [43] *Фанталова Е.Б.* Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1.
- [44] *Фанталова Е.Б.* Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» // Журнал практического психолога. 1996. № 2.
- [45] *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Gumanizm.php.
- [46] *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_index.php.
- [47] *Хоманс Дж.К.* Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2001. № 2.

- [48] Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
- [49] Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 20.
- [50] Ядов В.А., Магун В.С., Борзикова П.В. и др. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
- [51] Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.
- [52] Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- [53] Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1986.
- [54] Inglehart R. The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies // American Political Science Review. 1971. No. 65.
- [55] The Inglehart-Welzel World Cultural Map // URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>.
- [56] Mills W. The Sociological Imagination. N.Y., 1959.
- [57] Parsons T. General theory in sociology // Sociology Today. N.Y., 1959.
- [58] Perry R.B. Puritanism and Democracy. N.Y., 1944.
- [59] Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco, 1972.
- [60] Schwartz Sh.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. Orlando, 1992.
- [61] Schwartz Sh.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50.
- [62] Smith P.B., Schwartz Sh.H. Values // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1997.
- [63] Thomas S., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. N.Y., 1918.
- [64] Znaniecki F. Social Action. N.Y., 1967.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-590-609

The origins of the theory of values in sociology and directions of its development*

A.S. Ryndina

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: ablagva@mail.ru)

Abstract. Since the first stages in the development of society and its scientific models, the term ‘value’ has become a center of theoretical and applied concepts. On the one hand, in everyday life, we all understand the importance of value diversity; however, on the other hand, it is not clear how this diversity can be combined with the social order. The article presents an attempt to identify those interdisciplinary origins of the theory of values that are the most significant for the conceptual definition of ‘value’ and for the empirical study of the value system of the contemporary society in sociology. The author identifies two conditional trends in the development of the theory of values, which are fundamentally important for sociology: the first trend is presented by the development of a kind of axiological concept which was originally purely philosophical. As a rule, the origins of this trend are found in the works of I. Kant (morality as duty, its relationship with freedom and natural aspirations, objective goals, absolute values, etc.), since all subsequent philosophical interpretations of values either followed or criticized his transcendental approach. Thus,

* © A.S. Ryndina, 2021

The article was submitted on 15.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

representatives of neo-Kantianism focused on such concepts as ‘revaluation of values’, ‘value devaluation’, ‘imaginary values’ and ‘guiding cultural values’, ‘values and estimates’. The origins of the classical sociological theories of values are found in the works of E. Durkheim: he believed that values formed a kind of objective reality on which social harmony can and should be based; therefore, the main social phenomena (religion, morality, law, economics, aesthetics) are systems of (very different) values, or social ideals. The evolution of sociological interpretations of values was determined by the gradual departure from purely theoretical concepts to generalized methodological models, which allowed to describe the role of values in the institutionalized performance of the functions of preserving and reproducing a cultural model, and then to empirical-instrumental models based on the terms ‘value orientations’ and ‘social attitudes’. Thus, the second conditional trend in the development of the theory of values in sociology is determined by the introduction of methods for the empirical study of value diversity in the historical and comparative perspectives.

Key words: values; value orientations; social attitudes; sociological interpretation; philosophical tradition; hierarchy of values; method for measuring value orientations

References

- [1] Vardomatsky A.P. Aksio-biograficheskaya metodika [Axio-biographical method]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1991; 7. (In Russ.).
- [2] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya. Smysl ‘svobody ot otsenki’ v sotsiologicheskoy i ekonomicheskoy nauke* [Selected Works. The meaning of ‘freedom from evaluation’ in sociological and economic science]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/07.php. (In Russ.).
- [3] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Selected Works. Basic sociological concepts]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php. (In Russ.).
- [4] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya. Teoriya stupeny i napravleniy religioznogo nepriyatiya mira* [Selected Works. The theory of steps and directions in the religious rejection of the world]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/03.php. (In Russ.).
- [5] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya. ‘Ob’ektivnost’ sotsialno-nauchnogo i sotsialno-politicheskogo poznaniya* [Selected Works. ‘Objectivity’ of social-scientific and social-political knowledge]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/04.php. (In Russ.).
- [6] Windelband W. *Prelyudii. Filosofskie rechi i stati* [Preludes. Philosophical Speeches and Articles]. Saint Petersburg; 1904. (In Russ.).
- [7] Windelband W. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [8] Windelband W. *Filosofiya v nemetskoj dukhovnoy zhizni XIX stoletiya* [Philosophy in the German Spiritual Life of the 19th Century]. Moscow; 1993. (In Russ.).
- [9] Hartmann N. Sistematische filozofiya v sobstvennom izlozhenii [Systematic philosophy in its own presentation]. *Faust i Zarautstra*. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
- [10] Diligensky G.G. *Sotsialno-politicheskaya psikhologiya* [Social-Political Psychology]. Moscow; 1996. (In Russ.).
- [11] Durkheim E. Tsennostnye i ‘realnye’ suzhdeniya [Value and ‘real’ judgments]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1991; 2. (In Russ.).
- [12] Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Foundations of the Metaphysics of Morality]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn/01.php. (In Russ.).
- [13] Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of the Ability to Judge]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000499/st009.shtml>. (In Russ.).
- [14] Kant I. *K vechnomu miru* [Perpetual Peace]. URL: <https://iknigi.net/avtor-immanuil-kant/175827-k-vechnomu-miru-immanuil-kant/read/page-2.html>. (In Russ.).
- [15] Lapin N.I. Modernizatsiya bazovykh tsennostey rossiyan [Modernization of the basic values of Russians]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1996; 5. (In Russ.).

- [16] Lapin N.I. Universalnye tsennosti i mnogoobrazie zhiznennykh mirov lyudey [Universal values and diversity of people's life worlds]. *Dialog kultur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovlenie globalnoy kultury*. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [17] Lapin N.I. Problema tsennostey v issledovaniyakh V.A. Yadova i ego kolleg [The issue of values in the research of V.A. Yadov and his colleagues]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2009; 10 (3). (In Russ.).
- [18] Lapin N.I. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii [How the Russian citizens feel and what they strive for]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2003; 6. (In Russ.).
- [19] Leontiev D.A. *Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsiy* [Method for the Study of Value Orientations]. Moscow; 1992. (In Russ.).
- [20] Lotze R. *Mikrokosm* [Microcosm]. Vol. 2. Moscow; 1866. (In Russ.).
- [21] Luhmann N. *Sotsialnye sistemy. Ocherk obshchey teorii* [Social Systems. Outline of a General Theory]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
- [22] Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva: Kn. 4: Differentsiatsiya; Kn. 5: Samoopisaniya* [The Society of Society: Book. 4: Differentiation; Book 5: Self-Description]. Moscow; 2010. (In Russ.).
- [23] Luhmann N. *Realnost massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [24] Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
- [25] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
- [26] Allport G.W. *Lichnost v psikhologii* [Personality in Psychology]. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
- [27] Parsons T. *Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya* [The concept of society: Components and their relationship]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php. (In Russ.).
- [28] Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5395>. (In Russ.).
- [29] Parsons T. *O strukture sotsialnogo deystviya* [On the Structure of Social Action]. Ch. 2. Tsennosti, motivy i sistemy deystviya. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/10.php. (In Russ.).
- [30] Parsons T. Sotsialnye sistemy [Social systems]. *Voprosy Sotsialnoy Teorii*. 2008; II (1). (In Russ.).
- [31] Rickert G. Dva puti poznaniya [Two ways of knowledge]. *Novye idei v filosofii*. Saint Petersburg; 1913; 7. (In Russ.).
- [32] Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kulture* [Sciences of Nature and Sciences of Culture]. Moscow; 1998. (In Russ.).
- [33] Rickert H. *Filosofiya zhizni* [Philosophy of Life]. Saint Petersburg; 1922. (In Russ.).
- [34] Rickert H. O ponyatii filosofii [On the concept of philosophy]. *Logos*. 1910; I. (In Russ.).
- [35] Saganenko G.I. Eksperiment na sopostavlenie razlichnykh metodov ranzhirovaniya kachestvennykh priznakov [An experiment to compare different methods for ranking qualitative variables]. *Lichnost i ee tsennostnye orientatsii*. Moscow; 1969; I. (In Russ.).
- [36] Smirnov L.M. Analiz opyta razrabotki eksperimentalnykh metodov izucheniya tsennostey [Analysis of the development of experimental methods for the study of values]. *Psikhologichesky Zhurnal*. 1996; 17 (1). (In Russ.).
- [37] Stolovich L.N. *Krasota. Dobro. Istina* [Beauty. Good. Truth]. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [38] Thomas S., Znaniecki F. Metodologicheskie zametki [Methodological notes]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl*. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [39] Toshchenko Zh.T. *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of Life]. Moscow; 2016. (In Russ.).

- [40] Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Vozmozhnosti i ogranicheniya osnovnykh metodicheskikh podkhodov k izucheniyu schastiya [Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2019; 25 (3). (In Russ.).
- [41] Trotsuk I.V., Savelieva E.A. Sravnitelnye issledovaniya tsennostnykh orientatsiy: vozmozhnosti, ogranicheniya, logika razvitiya [Comparative studies of value orientations: Potential, limitations and the logic of development]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 4. (In Russ.).
- [42] Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Tsennostnye oriyentatsii molodezhi: podkhody, metodiki i zadachi sotsiologicheskogo analiza [Value orientations of the youth: Approaches, methods and tasks of sociological analysis]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2015; 20. (In Russ.).
- [43] Fantalova E.B. Ob odnom metodicheskom podkhode k issledovaniyu motivatsii i vnutrennikh konfliktov [On one methodological approach to the study of motivation and internal conflicts]. *Psikhologichesky Zhurnal*. 1992; 13 (1). (In Russ.).
- [44] Fantalova E.B. Metodika ‘Uroven sootnosheniya “tsennosti” i “dostupnosti” v razlichnykh zhiznennykh sferakh’ [Method ‘The level of “value–availability” correlation in various spheres of life’]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*. 1996; 2. (In Russ.).
- [45] Heidegger M. *Pismo o gumanizme* [Letter on Humanism]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/_Gumanizm.php. (In Russ.).
- [46] Heidegger M. *Evropeysky nihilizm* [European Nihilism]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_index.php. (In Russ.).
- [47] Homans J.K. Sotsialnoe povedenie: ego elementarnyye formy [Social behavior: Its elementary forms]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. 2001; 2. (In Russ.).
- [48] Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1994. (In Russ.).
- [49] Schleder B. Struktura tsennostnykh orientatsiy. Empiricheskoe issledovanie [The structure of value orientations. Empirical research]. *Inostrannaya Psikhologiya*. 1994; 2 (20). (In Russ.).
- [50] Yadov V.A., Magun V.S., Borzikova P.V. i dr. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsialnogo povedeniya lichnosti* [Self-Regulation and Prediction of the Person’s Social Behavior]. Leningrad; 1979. (In Russ.).
- [51] Yadov V.A. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsialnogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-Regulation and Prediction of the Person’s Social Behavior: Dispositional Theory]. Moscow; 2013. (In Russ.).
- [52] Yadov V.A. O dispozitsionnoy regulyatsii sotsialnogo povedeniya lichnosti [On the dispositional regulation of the person’s social behavior]. *Metodologicheskie problemy sotsialnoy psikhologii*. Moscow; 1975. (In Russ.).
- [53] Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. New York; 1986.
- [54] Inglehart R. The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies. *American Political Science Review*. 1971; 65.
- [55] The Inglehart-Welzel World Cultural Map. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org>.
- [56] Mills W. *The Sociological Imagination*. New York; 1959.
- [57] Parsons T. General theory in sociology. *Sociology Today*. New York; 1959.
- [58] Perry R.B. *Puritanism and Democracy*. New York; 1944.
- [59] Rokeach M. *Beliefs, Attitudes and Values*. San Francisco; 1972.
- [60] Schwartz Sh.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Orlando; 1992.
- [61] Schwartz Sh.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*. 1994; 50.
- [62] Smith P.B., Schwartz Sh.H. Values. *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Boston; 1997.
- [63] Thomas S., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. New York; 1918.
- [64] Znaniecki F. *Social Action*. New York; 1967.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622

Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию-размышление по мотивам работы Скотта Харриса «Приглашение в социологию эмоций» (Пер. с англ. О.А. Симоновой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020). Безусловно, учебник — не тот тип научной литературы, который нуждается в рецензировании после опубликования, но данная книга требует определенной «презентации», поскольку социология эмоций — одна из маргинальных областей отечественной социологии, по крайней мере, с институциональной точки зрения. Кратко охарактеризовав истоки и проявления «аффективного поворота», автор уточняет его последствия для социальных наук (признание культурной обусловленности эмоций, восприятие в ходе социализации «эмоциональных стандартов» в контексте «эмоциональных матриц» своего общества и т.д.), а затем реконструирует социологическую модель изучения эмоций, предлагаемую Харрисом: опора на символический интеракционизм и теорию социального обмена, анализ нормативного аспекта эмоций (культурные ожидания относительно того, что следует чувствовать в конкретных ситуациях, социальные стандарты оценки приемлемости эмоций и т.д.) и описание «процессуальной» стороны эмоциональной жизни (обмен и управление эмоциями, идентификация эмоций и «эмоциональный труд»).

Ключевые слова: эмоции; социология эмоций; аффективный поворот; эмоциональные нормы; эмоциональный труд; управление эмоциями; счастье; справедливость

Исторически развитие социологической науки было связано с отмежеванием от психологической проблематики, прежде всего, личностно-эмоциональной — как слишком зыбкого основания для социального порядка: социальные факты мыслились как некие объективные столпы общественного устройства, непоколебимые волнами индивидуальных, групповых и

* © Троцук И.В., 2021

Статья поступила в редакцию 22.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

массовых эмоциональных стихий, хотя и подверженные соответствующим изменениям. Со временем принципиальный антипсихологизм социологического подхода несколько ослаб, и сегодня мультидисциплинарный характер социологии, признавшей необходимость сотрудничества с социальными психологами и модифицирующей под свои задачи психологические методики, определяет разное отношение социологов к эмоциональному измерению частной и общественной жизни.

В российской социологии эмоции как предмет исследования занимают маргинальное положение: например, в программе и сборнике тезисов VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов», который должен был состояться в Тюмени 14–16 октября 2020 года, но в условиях пандемии был отложен на год, эмоции не упоминаются в названии ни одной из 35 секций и 16 круглых столов. Иную ситуацию мы наблюдаем на сайте Европейской социологической ассоциации: исследовательский комитет «Социология эмоций» был создан в 2003 году — первоначально как исследовательское направление «Социология любви и ненависти: эмоции», в 2004 году он был преобразован в комитет, организующий секции на всех европейских социологических конгрессах. Комитет позиционирует себя как институциональный результат социологического интереса к эмоциям, который оформился в 1970-е годы: это и попытка особого теоретизирования (разработка методологических оснований исследования эмоций как одного из фундаментальных оснований социальной жизни), и совокупность тематических акцентов (взаимосвязь эмоций и форм социального неравенства, возрастающая роль «эмоционального капитала» в организационном управлении, влияние эмоций на политику и судопроизводство — сферы, традиционно воспринимаемые как предельно рациональные, и т.д.) в целом ряде социологических дисциплин (социология культуры, социология политики, социология организаций, социология социальных движений, социология миграции, экономическая социология и т.д.).

Речь идет не о научно-популярной гиперболизации субъективного компонента социальной жизни, когда, например, утверждается, что «если страдание не воспринимается как таковое, то это вообще не страдание, ибо это не объективная, а субъективная категория, связанная с переживанием» [1. С. 67]. И не о распространенных сегодня попытках сочетать достижения менеджмента и психотерапии в поисках путей обретения счастья и гармонии с окружающим миром, хотя лежащий в основе этих попыток отказ от модели «человека экономического» как «подчиненного лишь логике поиска выгоды» [6. С. 11] в пользу более реалистических объяснений показал, что нередко внешне рациональное поведение таковым не является, в его основе могут лежать странности внутреннего мира («внутренние взбесившие кинг-конги»): «люди действуют и делают тот или иной выбор под влиянием сложных и иррациональных эмоций, поэтому человек, только что совершивший благороднейший поступок, может тут же повести себя как подлец» [6. С. 27].

Обращение социологов к эмоциям как достойному их внимания предмету обусловлено «аффективным поворотом», одно из проявлений которого — становление междисциплинарной области исследований «история эмоций». Ее представители реконструируют контуры эмоциональной культуры разных эпох, выявляя механизмы культурной обусловленности индивидуального переживания: в ходе социализации мы усваиваем предлагаемые культурой «эмоциональные матрицы» (образцы чувствования и реагирования на те или иные ситуации), во многом благодаря ключевым «текстам» эпохи (художественная литература и формы массовой культуры, презентующие модельные образцы эмоционального поведения для разных социальных контекстов и типажей) [см., напр.: 4]. Так, Н. Элиас связывал становление европейской цивилизации с институционализацией практик контроля над проявлениями эмоций, а К. Гирц обосновывал культурную обусловленность эмоций тем, что окружающие нас социальные ритуалы, мифы и искусство показывают и навязывают нам «публичные образы чувствования» (С. 14). Значительно раньше эмоциональность была признана важной чертой социального мышления и проектирования в утопических проектах (например, Т. Мора), поскольку аффективное измерение утопического жанра позволяло его представителям разрабатывать экзистенциальные и этические принципы новой социальной жизни, не отвлекаясь на «комариную тучу мелких забот» [5. С. 116].

К 1970-м — 1980-м годам «аффективный поворот» проник в социологию, заставив и ее представителей признать, что «все общества имеют свои эмоциональные стандарты... Изменения в эмоциональных стандартах многое говорят и о других социальных изменениях, а могут и способствовать им... Человек может входить одновременно в самые разные как социальные, так и текстуальные сообщества, порой предлагающие ему не совпадающие между собой системы норм и ценностей», в том числе в эмоциональной сфере [4. С. 15–16]. Однако до сих пор обращение к эмоциональному измерению социальной жизни часто считается «психологизированием» — «неким методологическим сбоем, недостатком», поскольку «язык психологии» якобы способен «загрязнить социологически нейтральный подход» [5. С. 74]. И книга Харриса призвана показать, как следует изучать эмоции, чтобы остаться в рамках социологической «нейтральности».

Харрис категорически обходит проблему биологической обусловленности эмоций [см., напр.: 8; 11; 13], лишь констатируя в начале книги, что они «настолько же обусловлены социально, насколько и биологически», и сосредотачивается на «пяти социальных измерениях наших чувств» (С. 7–8): эмоции регулируются/формируются культурными нормами (наша «внутренняя полиция»); мы управляем/«исполняем» эмоции («подобно актерам на сцене»); мы постоянно отслеживаем эмоциональный уровень взаимодействий вокруг нас («измеряем»/оцениваем эмоции на основе культурных представлений); эмоции явным и неявным образом включены в трудовые процессы («эмоциональный труд» и «эмоциональный дисплей»); мы определяем/называем эмоции в

соответствии со сложившимся в культуре словарем, где зафиксированы приемлемые/конвенциональные «способы описания того, что человек или группа предположительно чувствует» (С. 8). В предисловии Харрис уточняет, что книга основана на работе Арли Хокшильд «Управляемое сердце: Коммерциализация человеческих чувств» [10] и представляет собой развитие этой проблематики во временной (более поздние примеры и эмпирические исследования) и обучающей (аннотированные списки для дальнейшего чтения и практические задания, «чтобы “протестировать” обсуждаемые концепции на жизненных ситуациях») перспективах.

Учитывая перечисленные особенности книги Харриса, нет смысла воспроизводить ее структуру и содержательные акценты, поэтому суммируем тот категориальный аппарат, что автор предлагает социологу для обогащения его исследовательского инструментария. Прежде всего, нам необходимо социологическое определение эмоций, к которому Харрис подходит от противного — перечисляя те заблуждения, от которых нам следует отказаться. В отличие от мышления и поведения («респектабельные и важные темы», обладающие «аурой серьезности и значительности»), «чувства находятся под подозрением... — эмоции часто умаляют и считают незначительными» (С. 15), что неверно, поскольку они вездесущи («расцветивают и придают смысл практически всему нашему опыту — от рутинных до экстраординарных ситуаций») и «неразрывно связаны практически с любыми “большими” вопросами, которые люди считают жизненно важными и имеющими серьезные последствия» (С. 17). Например, потеря работы может порождать чувства незащищенности, тревоги и опустошенности, а позитивные эмоции поддерживают нашу идентичность и социальные связи. Хотя эмоции имеют генетический базис, их социальное измерение неустранимо — «культурные правила предписывают людям, как переживать и выражать эмоции» (С. 19). Соответственно, эмоции нельзя рассматривать как неизбежные и автоматические реакции — люди могут творчески их использовать/контролировать, пусть и с переменным успехом: мы можем управлять признаками испытываемого чувства (скрывать волнение во время собеседования или публичного выступления), т.е. модифицировать внешнее выражение эмоций, или же пытаться изменить свои реальные чувства (подбадривая себя в сложной ситуации).

Другим заблуждением Харрис считает противопоставление эмоций как чего-то иррационального логическому мышлению («субъективные, загадочные и странные..., затуманивают наш разум» — С. 23): мы часто рационально отслеживаем эмоциональные нормы, чтобы просчитать издержки и выгоды от управления и обмена эмоциями в разных социальных ситуациях (ведем «мысленную бухгалтерскую книгу» своих эмоциональных «доходов» и «расходов»). Иными словами, следует перестать связывать эмоции «с иррациональными или глупыми действиями вместо рациональных и мудрых. Эта тенденция в большей степени определяется нашей культурной политикой по отношению к эмоциональной жизни, чем наблюдениями за отношением

между чувством и действием» [10. С. 315]. Такой эмоциональный «рационализм» не позволяет считать эмоции сугубо частным делом, а индивидуальный эмоциональный опыт — уникальным, неповторимым и непознаваемым: «эмоциональные нормы являются культурно разделяемыми ожиданиями, которые управляют индивидуальными чувствами и реакциями людей на эти чувства... наши эмоциональные состояния постоянно становятся публичными событиями и даже товаром, вопреки широко распространенному мнению об их приватном характере» (С. 26). Другим проявлением рассматриваемого заблуждения является предубеждение, что даже сам человек часто не может выразить свои эмоции, однако за описания собственных и чужих чувств отвечают социальные факторы — устойчивые наборы понятий, сложившиеся в конкретном языке, определяемые культурными нормами и дифференцируемые по сферам деятельности.

Отказываясь от поиска единственного и окончательного определения эмоций, Харрис выделяет два условных подхода: либо краткие и минималистичные трактовки (эмоции — реакции, обусловленные предшествующим социальным опытом), либо пространные и «плотно упакованные» перечисления характеристик эмоций. Он опирается на определение Хокшильд, которая рассматривает эмоции как аналог зрения, слуха и обоняния (обеспечивают нас информацией о мире и подготавливают к действию), но отмечает их связь с нашим восприятием ситуации и контекста («ключ к тому, о чем думаем мы или другие») (С. 31). «Эмоция — это чувство, которое говорит о саморелевантности реальности: по нему мы делаем вывод о том, что должны хотеть или ожидать, или как должны воспринимать мир. Эмоция — один из способов раскрыть глубоко скрытые взгляды на вещи... Правила, касающиеся типа, интенсивности, длительности, своевременности и уместности чувств, — это руководящие принципы общества, подсказки от невидимого режиссера» [10. С. 145].

Последующие разделы книги посвящены детальному и категориально насыщенному обоснованию возможности и необходимости социологического изучения эмоций. Так, во втором разделе Харрис определяет эмоциональные нормы как расширение понятия «социальные нормы», т.е. это «культурные ожидания относительно того, что следует людям чувствовать в разных типах ситуаций; или социально разделяемые стандарты оценки приемлемости эмоций, которые мы переживаем и выражаем» (С. 35), а потому поведение человека может быть как эмоционально нормальным, так и эмоционально девиантным. Харрис выделяет шесть характеристик эмоциональных норм:

- вездесущность и невидимость (мы осознаем эмоциональные нормы в моменты их нарушения [см. также: 14]);
- приведение в действие посредством слабых (неодобрительные взгляды и замечания) и сильных (остракизм) санкций: тот, кто своими эмоциональными реакциями заслуживает звания «никогда не бывает

счастливым», испытывает серьезные проблемы в общении с близкими, на брачном рынке и в профессиональной сфере, поскольку наша внешняя «счастьливость» также социально нормирована;

- усвоение в процессе прямой (значимые другие открыто объясняют нам эмоциональные нормы) и непрямо́й (наблюдение за эмоциональными дисплеями окружающих, в том числе через инструменты массовой культуры) эмоциональной социализации, в ходе которой используются позитивные и негативные подкрепления, помогающие нам усвоить «правила чувствования (переживания)» и «правила выражения эмоций»;
- кросс-культурная (изменение от группы к группе) и темпоральная/историческая вариативность (изменение во времени): сегодня социальной нормой стала «счастьливость», над обретением которой следует систематически работать, и для кого-то «несчастный» эмоциональный дисплей считается категорически недопустимым, например, для новобрачных [см. также: 12; 15];
- неоднозначность и противоречивость даже в рамках одной культуры и периода времени — эмоциональные нормы часто двусмысленны или неоднозначны (считается правильным быть счастливым и благодарным, но в какой степени и форме?), подвержены влиянию личностно-индивидуальных и субкультурных различий;
- отражение и поддержание социального неравенства («когнитивные системы верований» и идеологии неизменно подкрепляются эмоциональными нормами), т.е. доминирующие группы определяют характер «эмоциональной компетентности» и допустимые эмоциональные реакции, например, на социальную несправедливость; эмоциональные нормы имеют гендерные, поколенческие и иные особенности.

Опираясь на концепцию Хокшилд, Харрис очерчивает «репертуар эмоционально отклоняющегося поведения» (эмоциональных девиаций): выражение чувства неверного типа, т.е. «аморального, нелогичного или неподходящего» (горюющая на свадьбе невеста); выражение правильного чувства, но не в том «количестве» или не той интенсивности (чрезмерное счастье или любовь); выражение чувства в течение неприемлемого по длительности периода (человек горюет месяцами по умершему хомяку или через пару дней после смерти супруги отправляется на свидание); несвоевременная эмоциональная реакция (преждевременная или отложенная); неуместное выражение чувств (перед неподходящей аудиторией или в неподходящем месте).

Наиболее интересующий автора социологический аспект эмоционального поведения — управление эмоциями. Следуя «театральной метафоре» И. Гофмана, Харрис рассматривает социальное взаимодействие как своего рода актерскую игру с разной степенью погружения как в ситуацию, так и в собственные эмоции. Он выделяет два типа контроля эмоций: внешнее/поверхностное исполнение (изображение чувства, которое мы не испытываем,

чтобы проконтролировать его восприятие окружающими) и глубокое исполнение (одновременно создание впечатления и «воспитание» в себе желательного/нужного эмоционального состояния), различающиеся целями — управление тем, что окружающие думают о моих эмоциях, или стремление заставить себя пережить то чувство, которое я изображаю (поверхностное исполнение может стать глубоким). В первом случае человек использует такие приемы, как подбор слов (чтобы скрыть скуку, раздражение, гнев и пр.) и тона голоса (чтобы имитировать энтузиазм или нейтрализовать критическую ситуацию), контроль экспрессивной мимики и телесных жестов (чтобы создать определенное впечатление), подбор внешних атрибутов (одежда, татуировки, прическа, макияж, физические объекты). Иными словами, «выражаемые эмоции не являются просто естественными, неизбежными или автоматическими. Люди могут “работать” над чувствами, которые они показывают..., “подделывая” или по крайней мере изменяя свой эмоциональный дисплей» (С. 67). Во втором случае задействуются такие техники, как телесное глубокое исполнение (человек старается «вызвать» или «приглушить» чувство за счет фокусировки на своем физиологическом состоянии), экспрессивное глубокое исполнение (приведение чувств в соответствие с их внешними проявлениями) и когнитивное глубокое исполнение (изменение интерпретации ситуации, чтобы почувствовать себя в ней по-другому — «не можешь изменить ситуацию — измени отношение к ней»).

Три типа глубокого исполнения взаимосвязаны, их разведение лишь «помогает нам выделить главное социальное измерение человеческих эмоций — управление ими», или «эмоциональную работу» (С. 76). Последняя всегда имеет межличностный характер (даже в одиночестве мы ориентируемся на других), но может быть как искренней (отчаяние студента, у которого накануне экзамена сломался компьютер), так и нечестной (супруг старательно изображает счастье, чтобы сохранить брак). Однако и это весьма условные особенности управления эмоциями, поскольку мы «не всегда точно знаем, что реально переживаем в данный момент..., и не подвергаем себя систематическому наблюдению, т.е. не можем в полной мере оценить степень, в которой люди модифицируют и, возможно, “подделывают” свои эмоции» (С. 84). По сути, Харрис конкретизирует применительно к сфере эмоций идею об интенциональности нашего бытия: «Социальный индивид в значительной степени (если не полностью) представляет собой продукт интенциональных действий других людей. Но как только мы приобретаем способность размышлять о себе и некоторую долю независимости, мы начинаем формировать себя сами» [7. С. 43].

Начиная с «управленческого» раздела, Харрис показывает, как работают классические социологические понятия в сфере изучения эмоционального измерения социальной жизни. Так, согласно теории обмена, люди — «рациональные гедонисты», для которых ситуации выбора телевизора или друзей различаются только критериями оценки «товара», но не принципами

взаимодействия (С. 88–89), например, «принципом убывающей предельной полезности» (все последующие покупки считаются менее ценными, чем предыдущие). Конечно, взгляд на общество с эконометрически-обменных позиций («жизнь — это торг» [9. С. 62]) порождает слишком «роботизированную» его картину, в которой каждый ведет бесконечные подсчеты своего социального «дебита-кредита», но Харрис уточняет, что обменные отношения не всегда основаны на поиске выгоды — возможны альтруистические взаимодействия из чувства долга, лояльности, по любви, в соответствии с убеждениями и пр. Например, «героические поступки часто совершаются такой ценой, что сколь угодно сильное восхищение общества не может служить компенсацией... Подобное презрение к материальному эгоистическому интересу люди демонстрируют во многих обстоятельствах — мы часто готовы заплатить за торжество справедливости» [9. С. 227]. Эмоции объясняют, почему люди чаще ведут себя честнее по отношению к другим, чем к крупным институтам: обмануть человека считается более аморальным поступком и вызывает большее чувство вины у обманщика и больший гнев окружающих, чем если бы он украл что-то из большого магазина или недоплатил налоги). «Многие люди в большинстве случаев стараются проявлять справедливость, доброту и честность, особенно по отношению к “своим”... Нам свойственно делиться, сотрудничать и выручать друг друга из беды» [11. С. 19].

Наши «обмены», в том числе эмоциональные, могут основываться на принципах безвозмездности (альтруистическая помощь пострадавшим и нуждающимся), взаимности (ожидания возмещения предоставленных благ или выгод в будущем) и дополненности (исходя из социальных ролей, например, родители и дети следуют социальным обязательствам, а не расчетам издержек и выгод), и мы достаточно легко сочетаем или переключаемся между разными логиками обмена в разных контекстах. Соответственно, не все аспекты теории социального обмена универсальны, и для изучения эмоций ее следует использовать двояко: с одной стороны, мы можем интерпретировать эмоции с помощью ее основных принципов и понятий (даже «любящее» поведение может включать в себя расчет издержек и выгод, что выражает поговорка «можно выходить замуж по расчету, главное — чтобы расчет был верным»). С другой стороны, мы можем дополнить теорию социального обмена эмоциональным измерением, чтобы, например, оценить роль эмоций в восприятии людьми справедливости обмена. Отношения обмена неизбежно порождают у их участников определенные чувства, обусловленные восприятием справедливости/несправедливости происходящего (недостаточная компенсация или чрезмерное вознаграждение), причем как на «выходе» (эмоции — «результат рациональных расчетов относительно распределения издержек и вознаграждений» — С. 94), так и на «входе» (студенты, сравнивая возможные карьерные пути, просчитывают не только объективные экономические перспективы, но предполагаемые профессией положительные и отрицательные эмоции). Наша социализация начинается с усвоения эмоциональных норм,

которые становятся своего рода «точкой отсчета» для развития дальнейших навыков социального взаимодействия в контексте культурных ожиданий: прямо и косвенно детей обучают правильным формам «эмоционального дисплея» и расчетам справедливости обмена, например, от женщин ожидают больше «эмоциональных даров». Так, «сочувствие формируется посредством рациональных калькуляций и определяется целым рядом разнообразных социальных факторов. Каждый человек имеет “биографию” сочувствия — историю или образец получения и выражения сочувствия. Предшествующий опыт формирует количество “кредитов сочувствия”, которые люди имеют на своих “счетах сочувствия”... Сочувствие дрейфует в “социально-эмоциональной” экономике, т.е. в системе, которая формируется нормативным пониманием надлежащего поведения и рациональными подсчетами относительно затрат и вознаграждений» (С. 99–100).

Если неформальные и немонетарные обмены люди оценивают как несправедливые, то возникающее сомнение влияет на эмоциональные переживания участников взаимодействия. Избавиться от недоверия здесь сложно, потому что «межличностные товары» могут оцениваться на основе разных критериев, их ценность может меняться со временем [см., напр.: 15], не только разные люди, но и один человек может изменить свое мнение или же испытывать двойственные чувства. Чувство несправедливости выступает сильным поведенческим стимулом, невзирая на утопичность идеи справедливого общества и обусловленное оценками его (не)достижимости состояние (не)счастья [17. С. 59, 117]: «Тот, кто страшно раздражается, когда с ним поступают несправедливо, не нуждается в формальном контракте, который обязал бы его мстить. Он все равно будет стремиться отомстить, потому что хочет этого, даже когда с чисто материальной точки зрения это себя не оправдывает... Чувство справедливости может выступать в качестве механизма обязательства, необходимого для решения проблемы торга... Заботиться о справедливости — это как подписать контракт, который не даст принять невыгодные условия односторонней сделки» [9. С. 65].

Такая модель объяснения честности и социальной справедливости была разработана давно, но Харрис дополнил ее антропологически-эволюционную версию эмоциональным аспектом. Согласно этой версии, «человечество развивалось в группах, где каждый мог предложить сотрудничество и получить такое же предложение от разных людей. Кроме того, у людей в ходе эволюции сформировалась активная заинтересованность в делах других, так что информация о том, как вы ведете себя по отношению к ним, обычно распространяется далеко за пределы круга заинтересованных лиц (репутация). Поэтому каждый может существенно выиграть за счет честного взаимовыгодного поведения» [2. С. 218]. Первоначально вопросы о предрасположенности людей к сотрудничеству и чувству справедливости рассматривали философы и писатели, затем к ним присоединились экономисты и эволюционные биологи, используя модель обменов и теорию игр, а позже — эволюционные антропологи

и психологи, показав, что в основе сотрудничества людей на принципах справедливости (кооперация в общих делах на взаимовыгодной основе с честным распределением результатов) лежат как общественные условия, так и психологические факторы, т.е. эмоции [2. С. 208].

Предлагаемую Харрисом «оптику» и «риторику» можно применить и к изучению счастья. Современное общество требует от человека быть счастливым и считает несчастье его личной ответственностью (невзирая на объективные обстоятельства его жизни). Несмотря на то, что «не существует единого пути к счастью, единого набора действий, которые обеспечат благополучие или довольство всему человечеству, ...и каждый из нас приходит в жизнь со своими особенностями и накапливаемый нами жизненный опыт ведет к тому, что удовлетворение и радость нам доставляют совершенно разные вещи» [11. С. 206], множество современных руководств, тренингов и медийных дискурсов, по сути, обучают человека техникам описанного Харрисом поверхностного исполнения (внешнее изображение счастья, чтобы окружающие считали, что у нас все хорошо) и когнитивного глубокого исполнения (убеждение себя, что у тебя все хорошо — по неким универсальным ценностным критериям или в сопоставлении с теми, кому «значительно хуже»). «Люди активно изменяют свои эмоции посредством поверхностного и глубокого исполнения, так как вовлечены в обменные отношения с другими людьми» (С. 95). В результате «быть счастливым — это в какой-то степени решение, но оно дается не только логически, это еще и эмоциональный процесс. Мало хотеть быть счастливым, нужно приложить для этого усилия, но при этом не перестараться» [3. С. 318].

Кстати, на примере «счастья» Хокшилд объясняет принципиальное отличие психологической и социологической трактовки эмоциональных конвенций [10. С. 109–114]: несчастный вид невесты на свадьбе психолог объяснил бы тревожностью или неоднозначным отношением к браку, а социолог рассмотрел бы свадьбу как ритуальное событие, в котором важное значение имеет управление эмоциями. Невеста знает о необходимых правилах внешнего проявления ее радости и счастья, но имеет некоторую свободу выбора из этих правил, когда «играет невесту»: если между событием (свадьба), мыслями и чувствами о нем ощущается единство, то ритуал срабатывает. У любой эмоциональной конвенции есть некоторое пространство для ошибок и отступлений: хотя невеста должна быть красивой и счастливой, ей позволено испытывать определенную степень тревоги, демонстрирующую ее серьезное отношение к браку. «Ощущая разрыв между идеальным чувством и реальным чувством, которое она испытывает, невеста настраивает себя на то, чтобы “быть счастливой”..., и ее эмоциональная работа вызывает эмоцию и даже не фальшивую... Гофман и другие социологи считают первостепенным и поиски выгоды на общественной сцене. Невеста может стараться быть счастливой, чтобы завоевать любовь родственников мужа, вызвать зависть у незамужних подруг или ревность у бывшего поклонника» [10. С. 112–113].

Понятия счастья и справедливости имплицитно вплетены и в наиболее интересную для Харриса проблематику — эмоционального труда, который он определяет как «оплачиваемое управление собственными эмоциями и работу с чувствами других людей» в тех сферах занятости, где от «работников требуется прямое и частое взаимодействие с клиентами»: горничные, кассиры, парикмахеры, крупье, медсестры, бортпроводники, адвокаты и пр. «должны “делать” покупателей (относительно) удовлетворенными и счастливыми..., снижать страх и тревогу клиентов» (С. 107). Впрочем, он уточняет, что практически каждая профессия требует определенного количества эмоционального труда даже без социальных взаимодействий, потому что любой работник часто вынужден бороться с чувством тревоги и культивировать в себе энтузиазм для выполнения трудовых задач. Харрис выделяет четыре способа, с помощью которых работодатели воздействуют на эмоциональный труд своих работников: три стратегии контроля (проверка навыков управления эмоциями при приеме на работу, явное и неявное обучение стратегиям поверхностного и глубокого исполнения, мониторинг и оценка того, как сотрудники выполняют эмоциональный труд) и непрямой метод — реклама, завышающая ожидания покупателей и тем самым увеличивающая количество эмоционального труда, требуемого от работников (например, реклама фастфуда обещает, что еда будет приготовлена и подана «улыбающимися счастливыми сотрудниками»).

Работники могут вырабатывать стратегии сопротивления контролю своего эмоционального труда, прямо и скрытно уклоняясь от соблюдения эмоциональных норм компании. Однако намного сложнее уклониться от эмоциональных правил, встроенных в систему социального неравенства: скажем, очевидна гендерная сегрегация многих профессий, которая определяет как масштабы занятости и различие требований к мужчинам и женщинам, так и ожидаемые от них объемы эмоционального труда. Эмоциональная нагрузка имеет последствия в результате «постоянно повторяющейся манипуляции своими эмоциями» (С. 126): позитивные — развитие навыков и способностей, полезных не только на работе, т.е. получение большего числа вознаграждений в повседневной жизни; негативные — эмоциональное выгорание (до «бесчувственности», «эмоциональной омертвелости»), амбивалентность/дезориентация (расхождение культурных норм, усвоенных в ходе социализации, и требований эмоционального труда, например, у врачей).

Конечно, у читателя может возникнуть определенный скепсис относительно того предельно «калькулируемого» характера социального взаимодействия на эмоциональном уровне, который (убедительно) показан в книге. С одной стороны, идея, что мы значительно более рациональны в своих эмоциональных выборах, чем нам представляется в ходе наблюдений за собой и окружающими, впечатляет и радует (приятно думать, что мы настолько управляем своей жизнью). С другой стороны, наши возможности контроля всего и вся, включая эмоции — свои и окружающих, все же вызывают

сомнения — и в принципе, и с учетом процессов рутинизации и институционализации, которые доводят многие наши действия и реакции до автоматизма. Харрис признает эти ограничения и даже расширяет их список: часто нам сложно понять даже собственные переживания, потому что во многих ситуациях мы испытываем целую гамму эмоций, но не обладаем инструментами для их идентификации, различения и измерения, не говоря уже о социальных, кросс-культурных и исторических различиях лингвистических и визуальных «словарей эмоций»: «Мы можем отмерить сахар чайной ложкой, столовой ложкой или чашкой, но нет такой же системы для измерения испытываемых или выражаемых нами чувств счастья или любви» (С. 139).

Критические замечания к книге Харрис предупреждает в ее заключительном разделе, уточняя, что представил «базовый и довольно избирательный взгляд на социологию эмоций» (С. 167), основная цель которого — «призвать пользоваться социологическими понятиями для исследования окружающего мира»: «социологи, изучающие эмоции, исследуют широкий ряд сложных вопросов, которые могут влиять на вас лично или определять жизнь другие людей, которые вам небезразличны... Исследователи эмоций развивают доступный, интересный и основанный на данных подход, не упрощая, не давая моральных наставлений и избегая индивидуализированного взгляда, свойственного книгам по самопомощи... Социология эмоций способствует совершенствованию стандартного набора социологических умений, включая критическое мышление (например, изучение эмоций может пролить свет на субъективный опыт неравенства за пределами “холодных и неоспоримых фактов”, которые показывают диаграммы и статистика)» (С. 171–172).

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Библиографический список

- [1] *Бирн П.* Жизненный выбор. О многообразии человеческого достоинства. СПб., 2018.
- [2] *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М., 2019.
- [3] *Геншафт Е.Д.* Игра на нервах. Человек эмоциональный. Минск, 2020.
- [4] *Зорин А.Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.
- [5] *Каспэ И.* В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М., 2018.
- [6] *Кетс де Врис М.* Секс, деньги, счастье и смерть: В поисках себя. М., 2018.
- [7] *Си Ду Си Р.* Хаос любви. История чувств от «Пира» до квира. М., 2021.
- [8] *Уилсон Э.* Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные. М., 2020.
- [9] *Фрэнк Р.Х.* Страсти в нашем разуме: Стратегическая роль эмоций. М., 2017.
- [10] *Хокшилд А.Р.* Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М., 2019.
- [11] *Черчленд П.* Совесть. Происхождение нравственной интуиции. М., 2021.
- [12] *Clanton G.* Jealousy and envy // *Handbook of the Sociology of Emotions* / J.H. Turner, J.E. Stets (Eds.). N.Y., 2006.

- [13] *de Waal F.* The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society. N.Y., 2009.
- [14] *Glenn Ph.* Laughter in Interaction. Cambridge, 2003.
- [15] *Illouz E.* Why Love Hurts. A Sociological Explanation. Polity Press, 2016.
- [16] *Trotsuk I.V.* Some features of an inspiring book; or why sociologists should study love despite its intangibility // Russian Sociological Review. 2017. Vol. 16. No. 4.
- [17] *van Hooff S.* Hope. Durham, 2011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622

How sociology of emotions is possible, and how it helps to understand happiness and justice*

I.V. Trotsuk

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

National Research University — Higher School of Economics

Myasnikskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article is a reflection-review of the book by Scott R. Harris *An Invitation to the Sociology of Emotions* (translated from English by O.A. Simonova; Moscow: HSE; 2020). Certainly, such a type of scientific works does not need a review after publication, but this book requires special attention for sociology of emotions seems to be a marginal area of Russian sociology, at least in the institutional perspective. After a brief description of the origins and manifestations of the ‘affective turn’, the author considers its consequences for social sciences (recognition of the cultural nature of emotions, perception of ‘emotional standards’ in the course of socialization, etc.), and reconstructs the sociological model for the study of emotions as developed by Harris: reliance on symbolic interactionism and the social exchange theory, analysis of the normative aspect of emotions (cultural expectations about how one should feel in different situations, social standards for assessing the acceptability of emotions, etc.) and of the ‘procedural’ side of the emotional life (exchange of emotions, management of emotions, identification of emotions, and ‘emotional labor’).

Key words: emotions; sociology of emotions; affective turn; emotional norms; emotional labor; management of emotions; happiness; justice

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective measurements of happiness: Justice as a criterion for personal and social well-being”.

* © I.V. Trotsuk, 2021

The article was submitted on 22.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-623-633

Негероические герои: два подхода к анализу медийных образов*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru)

Аннотация. В современную эпоху медийные «герои» формируют одну из сильнейших по своему влиянию референтных групп, которая определяет наше восприятие собственной жизни в терминах счастья, успеха, справедливости, благополучия или, напротив, их противоположностей. Статья представляет собой рецензию на две книги: *Салахиева-Талал Т.* Психология в кино: Создание героев и историй. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 349 с.; и *Лилли А.* Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850) / Пер. с франц. П.С. Каштанова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 496 с. Автор считает, что подобные работы необходимы для расширения кругозора социолога, интересующегося формированием устойчивых социальных представлений о счастье, справедливости и благополучии, поскольку показывают, каковы психологические и визуальные (в первой книге), а также исторические и медийные (во второй книге) предпосылки и инструменты формирования «героических» образов для подражания.

Ключевые слова: герой; образ; публичная фигура; репутация; слава; визуальность; нарративы; «путешествие героя»; кинематограф; СМИ

Герой — многогранное понятие, требующее комплексного подхода к своему изучению [см., напр.: 10; 14]. В русском языке слово «герой» имеет пять основных значений: человек, который совершил подвиг мужества, доблести, самоотверженности; человек, который является для кого-то идеалом, предметом восхищения, образцом для подражания; образ, воплощающий в себе характерные черты своей эпохи или среды; человек, чем-то отличившийся и привлекший к себе внимание («герой дня» в новостях); главное действующее лицо в фильме, книге, спектакле [6. С. 135–139]. В современном обществе, безусловно, преобладают три последних определения, в том числе и как своего рода «референты» при оценке социально одобряемых и/или требуемых качеств человека и его жизни, в том числе счастья и справедливости — личных, групповых и социальных. Для социолога важна не только корректная «фиксация» в общественном мнении тех публичных фигур, что задают образцы для подражания, но и понимание того, как «конструируется»

* © Субботина М.В., 2021

Статья поступила 11.03.2021 г. Статья принята к публикации 22.04.2021 г.

знаменитость/герой, с помощью каких средств и инструментов, включая визуальные [см., напр.: 8; 9].

Ответы на эти вопросы стремятся дать авторы двух рассматриваемых книг — Антуан Лилти в работе «Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850)», посвященной первым популярным людям и героям светской хроники, и Татьяна Салахиева-Талал в монографии «Психология в кино. Создание героев и историй», описывающей разные кинематографические персонажи и «фреймы», используемые для конструирования образов разных по типу «героев».

Тот факт, что в различных культурах встречаются похожие сказания о героях, стал очевиден в период колонизации — когда европейцы столкнулись с культурой Нового Света и обнаружили множество параллелей в мифах и легендах двух континентов. Схожие герои представлены во всех культурах и сферах искусства, что позволяет квалифицировать «героя» как культурную универсалию. Так, В. Пропп, проанализировав огромное количество сказок, систематизировал этапы пути и функции героя [4], а Д. Кэмпбелл провел сравнительное исследование мифов из разных частей света и обнаружил в них как тематические аналогии, так и схожую сюжетную структуру [3].

Сегодня образы героев конструируются в основном инструментами визуальной культуры, в частности, в кинематографе, который Т. Салахиева-Талал рассматривает как вид нарративного искусства — через универсальные мифы кино транслирует нам вечные смыслы и ценности. В отличие от художественной литературы, которая позволяет читателю активно задействовать воображение, кинематограф предлагает зрителю готовые визуальные решения: человек эмоционально вовлекается в события, происходящие на экране, его психологическая защита притупляется, а эмоциональный отклик возрастает, и на первый план выходят внутренние конфликты и подавленные эмоции, которые в повседневной жизни могут не осознаваться и не ощущаться. Но вовлеченность зрителя обеспечивается, только если он доверяет тому, что происходит на экране, и в той или иной степени ассоциирует себя с персонажами фильма («я могу/хочу/являюсь столь же красивым/умным/справедливым/счастливым», или наоборот). Сегодня насмотренность, скепсис и снобизм зрителя растут, и кинопроизводителю все сложнее добиться эмоционального отклика аудитории, поэтому акцент делается на обыденной проблематизации — чтобы зритель идентифицировал себя с персонажами, узнавал и привыкал к героям, т.е. чтобы случилась эмоциональная вовлеченность.

Салахиева-Талал подчеркивает, что не следует слепо применять психологические концепции в жизни, ставя «диагнозы» окружающим и основывая на них сценарии. В первой главе она описывает сходства психологии и кинематографа (исследование человеческой души), ссылаясь на их общего «прародителя» — Аристотеля — и его трактаты «О душе» и «Поэтика» (С. 21). Отправной точкой психологии кино автор считает взаимодействие между тремя участниками кинокоммуникации — автором, историей и зрителем: как

рождается история, какие личные проблемы автор пытается решить через создание фильма; какие психологические концепции можно использовать в сценарии, как создать (и развить) образ достоверного героя и достичь психологической глубины в сюжете; что мотивирует зрителя смотреть кино, какое психологическое воздействие фильм оказывает на человека, и чем оно отличается от других форм искусства (С. 22).

Вторая глава посвящена тем психологическим теориям, что чаще всего используются в интересах кинопроизводства, и одна из них — психоанализ З. Фрейда: он рассматривал человеческую природу с позиции борьбы противоположных сил, которую сам человек зачастую не осознает. Многие киноистории схематично повторяют структуру человеческой психики по Фрейду: Эго — герой, с которым мы себя отождествляем; Ид — антагонист, некое темное начало; Супер-Эго — союзник или учитель, который помогает герою и направляет на верный путь. В кинофильме внутренний конфликт получает внешнее проявление, что позволяет захватить внимание аудитории, осознавшей свои глубинные переживания. Данная концепция особенно подходит для супергеройских фильмов, в которых протагонист (Эго) обретает сверхспособности, превращаясь в супергероя (Супер-Эго) и побеждает антагониста (Ид), т.е. зритель видит внешнее проявление внутренней борьбы добра со злом.

Не менее значима для выстраивания сюжета аналитическая психология К. Юнга — понятия «коллективное бессознательное» и «архетипы». Под архетипами Юнг понимал универсальные врожденные психические структуры, заложенные в нашем опыте в виде символов и образов: персону или маску — та часть личности, которую человек показывает окружающим, социальные роли, которые он играет; тень — темная часть личности, произрастающая из животного прошлого человека; анима — бессознательное женское начало в мужчине, анимус — бессознательное мужское начало в женщине; самость — интегрирующая часть личности, объединяющая все ее противоречивые структуры. Стремление протагониста к достижению самости лежит в основе многих сюжетов: как правило, истории начинаются с того, что мы видим персону (маску) героя, затем он встречается с тенью (антагонист), реже — с анимой или анимусом, и в решающей битве с антагонистом побеждает противника и обретает новые положительные качества или отчужденные части своей личности, тем самым приходя к архетипу самости. Элементы концепции Юнга нашли отражение в мифах всех народов, работа Д. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» основана на идеях Юнга и, в свою очередь, повлияла на концепцию К. Воглера, на которую сегодня опираются сценаристы [1].

Сценарист и продюсер Д. Хармон разработал единую сценарную структуру в форме круга, который также базируется на модели «путешествия героя» Кэмпбелла: персонаж находится в зоне комфорта, у него возникает потребность, он вынужден покинуть зону комфорта и отправиться в «путешествие», приспосабливается к новым условиям, находит искомое, но расплачивается за него, возвращается в привычную среду с новым предметом

или знанием, изменяется сам и меняет среду. История не обязательно должна заканчиваться на последнем пункте — после прохождения всего круга герой может начать новую «историю», но уже в контексте других событий [13]. Согласно Юнгу, архетипы заложены в коллективном бессознательном и в способе восприятия мира, поэтому, создавая фильмы и другие художественные произведения, авторы вводят архетипических персонажей, т.е. героизм — нечто мифическое, что находит отражение в реальной жизни [7]. Миф — особый вид историй: герой, отправляясь в путешествие, в итоге приходит к самому себе, и путешествие — внешнее проявление внутренней трансформации, поэтому события и элементы историй, построенных на основе мифа, всегда являются метафорой.

Автор полагает, что фрейдистская структура истории изжила себя, поэтому кинопроизводители начали поиски нового мифа — соответствующего сложной структуре современного мира. Будущее кинематографа связывают с юнгианской эволюционной концепцией: героев в истории может быть несколько; на первый план выходит система персонажей, где каждый представляет определенный пласт общества; больше внимания уделяется контексту жизни героя, т.е. исследованию мира; в истории могут присутствовать несколько оппонентов, но ни один из них не является абсолютным злодеем. Главная цель героя — сломать шаблоны и выйти за привычные рамки, а не просто одолеть злодея, поэтому персонажи не делятся на плохих и хороших, а мир — на черное и белое. Новый миф получает развитие на трех уровнях: внутренняя борьба соответствует внешней, а вместе они соответствуют конфликту в масштабах мира.

Третья глава книги наиболее интересна с социологической точки зрения: Салахиева-Талал рассматривает кино как отражение психологических тенденций времени — каждому историческому периоду соответствует определенное психическое расстройство, которое находит отражение в кинематографе, поэтому на каждом этапе развития общества можно выделить особый тип истории и тип героя. Киногерои выступают квинтэссенцией актуальных проблем своего времени, иначе фильм не найдет отклик у аудитории. В США киноиндустрия сотрудничает с институтами, изучающими социокультурные феномены, — от понимания того, что происходит в обществе, зависит кассовый успех фильма. Российский кинематограф существует как бы в двух плоскостях, сочетая кинофильмы, снятые по госзаказу, с проектами-копиями успешных зарубежных трендов. Тем не менее, и в России зрительский выбор зависит от жанра, тематики и сюжета фильма, т.е. от актуальности проблемы, лежащей в его основе [11].

Говоря о фильмах и героях, характерных для разных исторических периодов, Салахиева-Талал систематизирует особенности западного кинематографа (Табл. 1). В России эволюция героя имела свою специфику, обусловленную государственной идеологией: с 1930-х годов до хрущевской «оттепели» кинематограф транслировал идеализированную картину

советской жизни — какой она должна быть. В фильмах сталинского периода прослеживается триада «отец, сын и дух», где отец — сильная фигура, символизирующая партию и главу государства (архетип наставника), сын — советский народ, нуждающийся в наставлениях мудрого отца, а дух — идеология государства [2].

Таблица 1

Типы героев в российском кинематографе

Исторический период	Вторая мировая война	1950–1970-е: нарциссическое общество	1970–1990-е: технологическое общество	1990-е — наше время: текучее общество
Ситуация	Социум сталкивается с опасностью Главная форма отношений — слияние Главная ценность — принадлежность к группе Самореализация уходит на второй план Ключевая потребность — выживание	Группе не требуется выживать Личные интересы и самовыражение выходят на первый план Человек отталкивается от группы ради самореализации Расширение «Я» Бунт против системы приводит к насилию и разрушению прежних ценностей	Научно-техническая революция Возвышение машины над людьми Производительность важнее эмоций Семейные Привязанности уходят на второй план Дети предоставлены сами себе, родители делают карьеру Дети растут с иллюзией своей исключительности и ощущают себя самозванцами	Ослабление семейных связей из-за миграций Утрата корней и традиций Неумение выстраивать близкие отношения
Герой	Самоотверженный храбрец, приносящий себя в жертву обществу Антигерой — трус, подлый человек, изменник родины	Герой-одиночка прокладывает путь к успеху, несмотря на правила и устои; сильная личность, бросающая вызов миру Более поздний и радикальный образ — герой против всех, бунт через насилие	Персонажи без цели, потерянные и деструктивные, склонные к саморазрушению Блокбастеры, где мир поделен на черное и белое, есть четкие ориентиры и «правильный» герой	Одиноким человек, не умеющий выстраивать тесные контакты с другими

Герой «оттепели» — подросток, символизирующий новое поколение, которое ищет свой путь и действует не по указу сверху. Главной чертой героя 1960-х становится «жизнь по совести», ответственность за себя и окружающих, но он пока еще не бунтует против родителей и государства. В 1970-е годы на экранах доминирует уставший, сдавшийся, разочаровавшийся герой без жизненной энергии и веры в светлое будущее. В 1970-е формируется еще один тип героя: «деловой человек», циничный и прагматичный, умеющий приспособиться к обстоятельствам. Ему противостоит «передовик производства», трудящийся на благо родины (часто это женский персонаж). В 1980-е годы в кино появляется герой-бунтарь: дерзкий, рискованный, эгоцентричный молодой человек. Это период кризиса, переломный момент, когда нужно

разрушить старый мир, чтобы выжить, — по сути, мифологический сюжет: герой встречается с бездной и перерождается, обретая новые качества (период перестройки). В кино 1990-х годов центральной темой становится насилие ради насилия и беспощадный бунт — на первый план выходят сюжеты, связанные с криминальным миром.

В 1990-е и 2000-е годы активное влияние западных ценностей на российскую культуру привело к тому, что пропущенные этапы, пережитые западным обществом, стали проживаться в России в «ускоренной перемотке». Так, нарциссические тенденции, очевидные в западном кинематографе в 1950–1970-е годы, нашли отражение в российском кинематографе 1990-х: у людей с коммунальным прошлым и без права на интимность стало популярным словосочетание «мои границы», в российских фильмах часто появляется эмоционально холодный герой, неспособный на близость и проявление чувств — пассивный, депрессивный, бессильный перед системой. Одновременно снимаются спортивные драмы, направленные на воспитание патриотических чувств и национальной гордости, в которых прослеживается триада соцреализма: отец (тренер), сын (команда) и дух (идея общей победы).

Выделение типичных персонажей для разных эпох — достаточно спорное решение, но сама концепция социально-экономической контекстуализации кино имеет право на существование. Например, нынешняя пандемия обусловила популярность фильмов про эпидемии, т.е. общество нуждается в фильмах, помогающих ему осмыслить происходящее, а кинематограф реагирует на современные вызовы.

В четвертой главе проанализированы «пути» героя, которые наиболее часто встречаются в кино и опираются на триаду «потребность–желание–цель» (С. 128). Потребность является движущей силой истории, даже если не осознается героем, и ее реализация лежит в основе изменения характера персонажа. Желание отличается от потребности тем, что осознается героем и влияет на внешние события, происходящие с персонажем. Соотношение желания и потребности позволяют создать глубокого и многомерного героя: часто сюжет построен так, что герой не может достичь желаемого, пока не удовлетворит внутреннюю потребность. Эта взаимосвязь обеспечивает разные варианты сценария: внутренний конфликт героя или внешние обстоятельства, выступающие аллегорией внутренней борьбы. С потребностью связан изъян — внутренняя проблема, не дающая герою развиваться и достигать желаемого. Если история построена по принципу преодоления изъяна, то она включает самооткровение — осознание персонажем самого себя и способа взаимодействия с миром, как правило, перед финальной схваткой со злом: герой избавляется от изъяна (количественные изменения постепенно приводят к качественной трансформации), что позволяет ему одержать победу.

Последующие главы книги посвящены становлению характера героя и преодолению им тех своих черт, что подпитывают «изъян» (невроз с позиций гештальт-терапии), и автор опирается на теорию мономифа Дж. Кэмпбелла и

возникшую на его основе сценарную концепцию К. Воглера. В целом книга позволяет читателю получить достаточно полное представление о (социально-)психологических принципах конструирования образа героя посредством визуально-сюжетной репрезентации в кинематографе, а также, что принципиально важно для социолога, показывает социально-историческую обусловленность (инструментов создания) образа героя как отражения особого этапа в развитии конкретного общества через сочетание определенных личностных черт (счастлив герой или нет, справедлив или нет, активен или нет и т.д.).

Книга Антуана Лилти предлагает читателю иную «оптику» для исследования образа героя (светской хроники, нашего времени, дня) — с позиции реальной жизни, а не кинематографа. Для социолога работа будет особенно интересна тем, что основана на анализе огромного количества документов и на сочетании концептуальных построений признанных социальных ученых, что позволяет автору объяснить, почему сегодня знаменитости «героизируются» и превращаются в своего рода «предмет культа». Лилти считает необходимым разделять три понятия: знаменитость, слава и репутация. Слава — это вневременное признание, которое получает незаурядный человек за героический поступок или великое творение, но, как правило, посмертно — в форме коллективной памяти (С. 10). Репутация — это совокупность социализированных мнений, оформившихся через обсуждения и пересуды, т.е. репутацию имеют все члены общества (С. 11). Знаменитость не сводится к широкой известности среди современников и не тождественна репутации, основанной на профессиональных или личных качествах. Если человек становится знаменитым, то превращается в публичную фигуру, и интерес публики к нему начинает измеряться другими критериями, прежде всего, умением удерживать интерес публики: политики, спортсмены, музыканты и пр. становятся «героями» медиашоу (С. 13).

Лилти полагает, что публика формируется благодаря общему любопытству, а не обмену рациональными аргументами (С. 16), что соответствует теории коммуникации Г. Тарда: люди, осознавая, что им интересно то же, что и большинству их современников, чувствуют единение и получают от этого удовлетворение (С. 17). Если понимать под публичностью процесс непрерывного воспроизводства публики посредством распространения зрительных образов и дискурсов в медиа, то можно говорить об амбивалентности публичности: с одной стороны, публичность демократична — подразумевает отсутствие монополии элит на информацию, с другой стороны, публичность выступает символом вульгарности в глазах элит. Чем более знаменитой становится та или иная фигура, тем больше ее поклонники уверены в том, что их связывают с ней особые личные отношения: так знаменитость и отрицает, и стимулирует механизмы индивидуализации. Причем постепенно поклонники все больше внимания уделяют событиям в личной жизни знаменитости, переставая акцентировать внимание на ее выдающихся качествах, и часто имидж

знаменитости основан на личных недостатках. Ощущение, что «звезда» — «тоже человек» делают ее более привлекательной для поклонников, порождая эмпатию и позволяя людям отождествлять себя с ней: выдающиеся качества знаменитого человека приближают его к «небожителям», а недостатки — к обычным людям. Данная теория перекликается с концепцией амбивалентности героя [11], согласно которой герои должны обладать недостатками, чтобы привлекать всеобщее внимание. Лилти не связывает парадокс знаменитости исключительно с появлением современных СМИ: проанализировав документы и архивные записи, он показывает, что феномен знаменитости зародился в Париже и Лондоне еще в середине XVIII века.

Так, в первой главе автор показывает амбивалентность знаменитости на примере случая с Вольтером, когда в Комеди Франсез его бюст был увенчан лавровым венком. Официально данное событие считалось триумфом Вольтера, но многие современники сочли «коронацию» унижительным фарсом (С. 26), тем более что театр тогда не был подобающим местом для почестей: театральная сцена была пространством и для элит, и для простонародья, а статус даже известных актеров считался достаточно низким (С. 27). К 1778 году популярность Вольтера достигла пика — его знали даже те, кто не читал его работ. Сам Вольтер активно поддерживал образ самого знаменитого человека Европы, проводя светские приемы в своем поместье, которые напоминали театральные представления — чтобы гости по возвращении домой рассказывали яркие истории из его жизни, подпитывая интерес окружающих. Вольтер сравнивал себя с диким зверем, которого показывают на ярмарочных балаганах, подчеркивая двойственность знаменитости: с одной стороны, публичный интерес создает знаменитость, с другой — превращает человека в объект наблюдений (так, популярностью пользовались изображения философа в домашней обстановке за совершением ежедневных бытовых ритуалов), т.е. знаменитость — своего рода кабала (С. 30–31). Критики того времени сравнивали Вольтера с популярным тогда комедийным актером Воланжем, считая его даже более известным, чем Вольтер: согласно Лилти, запасы общественного внимания не безграничны, и одна знаменитость неизбежно будет вытеснять другую в общественном мнении (С. 38). Конечно, после смерти именно Вольтер обрел подлинную славу, т.е. знаменитость нельзя считать лишь переходным этапом между репутацией и славой, но именно она открывает дорогу новым практикам и нарративам, которые тиражируют СМИ (С. 41).

Во второй главе Лилти показывает, какие социальные и культурные изменения подготовили почву для появления современных «звезд»: в XVIII веке увлечение европейцев театром привело к тому, что возникло множество механизмов поддержания знаменитости, порожденных коммерциализацией индустрии развлечений, — пресса, специализирующаяся на личной жизни актеров, продажа изображений популярных актеров, иерархия актеров в труппах (по критерию дохода и условий труда), спектакль-бенефис, частые гастроли, благотворительные вечера в пользу нуждающихся и т.д. В третьей главе автор

прямо говорит о «первой медийной революции»: феномен знаменитости зародился не в эпоху цифровизации, когда современные технологии позволили тиражировать информацию (в первую очередь визуальную) в огромных масштабах, а еще в XVIII веке — когда увеличилось количество грамотных людей, способных читать газетные статьи, биографии и мемуары о жизни знаменитых актеров (часто их заказывали сами актеры), стали продаваться не только портреты знаменитостей, но и сувенирная продукция с их изображениями (брелоки, статуэтки, украшения и т.д.), т.е. начала формироваться «визуальная культура знаменитости» (С. 86).

Знаменитыми становились не только актеры и выдающиеся представители своего времени, но и, казалось бы, ничем не примечательные люди (с точки зрения талантов и поступков). Например, преступник Картуш, которому долгое время удавалось избежать правосудия, — о нем писали статьи и книги, ставили пьесы. Существует предположение, что пьесы про Картуша ставились по заказу властей, чтобы показать его в негативном свете в назидание общественности, но публика среагировала иначе, сделав Картуша одной из своих любимых публичных фигур. Интерес публики подогревался, в первую очередь, недостатком официальной информации и противоречивостью чувств, которые вызывали преступники (С. 130).

Тем не менее, в четвертой главе Лилти признает, что в XVIII веке не было понятия «знаменитость», и это затрудняет изучение процессов, происходивших в общественном сознании в то время. Философы-просветители рассуждали о феноменах славы и героизма, но скорее с критической точки зрения: славу, заработанную рискованными поступками, сменили более прозаические и рациональные ценности — «приятное» и «полезное» (С. 141), а «героя» — «великий муж», т.е. герой, обладающий человеческими чертами (С. 143). Эти процессы Лилти показывает в пятой главе на примере жизни Жан-Жака Руссо: получив премию Дижонской академии, он в одночасье стал знаменит, хотя не гнался за известностью и воспринимал ее как бремя и испытание, сокрушаясь, что окружающая его толпа не дает ему по-настоящему с кем-то сблизиться. Сочетание знаменитости философа с сильным эмоциональным воздействием его книг на публику заставляло читателей писать ему послания, где они делились своими чувствами и выражали надежду на личную встречу (С. 193). Руссо признавал, что полностью утратил контроль над собственным образом, превратился в пассивного его наблюдателя, стал одиночкой в толпе поклонников и потерял свое «я» среди своих публичных образов.

В шестой главе Лилти фокусируется на знаменитостях в политике: например, Наполеон Бонапарт культивировал и подогревал слухи о своих подвигах, а публика, интересуясь личной жизнью знаменитого человека, начинает разделять политические воззрения своего кумира. В заключительной главе книги феномен знаменитости рассмотрен в эпоху романтизма, с которой связан культ субъективности, непризнанного творческого гения, напрямую влияющего на сердца читателей и зрителей. Романтизм характеризует, с одной стороны, медиатизация культурной жизни, а, с другой стороны, попытки

установить прямой контакт между автором и читателем, причем романтический творец зачастую был и гением пиара, и воплощением сентиментальности (С. 337). Так, популярность Байрона была связана не только с художественными достоинствами его произведений, но и с бурной личной жизнью, благодаря чему сложился «образ разочарованного бунтовщика-идеалиста, отказывающегося подчиняться общепринятой морали и попеременно надевающего на себя маску обличителя, соблазнителя или страдальца» (С. 340).

Таким образом, согласно Лилти, феномен знаменитости, который сегодня определяет социальные представления о правильном и запретном, должном и недопустимом, (не)счастье и (не)справедливости, разумности и эмоциональности, сложился по следующим причинам: повышение общего уровня образования, что позволило людям читать статьи и книги о знаменитых людях, рост печатной продукции, совершенствование технологий тиражирования изображений и изменение характера жизнеописаний знаменитых людей (переход от официальной информации и панегириков к описаниям личных историй и появлению анекдотов). От репутации и славы знаменитость отличается рядом особенностей: инверсия частного и публичного (интерес публики к деталям личной жизни публичной фигуры); имя знаменитого человека известно даже тем, кто не знаком с его (профессиональными) заслугами; ощущение эмоциональной связи поклонника со знаменитостью; локальность во времени (в отличие от славы, знаменитость «живет» недолго — имеет значение только для современников); уравнивание статуса знаменитостей (публика ставит в один ряд политиков, спортсменов, артистов и преступников). В современную эпоху все эти особенности и причины обрели лишь иные масштабы и технологическое оформление.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Библиографический список

- [1] *Воглер К.* Путешествие писателя: Мифологические структуры в литературе и кино. М., 2017.
- [2] *Зайцева Л.А.* Киноязык: опыт мифотворчества. М., 2010.
- [3] *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. СПб., 2017.
- [4] *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1928.
- [5] *Салахиева-Галал Т.* Психология в кино: Создание героев и историй. М., 2019.
- [6] *Соколова Б.Ю.* Проблема дефиниций понятия «герой» // Осознание культуры — залог обновления общества. Вклад современной науки в общечеловеческую культуру. Севастополь, 2009.
- [7] *Галал А.* Миф и жизнь в кино: смыслы и инструменты драматургического языка. М., 2018.
- [8] *Троцук И.* Нарративность визуального, или О пользе несоциологического чтения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1.

- [9] Троцук И.В., Субботина М.В. Счастье и героизм, личное и коллективное как основные элементы «светлого будущего» в советской (не)утопии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4.
- [10] Троцук И.В., Субботина М.В. Феномен героизма: две «хронологические» интерпретации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3.
- [11] Фонд кино и ВЦИОМ обрисовали портрет посетителя российского кинотеатра // URL: http://www.kinometro.ru/news/show/name/Fond_VCIOM_new_study_7935.
- [12] Efthimiou O., Allison S.T., Franco Z.E. (Eds.). *Heroism and Well-Being in the 21st Century: Applied and Emerging Perspectives*. Routledge, 2018.
- [13] The Dan Harmon Story Circle: What Authors Can Learn from Rick and Morty // URL: <https://blog.reedsy.com/guide/story-structure/dan-harmon-story-circle>.
- [14] Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-623-633

Non-heroic heroes: Two approaches to the analysis of media images *

M.V. Subbotina

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru)

Abstract. In the contemporary society, media ‘heroes’ are one of the most influential reference groups, which determines our perception of our own life in terms of happiness, success, justice, well-being, or, on the contrary, in opposite terms. The article is a review of two books: Salakhieva-Talal T. *Psychology in Cinema: How to Make Heroes and Stories*. Moscow: Alpina non-fiction; 2019. 349 p.; and Lilti A. *The Invention of Celebrity*. Transl. from French by P.S. Kashtanova. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House; 2018. 496 p. The author believes that such works are necessary to broaden the horizons of the sociologist focusing on the development of social representations of happiness, justice and well-being: these works explain psychological and visual (the first book) and historical and media (the second book) prerequisites and tools for creating ‘heroes’ as role models.

Key words: hero; image; public figure; reputation; glory; visuality; narratives; ‘hero’s journey’; cinema; media

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective measurements of happiness: Justice as a criterion for personal and social well-being”.

* © M.V. Subbotina, 2021

The article was submitted on 11.03.2021. The article was accepted on 22.04.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-634-640

VII международная научная конференция «Цифровизация общества и будущее христианства. К вопросу о трансформации ценностно-нормативной системы общества»*

И.П. Рязанцев¹, Р.М. Плюснин^{1,2}, Е.А. Каргин¹

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Лихов пер., 6, стр. 1, Москва, 127051, Россия

²Институт Европы РАН
ул. Моховая, 11, стр. 3, Москва, 125009, Россия
(e-mail: dekan-soc@mail.ru; senterix@yandex.ru; stou-st@yandex.ru)

Аннотация. 18–19 февраля 2021 года в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете прошла VII международная научная конференция «Цифровизация общества и будущее христианства. К вопросу о трансформации ценностно-нормативной системы общества». На этом научном мероприятии с докладами выступили крупные ученые из России, Италии, Германии, Франции, Тайваня, Китая, Индии, Нигерии, Украины и Белоруссии. В своих докладах они с христианской точки зрения рассмотрели те проблемы, вызовы и преимущества, которые привносит в современную жизнь процесс цифровизации. Особый акцент был сделан на тех изменениях в ценностях и нормах людей, которые несет с собой цифровизация.

Ключевые слова: цифровизация; христианство; общество; виртуализация; ценностно-нормативная система

18–19 февраля 2021 года в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ) прошла VII международная научная конференция «Цифровизация общества и будущее христианства. К вопросу о трансформации ценностно-нормативной системы общества». Часть участников присутствовали на мероприятии онлайн, а остальные — очно. В рамках конференции прошли пять секций и три круглых столов.

В начале работы конференции с приветственным словом выступил протоиерей Константин Польсков (проректор ПСТГУ по научной и международной работе). Затем со вступительным словом к участникам конференции обратились сопредседатели организационного комитета — Игорь Павлович

* © Рязанцев И.П., Плюснин Р.М., Каргин Е.А., 2021

Статья поступила 27.02.2021 г. Статья принята к публикации 22.04.2021 г.

Рязанцев (ПСТГУ) и Ип-Мэй Ло (Христианский университет Чжунъюань, Тайвань).

Конференцию открыл президент Европейской социологической ассоциации Роберто Чиприани (Университет Рома Тре, Италия). Его доклад «Diffused religion and digital society» («Диффузная религия и цифровое общество») был посвящен проблеме уменьшения роли религиозных структур в современном обществе на фоне распространения «диффузной» религии. Она занимает ниши, возникшие вследствие так называемого «расколдовывания мира». Самой распространенной практикой «диффузной» религии Чиприани называет молитву. Однако социализирующая роль религии в современном мире не ослабевает, и многие секулярные ценности по-прежнему имеют религиозные источники. Период пандемии увеличил масштабы использования цифровых технологий, и отсутствие других возможностей сделать богослужение доступным для верующих вынудило священников пользоваться онлайн платформами. Чиприани утверждает, что все мировые религии признали цифровые технологии неотъемлемой частью своего существования. Несмотря на угасание роли традиционных религиозных институтов и возникновение секулярного пространства, религия не исчезает, а приспосабливается к новой среде, в том числе осваивая цифровые инструменты.

Алексей Николаевич Гуня (Институт географии РАН, ПСТГУ) в выступлении «Свято место пусто не бывает? Переосмысление географического пространства в эпоху цифровизации» говорил о виртуализации пространства. В небольшом теоретическом вступлении он отметил, что под географическим пространством понимается, прежде всего, физическое, где человек существует как биологический вид. Очевидна историческая проблема стремления человека к автономии в природе, и виртуализация пространства — следующий шаг в этом направлении. В исследованиях сакрального пространства Гуня выделил три направления: во-первых, богословские труды по онтологии священного пространства; во-вторых, исторические, культурологические и, реже, географические работы по изучению процессов сакрализации пространств; в-третьих, исторические, социологические, философские, реже политологические и антропологические работы, отражающие влияние священного пространства на развитие государств и народов. В частности, феномен «святого места» связан с современной тенденцией виртуализации пространства.

Алекс Хан-Хо Ип (Колледж Чунг Чи, Гонконг, Китай) выступил с докладом «A methodological review on digital theology and the study on the relationship between the social media use patterns in the era of big data, using Hong Kong as a test case» («Методологический обзор цифровых технологий и изучение взаимосвязи паттернов использования социальных сетей в эпоху больших данных на примере Гонконга»). Автор начал с обзора методологических проблем развития цифрового богословия, выделив в нем следующие стадии: 1) анализ позитивного и негативного влияния цифровых технологий на религию; 2) поиск новой типологии для описания того, как новейшие цифровые технологии

создают пространство для возникновения новых форм религиозной деятельности (виртуальный храм, киберцерковь и т.д.); 3) поиск теоретической перспективы для интерпретации большого объема данных, возникшего в результате широкого вхождения Интернета в повседневную жизнь. Автор утверждает, что в «эпоху Big Data» информация о любых действиях человека в Интернете и социальных медиа может сохраняться, накапливаться и анализироваться. Результатом такого анализа становится информация, которую индивид получает из социальных медиа, т.е. они оказывают влияние на взгляды и мировоззрение пользователей. В частности, это влияние может проявляться в том, как христиане интерпретируют библейские тексты. Автор приводит результаты исследования сообщества христиан Гонконга: было выявлено две группы с разными подходами к использованию социальных медиа, у которых оказались различными и интерпретации предложенного им отрывка из Библии.

Следующая сессия началась с доклада Армина Грунвальда (Технологический университет Карлсруэ, Германия) «Digitalization as a challenge to human self-understanding» («Цифровизация как вызов для самопонимания человека»). Грунвальд обратился к современному постгуманизму, который считает искусственный интеллект вершиной и главной целью развития человечества или, по меньшей мере, средством перехода на новую стадию эволюции. Хотя развитие технологий с эпохи Просвещения воспринимается как освобождение от уз природы и культуры, сегодня в отношении технологий возникают более радикальные, подобные религиозным, ожидания. Ссылаясь на современных футурологов и визионеров, автор отмечает, что от технологического прогресса сегодня ожидают освобождения от фундаментальных ограничений природы человека — болезни и смерти. Но создание технологического рая на Земле лишает человека необходимости полагаться на божественную помощь. Искусственному интеллекту приписываются такие божественные свойства, как всеведение и справедливость. Грунвальд подчеркивает, что любого, кто выполняет работу, можно сопоставить с алгоритмом, и человек может быть сведен к количественным характеристикам, которые можно измерить, посчитать и сравнить. Результатом подобных сравнений становится представление об алгоритме как «совершенном человеке», лишенном недостатков. Возможность замены человека роботом — лишь часть проблемы внедрения искусственного интеллекта, не меньшее беспокойство вызывает превалирование технического представления о человеке в современном дискурсе.

Грунвальд делает несколько критических замечаний относительно развития технологий: технологическое развитие связано с экологическими проблемами; утверждение о превосходстве техники над человеком тривиально, так как любое техническое устройство лучше человека только в определенной области; объективность искусственного интеллекта подвержена влиянию его создателей — компаний и профессиональных коллективов, преследующих свои корпоративные, политические, военные и иные цели; граничащее с религиозным

представление о совершенстве искусственного интеллекта иллюзорно, что объясняется систематическими ошибками и общей тенденцией к деградации компонентов устройств. Цифровизация и развитие искусственного интеллекта ставят антропологический вопрос о том, что в человеке есть человеческого. Этот вопрос делает сравнение человека с искусственным интеллектом абсурдным и исключает возможность технического отношения к индивиду.

Протоиерей Вадим Леонов (Сретенская духовная семинария) в выступлении «Перспективы цифровизации человеческой жизни с позиции православной антропологии» рассмотрел разные стороны цифровизации с точки зрения православного учения о благодатном взаимодействии. Сначала автор привел классификацию преимуществ и рисков цифровизации, а затем представил типологию способов общения между людьми: прямое общение личностей в Боге по своей схеме практически тождественно общению людей посредством искусственного интеллекта. Риск его обожествления существует, поскольку искусственный интеллект иллюзорно принимает на себя свойства Бога — в этом основная опасность цифровизации. В завершении выступления автор перечислил пять возможных ответов христианства на эту угрозу и назвал наиболее приемлемым православное учение о духовном общении в Боге, общении в любви.

Сергей Анатольевич Чурсанов (ПСТГУ) выступил с докладом «Антропологические начала христианской культуры в цифровом информационно-коммуникативном пространстве». Он рассмотрел богословские концепты «человеческая личность» и «межличностные отношения»: начал с методологии междисциплинарного взаимодействия и перешел к характеристике межличностного общения, охарактеризовав совершенное общение в богословском и информационно-коммуникативном контексте. Чурсанов отметил, что современные информационные технологии имеют негативные предпосылки, связанные с пантеизмом и индивидуализмом. В условиях этих антропологических рисков особую актуальность обретает обращение к христианскому пониманию человека как образа воплотившегося Сына Божьего.

Следующая сессия началась с выступления Эндрю Ван-Хуня (Гонконгский политехнический университет, Китай). В его докладе «Ellul, Taylor and Digitalisation» («Эллюль, Тейлор и цифровизация») было отмечено возрастающее преобладание технического мышления на фоне трансформации индустриального общества в цифровое. Автор обратился к творчеству Жака Эллюля и Чарльза Тейлора, которые предложили свои способы решения этой проблемы. Он перечислил семь особенностей современной техники по Эллюлю: рациональность, искусственность, автоматизм технического выбора, самовоспроизводство, неделимость, технологический универсализм и автономия. Технологии создают специфический мир с собственными законами, поэтому техническое мышление способно входить в противоречие с моралью, социальными и религиозными табу, десакрализирует человека, разрушает социальные группы и человеческие отношения в целом, что, по мнению

Эллюля, не может не иметь социальных и духовных последствий. Техника разрушает то, что относилось к сакральному, а с исчезновением сакрального сама становится предметом сакрализации.

Тейлор также отмечал, что даже в областях, где решения принимались с опорой на сакральное, на волю Бога, господствующим становится инструментальное мышление, что заставляет людей искать технологические решения для всех проблем, включая природные. Преодоление технического мышления, по Эллюлю, возможно посредством крупномасштабной войны, восстания людей, опасющихся порабощения техникой, или в результате непосредственного божественного вмешательства в человеческую историю. Эллюль призывает к борьбе за свободу от всепроникающей техники с опорой на христианскую веру. Тейлор считает достаточным более тщательный анализ современной культуры с моральной точки зрения — чтобы подчинить технологии моральным и религиозным императивам. Эти подходы докладчик считает взаимно дополняемыми.

С докладом на тему «The impact of digitalization in the current and future evolution of identities in the Christian world» («Влияние цифровизации на настоящую и будущую эволюцию идентичностей христианского мира») выступила Светлана Васильевна Радченко-Драяр (Парижский университет Дидро, Франция). Она исследовала применение цифровых технологий и их влияние на коммуникации в христианском мире (православной, католической и протестантской конфессиях), отмечая связь цифровых технологий с формированием идентичности отдельных индивидов в контексте религии. Радченко-Драяр отмечает, что для христианства характерно приспособление к окружающей социальной среде и использование новых технологий для распространения своего учения. Так, сегодня новейшие цифровые и коммуникационные технологии используются в миссионерской деятельности. При этом конкретные формы внедрения технологий, степень их критического восприятия зависят от предшествующего развития каждой христианской конфессии. Наблюдается двоякий процесс: христианство осваивает цифровые технологии, но их внедрение оказывает влияние на религиозные практики и формы их осуществления, что порождает споры о допустимости и целесообразности некоторых изменений (например, «оцифровки» богослужебных практик) и об угрозах цифрового контроля за индивидом.

Радченко-Драяр отмечает способность цифровых технологий создавать новые сообщества, существующие в двух формах: реальные группы, создающие интернет-площадки для коммуникации, и виртуальные сообщества из незнакомых лично людей. Таким образом, цифровые технологии позволяют создавать религиозные сообщества без привязки к конкретным территориям и политическим границам. Автор выделяет пять направлений влияния христианской религии на идентичность индивида в цифровую эпоху: теоретическое, историко-философское (распространение фундаментальных знаний о христианстве; педагогическое; психолого-психотерапевтическое; социальное; политическое).

Следующая сессия открылась выступлением Патрика Гнаны (Университет Мадраса, Индия) на тему «Resonances of ‘digital Christianity’: An exploration from the perspective of the public religion» («Резонансы “цифрового христианства”: исследование с позиций публичной религии»). Автор отметил, что в современном христианском мире происходят изменения, в частности, христианство становится «публичной религией», стремительно осваивая цифровое пространство: с одной стороны, оцифровываются религиозные тексты, и все вероучение становится доступным онлайн; с другой стороны, в цифровом пространстве организуются дебаты, создаются форумы для дискуссий. Такие форумы могут ограничиваться одной религиозной традицией или предоставлять ограниченный доступ членам других конфессий и несогласным. Форумы могут быть ориентированы на межрелигиозный диалог и изучение чужого религиозного опыта. По мнению докладчика, цифровое пространство должно осваиваться христианством, поскольку позволяет создавать группы и сообщества верующих без географических, социальных, расовых и телесных ограничений. Примером может служить основанное в Индии сообщество христиан «Yesu Ennesar Church».

Виктор Иванович Шамшури (МГУ) в докладе «Цифровизация и высшая школа: образование и гуманитарные ценности (патристика об образовании)» затронул вопрос о взаимоотношении преподавателей и студентов в современном университете. Процесс цифровизации изменяет лишь возможности подачи материала при обучении, а преподавателю важно не только научить и эмпирически удостоверить истинность знания, но и пропустить его через свой опыт. Так, преподаватель не просто указывает на источники происхождения и места проявления знания, но и последовательно проверяет и утверждает его индивидуальным жизненным действием-поступком как личным уроком. Истинное наставничество — это не только научение образцам, данным Образом, но и научение деланию образцов.

Оньюеуказири Джастин Ннаемека (Университет providения Тайчжун, Тайвань) выступил с докладом «Covid-19 pandemic and the question of divine providence in the digitalized age» («Пандемия коронавируса и божественное providение в цифровую эпоху»). Автор проанализировал воздействие пандемии через призму теодицеи в эпоху, когда цифровизация усиливает масштаб катастроф, распространяя в глобальном масштабе атмосферу страха, паники и безысходности. Нынешняя пандемия стала тому наглядным подтверждением. Автор предложил экскурс в философское и теологическое осмысление природы зла (Аристотель, Платон, стоики, Августин, Аквинат и др.) и сделал вывод, что зло не имеет онтологической основы, а обладает логическим существованием в человеческом сознании, т.е. является отсутствием добра. То же верно и в отношении пандемии — она не противоречит божественному providению.

Протоиерей Александр Абрамов (Сретенская духовная семинария) в выступлении «Ватикан об искусственном интеллекте: богословие, институты,

практика» затронул вопросы взаимодействия Римской католической церкви с новыми явлениями, порожденными технологическим прогрессом. Так, Ватикан уделяет особое внимание роботизации и этике искусственного интеллекта, активно задействуя свою научно-исследовательскую инфраструктуру (Папская академия в защиту жизни, Папская академия наук, Дикастерия по содействию целостному человеческому развитию). Нарбатывается опыт частно-государственного партнерства и взаимодействия с крупнейшими корпорациями и межгосударственными структурами. Серьезное значение имеет так называемый «Римский призыв по этике искусственного интеллекта», принятый с участием и по инициативе Римской католической церкви в 2020 году. Важно подвергнуть «инвентаризации» ее опыт богословского осмысления цифровизации и практической работы по сохранению христианского этоса в новых условиях.

После завершения конференции было согласовано создание международного института цифровизации, который объединит усилия ученых по формированию христианского взгляда на гуманитарные вопросы и духовно-нравственные проблемы, стоящие перед человечеством в эпоху цифровизации общества.

Также было предложено провести следующую конференцию в Нью-Йорке (США) на базе Института изучения восточного христианства Объединенной семинарии при Колумбийском университете.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-634-640

VII international scientific conference “Digitalization of society and the future of Christianity. On the transformation of the value-regulatory system of society”*

I.P. Ryazantsev¹, R.M. Plyusnin^{1,2}, E.A. Kargin¹

¹St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities
Likhov per., 6, bld. 1, Moscow, 127051, Russia

²Institute of Europe of RAS
Mokhovaya St., 11, bld. 3, Moscow, 125009, Russia
(e-mail: dekan-soc@mail.ru; senterix@yandex.ru; stou-st@yandex.ru)

Abstract. On February 18–19, 2021, the St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities hosted the VII international scientific conference “Digitalization of society and the future of Christianity. On the transformation of the value-normative system of society”. At this scientific event, prominent scientists from Russia, Italy, Germany, France, Taiwan, China, India, Nigeria, Ukraine and Belarus made their presentations. They considered in the Christian perspective the challenges and benefits of digitalization for the contemporary society. A special emphasis was made on the changes in values and norms under digitalization.

Key words: digitalization; Christianity; society; virtualization; value-normative system

* © I.P. Ryazantsev, R.M. Plyusnin, E.A. Kargin, 2021

The article was submitted on 27.02.2021. The article was accepted on 22.04.2021.

НАШИ АВТОРЫ

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: borges75@mail.ru).

Быков Игорь Павлович — соискатель кафедры административного и финансового права Российского университета дружбы народов (e-mail: eg.bykov@inbox.ru).

Валитова Зульфия Хафизовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (e-mail: valitova@yandex.ru).

Вартанова Марина Львовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: 11marina11@mail.ru).

Голодова Жанна Гавриилловна — доктор экономических наук, профессор кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: golodova-zhg@rudn.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Есимова Айгуль Бегеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и общественных дисциплин Южно-Казахстанского государственного педагогического университета (e-mail: ayessimova@gmail.com).

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: garoldz-borovsky@gmail.com).

Каргин Евгений Андреевич — ассистент кафедры социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (e-mail: stou-st@yandex.ru).

Карташкин Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; заслуженный юрист Российской Федерации (e-mail: v.kartashkin@mail.ru).

Кизилова Ксения — заместитель директора Института сравнительных исследований общественного мнения «Евразийский барометр» (Вена, Австрия); руководитель секретариата Исследовательской ассоциации «Мировые ценности» (Стокгольм, Швеция); генеральный секретарь Исследовательского комитета «Сравнительное общественное мнение» Международной политологической ассоциации (Монреаль, Канада) (e-mail: ksenniya.kizilova@gmail.com).

Киреев Егор Юрьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: yegorkireev@gmail.com).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larinatti@rudn.ru).

Мосакова Елизавета Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: lizavetam@mail.ru).

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: muzykant_vl@pfur.ru).

Мунадхил Абдул Мукситх — аспирант (Индонезия) кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: munadhil.muqsith@gmail.com).

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: osadchaya111@gmail.com).

Плюснин Роман Михайлович — младший научный сотрудник Института Европы Российской академии наук; преподаватель кафедры социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (e-mail: senterix@yandex.ru).

Попова Татьяна Александровна — стажер-исследователь Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: tapopova@hse.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Ротман Давид Генрихович — доктор социологических наук, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: dgrotman@rambler.ru).

Рязанцев Игорь Павлович — доктор экономических наук, заведующий кафедрой социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (e-mail: dekan-soc@mail.ru).

Рындина Анастасия Станиславовна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: ablagva@mail.ru).

Савенкова Анастасия Сергеевна — ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@igsu.ru).

Смирнов Павел Александрович — старший преподаватель кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: smirnov-pa@rudn.ru).

Сорокин Павел Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: psorokin@hse.ru).

Субботина Мария Владимировна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru).

Тертышникова Анастасия Геннадьевна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: tertyshnikova_ag@rudn.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Черникова Анна Андреевна — младший научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: aannyu@yandex.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики и заместитель декана факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места

работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.